

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 4 (13), 2013

История

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров*, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Польшвинный, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

- Д. И. Польшвинный*, д-р ист. наук,
(главный редактор серии)
О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
Э. В. Кромер, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Т. Б. Кудряшова, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, канд. филос. наук

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2013

Отечественная история

Костылёва Е. Л., Зарецкая Н. Е., Кабанов А. Ю., Уткин А. В. Результаты радиоуглеродного датирования остатков деревянной клетки земляного вала лухской крепости из раскопок 2008 г. **5**

Балдин К. Е. Роль общественности в развитии профессионального образования в российской провинции в конце XIX — начале XX в. (На примере города Иваново-Вознесенска) **10**

Степанов А. В. Провинциальные города Поволжья 1900-х гг. глазами В. А. Гиляровского **23**

Ильин Ю. А. Власть, хлеб и мобилизации в российской деревне периода гражданской войны и интервенции (по книге воспоминаний А. Окнинского) **35**

Листопадов Д. Ю. Пионерская организация на территории Верхнего Поволжья (май 1923 — май 1924 г.) **43**

Пономарев Н. А. Попытки реформирования системы аэроклубов Осоавиахима в 1940—1941 гг. **51**

Всеобщая история

Фёдорова Е. Л. Аммиан Марцеллин о галльских военных кампаниях Юлиана Отступника **57**

Евсеев В. А., Соколова Т. В. Благотворительность лондонских горожан в XVII в. **65**

Ревякина Н. В. А. Н. Веселовский об Италии 1860-х гг. **75**

Шнырова О. В. Суфражизм и избирательная реформа 1918 г. **82**

Рецензии

Садовская В. Ю. Повседневная жизнь восточных немцев после объединения Германии (1991—2010) **90**

Черноперов В. Л. Канцлерин Германии Ангела Меркель и конституционное строительство Европейского союза в 2005—2009 гг. **94**

Евсеев В. А. Рецензия на кн.: *Кондратьев С. В.* Английская революция XVII века. М., 2010 **105**

Сведения об авторах **108**

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» **110**

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 362
тел./факс (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы: *О. В. Батова, В. А. Киселева,*
О. А. Кручинина
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Г. Б. Клецкиной*

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2013. Вып. 4 (13). История**

Подписано в печать 12.12.2013 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,6. Уч.-изд. л. 8,4. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 4 (13), 2013

History

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

CONTENTS

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics (Chairman)

D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

K. Prefcke, Professor (Germany)

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD

OF THE SERIES «THE HUMANITIES»

D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(editor-in-chief of the series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

E. V. Kromer, Candidate of Science, Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

T. B. Kudryashova, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Candidate of Science,
Philosophy

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512

Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2013

Russian history

Kostilyova E. L., Zaretskaja N. E., Kabanov A. Yu., Utkin A. V. Radiocarbon dating results of wooden base of the Lukh fortress earth mound from excavations of 2008 **5**

Baldin K. E. The role of the community in the vocational education development in Russian province at the turn of the XXth century (with the example of Ivanovo-Voznesensk) **10**

Stepanov A. V. Provincial cities of the Volga river area in the 1900s as witnessed by Vladimir Giliarovsky **23**

Ilyin Y. A. Authorities, bread and mobilization in Russian village during the Civil war and intervention (as witnessed by A. Okninsky memoirs) **35**

Listopadov D. Y. Pioneer organization at the territory of the Upper Volga (May 1923 — May 1924) **43**

Ponomaryov N. A. Attempts to reform the Oso-aviakhim aviation clubs in 1940—1941 **51**

General history

Fyodorova E. L. Ammianus Marcellinus on Julian the Apostate's Gallic military campaigns **57**

Evseev V. A., Sokolova T. V. The charity of London's citizens in the 17th century **65**

Revyakina N. V. A. N. Veselovskii on Italy in 1860s **75**

Shnyrova O. V. Suffrage and the election reform of 1918 **82**

Sadovskaya V. Yu. Everyday life of East Germans after reintegration of Germany (1990—2010) **90**

Chernoperov V. L. Kanzlerin Angela Merkel and constitutional construction of the European Union in 2005—2009 **94**

Reviews

Evseev V. A. Review to: *Condratyev S. V.*
English revolution of the 17th century.
Moscow, 2010 **105**

Information about the authors **108**

Information for the authors
of «Ivanovo State University Bulletin» **110**

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 362
tel./fax (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Editorial staff:

Publishing house director *L. V. Mikheeva*
Editors: *O. V. Batova, V. A. Kiseleva,*
O. A. Kruchinina
Technical editor *I. S. Sibireva*
Computer layout *G. B. Klyotskina*

ББК 63.444(235)-425

Е. Л. Костылёва, Н. Е. Зарецкая, А. Ю. Кабанов, А. В. Уткин

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ ОСТАТКОВ ДЕРЕВЯННОЙ КЛЕТИ ЗЕМЛЯНОГО ВАЛА ЛУХСКОЙ КРЕПОСТИ ИЗ РАСКОПОК 2008 г.

Публикуются результаты радиоуглеродного датирования остатков деревянной клетки от внутренней конструкции земляного вала памятника археологии эпохи позднего Средневековья — крепости в поселении Лух Ивановской области. Радиоуглеродный возраст образца 130 ± 30 BP (ГИН-14141). Календарный возраст, полученный после стандартной процедуры калибровки в программе OxCal v. 3.10, представлен тремя возможными значениями: 1680—1740 гг.; 1830—1890 гг.; 1910—1940 гг. н. э. Все эти даты противоречат другим источникам по возрасту лухской крепости и объясняются загрязнением образца молодой органикой, содержащейся во вмещающем образцы слое (корни деревьев). Дата не может быть признана валидной.

Ключевые слова: поселение Лух, средневековая крепость, деревянная клеть, радиоуглеродное датирование, календарный возраст, загрязнение образца.

The results of radiocarbon dating of wooden base of the earth mound at archaeological site from the late Middle Ages — fortress in Lukh settlement — are published. The radiocarbon date of the sample is 130 ± 30 BP (AAP-14141). The possible calendar date defined by standard calibration procedure conducted with OxCal v. 3. 10 are 1680—1740, 1830—1890 and 1910—1940. All these dates contradict other sources on the date of the Lukh fortress and can be explained by the sample pollution with late organics (roots of the trees) in the layer here the sample was taken from. Thus the date cannot be recognized valid.

Key words: Lukh settlement, medieval fortress, wooden base, radiocarbon dating, calendar age, sample pollution.

Небольшое поселение Лух расположено на востоке современной Ивановской области, на левом берегу одноименной реки, впадающей в Клязьму. Впервые в летописи этот укрепленный городок был упомянут под 6937 г. (1429 г.) в связи с разорением его (наряду с Костромой и Плёсом) татарами [9, с. 8].

От его оборонительных сооружений до наших дней сохранились земляные валы, которые ныне являются памятником истории и культуры федерального значения [1, с. 123]. Они расположены в центральной части современного поселения и окружают древнее городище с трех сторон — северной, южной и восточной. Их общая протяженность — 295 м. В поперечном сечении они трапециевидные, ширина основания 20—30 м, по гребню 5—8 м, высота 4—5 м, глубина прилегающего рва 4—5 м при ширине 20—25 м. В восточном валу устроен проем для въездных ворот шириной 10 м.

© Костылёва Е. Л., Зарецкая Н. Е., Кабанов А. Ю., Уткин А. В., 2013

Лухское городище в археологическом плане исследовалось неоднократно. Впервые оно было кратко описано И. К. Херсонским в 1890 г. [13]. Затем, спустя почти 100 лет — в 1984 г., городище было обследовано в рамках программы по составлению археологической карты России К. И. Комаровым, который дал его подробное описание и выполнил инструментальную съемку плана памятника [1, с. 123]. В 1986 г. небольшие работы здесь провел П. Н. Травкин [12]. Им было заложено два шурфа размерами 2×2 и 1×1 м в северной и южной частях городища. Наконец, летом 2003 г. И. В. Купцов в северо-западной части городищенской площадки вскрыл еще 4 кв. м [7]. Во всех шурфах было встречено много кованых строительно-крепежных гвоздей и битой керамической посуды, в основном достаточно позднего облика (XVII—XVIII вв.). Но по мнению исследователей, из всей массы этого керамического материала можно выделить и отдельные черепки конца XIV в. Хотя выраженного слоя антропогенных отложений этого столетия (да и XV—XVI вв.) на памятнике не выявлено.

В 2008 г. Е. Л. Костылёвой в преддверии строительных работ по созданию модели деревянной крепости на валах были проведены охранные раскопки на площади в 246,5 кв. м, затронувшие район проездной башни и прилегающих к ней участков валов. Результаты этих исследований опубликованы [5].

В ходе раскопок в верхней части валов были найдены в основном вещи XVIII—XIX вв. (кованые гвозди, глиняные светильники, обломки глиняной и фаянсовой посуды и изразцов и пр.). И лишь в засыпке одной из внутривальной клетки, примыкавших к основному объему древней башни, было обнаружено несколько обломков керамической посуды XV в. На основе этого и с учетом того, что лухская крепость, по данным письменных источников, в начале XV в. уже существовала, сооружение насыпи было авторами публикации предварительно также отнесено к рубежу первого и второго десятилетий XV в.

С целью более точного определения времени постройки крепости в ходе работ был проведен отбор образца древесины от западной стенки внутривальной клетки № 4 (рис. 1), отправленного на радиоуглеродное датирование в Геологический институт РАН.

Сохранность древесины средняя. Она достаточно рыхлая, распадающаяся на отдельные волокна. Количество массы, подвергшейся датированию, вполне достаточное.

Образец подвергся стандартной процедуре обработки [3] в радиоуглеродном подразделении лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН. Полученная дата составляет 130 ± 30 ^{14}C лет (ГИН-14141). Для приведения радиоуглеродного возраста к календарному дата была подвергнута стандартной процедуре калибровки в программе OxCal v. 3.10 [14, 15]. Результат представлен на рис. 2.

На рисунке видно, что дата попала на очень неровный участок калибровочной кривой, поэтому почти равновероятны следующие календарные значения возраста образца клетки: 1680—1740 гг.; 1830—1890 гг.; 1910—1940 гг. н. э.

Наиболее вероятное значение возраста образца — 1690 г. н. э. (соответствует самому высокому пику в левой части графика). Можно было бы предположить, что эта дата связана со временем перестройки или подновления

лухской крепости, так как в XVII в. она заметно обветшала. Вот что о ее состоянии сообщалось в «Писцовой книге города Луха, посада и посадской выгонной земли письма и меры Ивана Афанасьевича Головленкова и подьячего Василия Львова», составленной «в лета 7133 и 7134» (1624—1626 гг.): «Город Лух на реке на Луху древян ветх, вдоль шездесят сажен, поперег тридцать пять сажен, а дворов в городе нет» [8, с. 260].

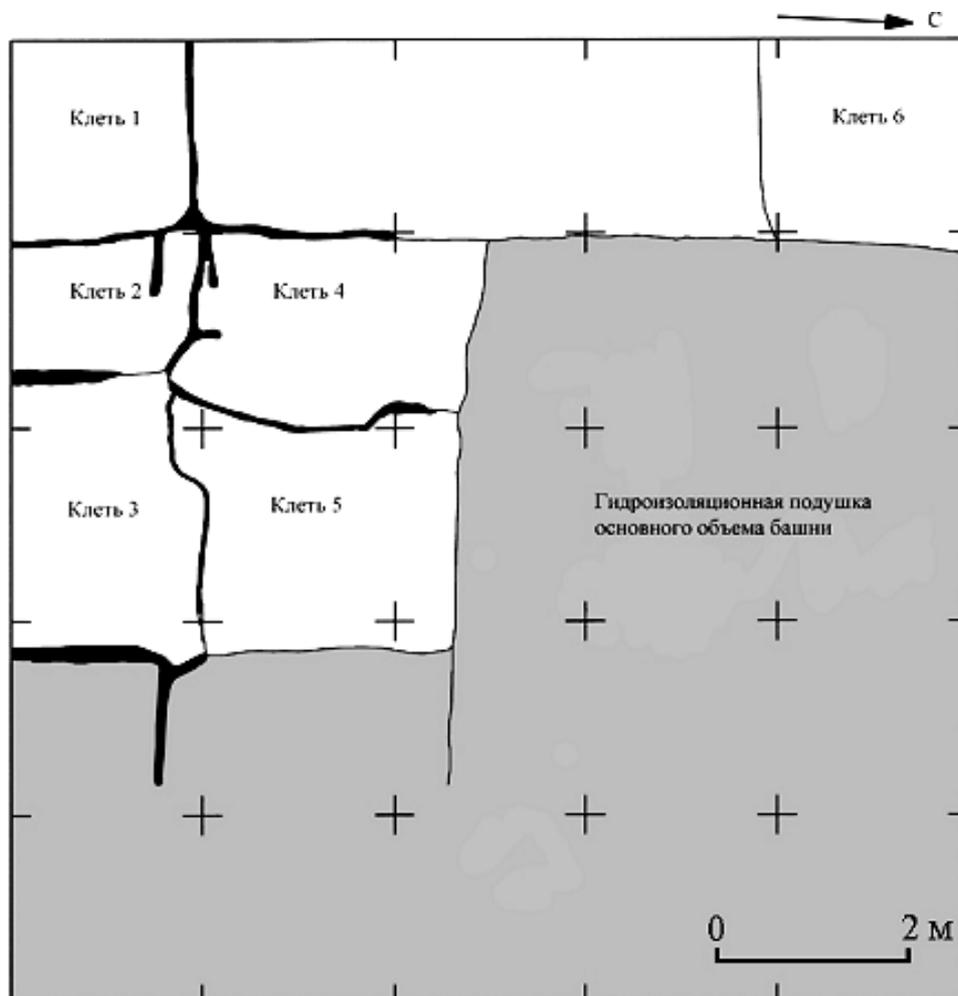

Рис. 1. Городище Лух. Валы. План центрального участка раскопа 2008 г. на уровне предматерика (рис. Н. Цветковой, Е. Костылёвой)

А через три десятка лет (1658 г.) в «Расписном списке города Луха...» говорится уже о разрушении как стен крепостной башни, так и стен на валу и фактически о потере военного значения крепости: «...город в Луху пуст из давних лет стены с башни обвалились а острогу нет... а ключей городовых и острожных и наряду и зелья и свинцу и всяких пушечных запасов и житниц и хлеба в городе и на посаде никакого нет...» [10, стб. 142, л. 92].

О полном запустении и развале крепости упоминается и в описи городов 1678 г., где со ссылкой на «отписку» жильца Федора Тимофеевича Воейкова и на «книги» говорится: «Город развалился до подошвы, стоит осыпью одною стороною на Лух реку» [2, с. 222].

Можно было бы предположить, что в конце XVII в. была предпринята попытка подновить проездную башню. Однако это вряд ли имело место. Прежде всего археологически не улавливались следы каких-либо перекопов, которые, несомненно, «читались» бы в слое в случае проведения в XVII в. строительных работ. Кроме того, на рисованном плане города Луха конца XVII — начала XVIII вв., видно, что от крепости осталась лишь осыпь, но внутри имеются строения [11, с. 195]¹. А вот на картине первой трети XIX в. художника А. Кореонова «Панорама Луха», внутри валов уже ничего нет. А на месте проездной башни — провал².

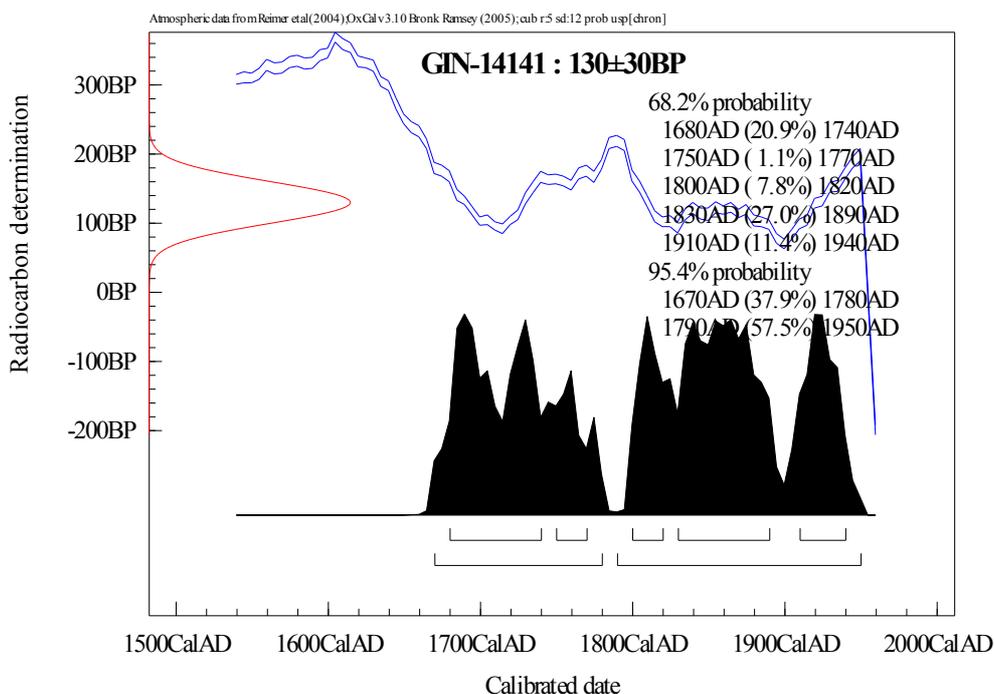

Рис. 2. Городище Лух. Валы. Радиоуглеродная дата и календарный возраст образца древесины внутривальной клетки № 4

Наконец, необходимо учитывать, что многие крепости в XVII в. после событий Смутного времени и постепенной стабилизации жизни потеряли свое значение. Давно исчезла и угроза татарских набегов. Поэтому неудивительно, что они ветшали, разрушались и власти не предпринимали никаких мер к их восстановлению. Исчезла историческая необходимость строительства и содержания подобных крепостей, по крайней мере в центральной части России. При этом заметим, что в пограничных районах и в Сибири, где политическая ситуация была иной, строительство деревянных крепостей велось и в XVII в. [6].

В связи с этим полученную радиоуглеродную датировку по лухской крепости нельзя признать валидной. Налицо явное омоложение образца, что,

¹ План города Луха хранится в отделе редкой книги библиотеки Санкт-Петербургского отделения РАН.

² Акварель А. Кореонова «Панорама Луха» хранится в Государственном историческом музее. Опубликовано в журнале «Архитектурное наследие» (1985. № 33. С. 8).

видимо, связано с загрязнением его более молодым углеродом. Об этом свидетельствует и то, как «повел себя» образец в ходе подготовки к датированию: он полностью растворился во время обработки его горячим раствором NaOH, поэтому, вместо обычного датирования очищенной в щелочи древесины на измерение возраста была отправлена щелочная вытяжка. Это, в свою очередь, могло привести к смешению в датированном материале более древней (соответствующей возрасту клетки) и более молодой фракций углерода. Возможно, последняя попала в образец из вмещающей его почвы. Необходимо заметить, что лухское городище в XIX в. было превращено в парковую зону, в его пределах, в том числе и в районе проездной башни, где проводились раскопки, были посажены липы, корневая система которых проникала глубоко в почву и могла загрязнить образец. Таким образом, полученная радиоуглеродная дата может представлять собой «сумму» углерода клетки и более молодого углерода, связанного с загрязнением образца современной растительностью.

Несмотря на то что полученная радиоуглеродная дата оказалась далека от ожидаемой (XV—XVI вв.), мы сочли необходимым ее опубликовать и представить возможные варианты ее интерпретации.

Библиографический список

1. Археологическая карта России : Ивановская область / сост. К. И. Комаров ; Ин-т археологии РАН. М., 1994. 224 с.
2. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1875. Т. 9. 384 с.
3. *Зарецкая Н. Е.* Радиоуглеродная и календарная хронология многослойных торфяных поселений Волго-Окского междуречья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М. : Academia, 2005. С. 113—129.
4. *Кабанов А. Ю.* Страницы истории Лухского края // Лухский край : земля заповедная. Иваново : Иваново, 2003. С. 215—330.
5. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Предварительные результаты раскопок земляного вала лухской крепости осенью 2008 года // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 3. С. 26—39.
6. *Крадин Н. П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М. : Искусство, 1988. 192 с.
7. *Купцов И. В.* Отчет о проведении археологических изысканий на территории пос. Лух Ивановской обл. 11—13 июля 2003 г. // Архив Департамента культуры и культурного наследия Ивановской области.
8. Писцовая книга города Луха, посада и посадской выгонной земли письма и меры Ивана Афанасьевича Головленкова и подьячего Василия Львова // Смутное время: итоги и уроки : сб. материалов Всерос. науч. конф. / отв. ред. А. Ю. Кабанов. Иваново : Иваново, 2012. С. 260—272.
9. Полное собрание русских летописей. СПб., 1901. Т. 12. 267 с.
10. Расписной список города Луха, сданного воеводой Григорием Борисовичем Кайсаровым воеводе Назарию Леонтьевичу Алексею от 26 января 1658 г. // РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола.
11. *Тверской Л. М.* Русское градостроительство до конца XVII века : планировка и застройка русских городов. М. ; Л. : Госстройиздат, 1953. 216 с.
12. *Травкин П. Н.* Отчет Ивановского разведывательного отряда Верхневолжской экспедиции о раскопках Петровского древнерусского селища и разведках в Приволжском, Заволжском и Лухском районах Ивановской обл. в 1986 г. // Архив ИА РАН. № 11 498. Л. 10—11.

13. Херсонский И. К. Сведения о некоторых памятниках старины, доставленных в Костромскую ученую архивную комиссию от церковью Костромской епархии // Костромская старина. Кострома, 1890. Вып. 1.
14. Bronk Ramsey C. Comment on «The Use of Bayesian Statistics for 14C Dates of Chronologically Ordered Samples: a Critical Analysis» // Radiocarbon. 2000. Vol. 42, № 2. P. 199—202.
15. Bronk Ramsey C. OxCal. 2005 v. 3.10.

ББК63.3(2)53-7 + 74.03(2)5

К. Е. Балдин

**РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.
(На примере города Иваново-Вознесенска)**

Статья посвящена деятельности провинциальных предпринимателей, интеллигенции и органов общественного самоуправления по созданию и развитию начальных и средних профессиональных учебных заведений в городе Иваново-Вознесенске. Активность упомянутых социальных слоев и общественных структур стала одним из свидетельств формирования в России в поздней имперский период элементов гражданского общества.

Ключевые слова: профессиональное образование, российская буржуазия, интеллигенция, органы общественного самоуправления, попечительские организации, общества вспомоществования, гражданское общество.

The article is devoted to the activity of businessmen, intelligentsia and self-government bodies in order to create and develop elementary and secondary professional educational institutions in Ivanovo-Voznesensk. Their activity illustrates the formation of civil society elements in late imperial Russia.

Key words: professional education, Russian bourgeoisie, intelligentsia, self-government bodies, trustee funds, compassionate benefit societies, civil society.

До последнего десятилетия XIX в. профессиональное образование в России было развито очень слабо, в особенности это касалось его среднего и начального звеньев. К началу 1890-х гг. в стране существовали десятки общеобразовательных заведений — гимназий и реальных училищ, тысячи земских, церковно-приходских и иных начальных школ; вузов было не так много, но это были очень серьезные учреждения, дававшие добротное образование. В то же время технических, коммерческих, сельскохозяйственных школ и училищ было крайне мало. Настоящий скачок вперед профессиональное образование совершило в период, когда в 1892—1903 гг. Министерство фи-

© Балдин К. Е., 2013

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Образовательное пространство российской провинции и общественность в конце XIX — начале XX в.» (проект № 13-11-37001).

• Серия «Гуманитарные науки»

нансов России возглавлял выдающийся российский государственный деятель С. Ю. Витте. Наряду с крупными реформами в области промышленности и финансов он сделал очень много с целью создания разветвленной системы подготовки кадров для отечественной экономики. Эти преобразования, осуществлявшиеся через вышеупомянутое столичное ведомство, коснулись высшего, среднего и начального профессионального образования.

В начале управления С. Ю. Витте этим министерством в нем числились всего 9 профессиональных учебных заведений, в том числе такие широко известные, как училище технического рисования барона Штиглица в Петербурге, Строгановское училище, Московская практическая академия коммерческих наук и немногие другие. Через десять лет в ведении Министерства финансов насчитывалось уже 191 учебное заведение (!), в том числе 3 вуза, 147 средних учебных заведения, остальные представляли собой торговые школы, различного рода курсы, ремесленные мастерские и т. п. [8, с. 344, 352].

По свидетельству самого Витте, он занимался организацией профессионального образования «весьма ретиво и с большим удовольствием». Для руководства вновь создаваемыми учебными заведениями в составе министерства был создан особый отдел коммерческого образования. Просвещенному сановнику удалось добиться выделения значительных казенных средств для финансирования новых вузов, специальных училищ и школ, а также на основе софинансирования привлечь к их материальной поддержке частных предпринимателей [7, с. 64].

Политика С. Ю. Витте в области профессионального образования оказала влияние не только на столицы, но и на провинцию, где были созданы десятки новых учебных заведений. Не оказался в стороне от этого процесса крупный индустриальный центр — Иваново-Вознесенск. Особо следует подчеркнуть, что шесть из семи профессиональных учебных заведений, возникших в городе в дореволюционный период, были созданы в период управления Витте Министерством финансов... Факт, как нам представляется, очень знаменательный. В 1894 г. в «Русском Манчестере» возникло низшее механико-техническое училище, 1896 г. — школа колористов, 1897 г. — женская профессиональная школа, 1898 г. — рисовальная школа, 1901 г. — торговая и ремесленная школы, в 1911 г. — музыкальные классы.

Иваново-Вознесенск на рубеже XIX и XX вв. представлял собой промышленный город с отчетливо выраженной специализацией на производстве хлопчатобумажных тканей. Здесь в это время функционировало около полусотни предприятий, из которых десять представляли собой заведения, относившиеся по существовавшей тогда классификации к категории крупнейших. На каждом из них работало по несколько тысяч человек рабочих, десятки служащих. Вокруг «Русского Манчестера» располагался Иваново-Вознесенский промышленный район, в который входили такие крупные текстильные центры, как Кинешма, Шуя, Тейково, Серeda, Яковлевское, Родники, Бонячки, Тезино, Вичуга, Южа, Пучеж, Наволоки, Лежнево и др.

Одной из больших проблем промышленности текстильного края была явно недостаточная квалификация рабочих и служащих, абсолютное большинство которых не имело специального образования. Следствием этого было невысокое качество продукции, которую выпускали местные фабрики. Не случайно в России в тот период существовало такое несколько презрительное выражение, как «линючие ивановские ситцы», последние действительно выгорали под солнцем, застирывались и быстро приобретали нетовар-

ный вид. Большинство рядовых рабочих обладали только самыми элементарными умениями и навыками, но еще хуже было то, что профессиональную подготовку не получали служащие, в частности ткацкие мастера, механики, техники и другие специалисты, которые занимали важные должности на производстве.

Нельзя сказать, что местные промышленники не задумывались об открытии профессиональных учебных заведений, эта идея пришла им в головы давно, еще когда на карте страны не было города Иваново-Вознесенска. В 1868 г. в Вознесенском посаде (он в 1871 г. при создании города станет его частью) было основано училище для детей мастеровых и рабочих. Хотя оно было призвано выпускать приказчиков и конторщиков для местных текстильных фабрик, но это учебное заведение скорее следует охарактеризовать как общеобразовательное с профессиональным уклоном.

В 1880 г. городская дума, которой руководили местные фабриканты, постановила открыть в Иваново-Вознесенске ремесленное училище и отпустить на его устройство 2,5 тыс. Самы промышленники были готовы пожертвовать на устройство проектируемого учебного заведения значительную сумму в 60 тыс. р., кроме того, одна из передовых текстильных фирм — Торговый дом Н. Гарелина предполагала отпустить на реализацию этого проекта еще 10 тыс. р. Однако инертность деловых людей и недостаточная помощь со стороны властей как местных, так и столичных, значительно затянули этот процесс [2, ф. 2, оп. 1, д. 2323, л. 1].

Дело сдвинулось с мертвой точки только тогда, когда октябре 1888 г. Иваново-Вознесенск посетил попечитель Московского учебного округа граф П. А. Капнист, который, ревизуя действовавшие в то время общеобразовательные учебные заведения, одновременно выяснял возможности для создания в городе низшего механико-технического училища (НМТУ) для подготовки квалифицированных механиков, слесарей, граверов, но не рабочих, а мастеров по этим профессиям, т. е. служащих — «младшего командного состава» для текстильных предприятий [4, с. 37]. Тем не менее понадобилось еще шесть лет для того, чтобы эти планы осуществились. В течение нескольких лет шла подготовительная работа, приспособление так называемого нормального устава механико-технических училищ к местным реалиям, производился сбор денежных средств среди местных фабрикантов. По городу и окрестным промышленным центрам были распространены рекламные листки, в которых содержались правила поступления в училище.

Торжественная церемония открытия самого первого в городе профессионального учебного заведения состоялась 1 сентября 1894 г. В 9 часов утра в его временном помещении на ул. Московской собрались «отцы города», представители местной общественности, педагоги НМТУ, только что зачисленные 40 учащихся и их родные. В 10 часов в училище пришел крестный ход из Покровского собора с местнотчтимыми иконами и причтом главного храма города. Законоучитель НМТУ о. Иоанн Завазальский сказал приличествующее событию слово. Затем директор А. О. Зеленцов официально огласил высочайшее повеление об открытии училища. Хор певчих пропел гимн «Боже, царя храни», и после этого учеников распустили по домам. После полудня в Общественном собрании города был устроен от строительной комиссии училища торжественный завтрак. В Иваново-Вознесенск в связи с торжественным событием пришла поздравительная телеграмма от графа

П. А. Капниста. Со 2 сентября 1894 г. в НМТУ начались регулярные занятия [2, ф. 212, оп. 1, д. 2, л. 2; ф. 2, оп. 1, д. 2324, л. 193, 211].

До революции большинство предприятий в Иваново-Вознесенске, Шуе, Тейкове и других индустриальных центрах были отделочными по своему профилю, ткацкое и особенно прядильное производство здесь были меньше развиты. В условиях мощного промышленного подъема в последнее десятилетие XIX в. в текстильном крае остро встал вопрос о создании профессионального учебного заведения, которое готовило бы специалистов по отделке тканей. Понимание этого пришло одновременно к текстильным фабрикантам и интеллигенции — педагогической и технической. В середине 1890-х гг. была создана комиссия из местных промышленников, инженеров и техников под председательством директора Иваново-Вознесенского реального училища П. В. Григорьева. Члены ее выработали проект нового учебного заведения, который был препровожден в отделение промышленных училищ Министерства народного просвещения [3, с. 13].

В ответ на это попечитель Московского учебного округа направил в Иваново-Вознесенск запрос о том, какие материальные средства намерены выделить местные фабриканты и городская дума на создание школы и дальнейшее ее содержание. Промышленники согласились одновременно выделить на эти нужды 55 тыс. р., а местное общественное управление — 2,5 тыс. р. ежегодно. В декабре 1894 г. в город пришло письмо от министра народного просвещения И. Д. Делянова, который выражал фабрикантам «искреннейшую признательность за их просвещенное содействие». В результате царем был подписан указ о создании с 1 июля 1896 г. при местном реальном училище школы колористов [2, ф. 2, оп. 1, д. 2323, л. 37, 41, 44, 47, 50].

Наряду с профессионально-техническими учебными заведениями широкое распространение в России на рубеже XIX и XX вв. получило коммерческое образование. В начале прошлого века больше всего торгово-коммерческих школ было в Москве — 5 общественных и 10 частных, и в Петербурге — соответственно 9 и 5. В начале XX в. они работали также в Киеве, Харькове и других крупных торговых и индустриальных центрах. Кроме того, к 1909 г. в разных городах действовали 20 общественных вечерних торговых классов. Опыт работы этих учебных заведений показал, что они дают солидное образование, необходимое для практической деятельности [20, с. 5—6].

Такого рода учебное заведение было остро необходимо в Иваново-Вознесенске как крупном индустриальном центре. Здесь на фабриках работали сотни приказчиков и конторщиков, которые являлись «практиками», т. е. не имели специального образования. Между тем в связи с расширением масштаба коммерческих дел, усложнением бухгалтерского учета предприятиям требовались все новые специалисты, обладавшие специфическими знаниями. Учебное заведение торгового профиля могло обслуживать не только «столицу» текстильного края, но и окружавший ее промышленный район, в котором насчитывались десятки крупных и крупнейших предприятий, а также сотни мелких и средних.

Следует признать, что непосредственным инициатором открытия торговой школы в Иваново-Вознесенске выступили не местные фабриканты, а правительственные структуры. В 1899 г. в поволжские губернии был направлен действительный статский советник С. С. Григорьев — главный инспектор по учебной части Министерства финансов. В сентябре — октябре того же

года он останавливался в «Русском Манчестере», встретился с местными фабрикантами, убедился в том, что они понимают необходимость открытия такого учебного заведения, но не знают, как взяться за дело. После квалифицированных и исчерпывающих консультаций, данных местным промышленникам, он возвратился в Петербург и доложил своему начальству, что в Иваново-Вознесенске почва для создания новой профессиональной школы готова. Этот факт наглядно свидетельствует о том, что местные предприниматели при создании учебных заведений не всегда четко представляли, что им делать, в какие государственные структуры обращаться. В таких случаях им на помощь нередко приходили просвещенные чиновники, чаще всего — из столичных учреждений, направляя активность местной общественности в нужное русло.

Первым официально предпринятым шагом для создания школы стало письменное обращение товарища (заместителя) министра финансов В. И. Ковалевского к председателю Иваново-Вознесенского комитета торговли и мануфактур (КТМ) Н. А. Ясунинскому. Петербургский чиновник предложил обсудить на заседании комитета вопрос об открытии школы, которая была призвана готовить служащих для контор местных предприятий [2, ф. 2, оп. 1, д. 3722, л. 2].

В конце 1899 г. и в мае 1900 г. вопрос об открытии торговой школы трижды обсуждался на заседании Комитета торговли и мануфактур, на него были приглашены фабриканты, которые не входили в состав этой организации. Деловые люди Ивановского края пришли к единодушному мнению, что такое учебное заведение необходимо для дальнейшего развития промышленности в регионе. Большую поддержку возникшему проекту торговой школы оказал владимирский губернатор Н. М. Цеймерн. Он сумел привлечь к финансированию проектируемого заведения крупные промышленные фирмы, которые находились за пределами Иваново-Вознесенского промышленного района — текстильные предприятия из Вязников, Меленок, Киржача [2, ф. 2, оп. 1, д. 3722, л. 2].

Для того чтобы заложить прочную материальную базу в основание учебного заведения, фабриканты на заседании КТМ постановили осуществить «самообложение» — произвести отчисления с каждой фабрики и завода пропорционально числу трудившихся на них рабочих из расчета по 15 коп. в год с каждого рабочего (разумеется, эти деньги вносили фабриканты, а не рабочие!) и аналогичным образом одновременно по 1 р. 20 к. на постройку здания. В дальнейшем в связи с расширением деятельности торговой школы в 1906 г. первая из этих норм была увеличена до 20 к. [20, с. 5, 7—8].

20 марта 1901 г. КТМ обратился к Иваново-Вознесенской городской думе с просьбой отпустить на нужды торговой школы по 2 тыс. р. в год. 26 апреля того же года орган местного самоуправления обсудил это предложение, гласные единодушно поддержали проект создания школы, разногласия были только относительно суммы, которую предполагалось ассигновать на новое учебное заведение. Впрочем, остановились на тех 2 тыс. р., которые запросил Комитет торговли и мануфактур.

В течение целого года, с июня 1900 г. по май 1901 г., члены КТМ выработывали устав школы, который был утвержден в столице 9 июня 1901 г. В первых двух параграфах его говорилось, что школа готовит учащихся «к службе в торговых и промышленных заведениях» и состоит в ведении учебного отдела Министерства финансов. Планировался четырехгодичный курс

обучения, первый год подростки получали образование в подготовительном отделении, затем следовали три года основного курса. В уставе говорилось о том, что школа содержится на средства, отпускаемые КТМ и городской думой, на плату за обучение и пожертвования [23, с. 3—4, 6—7, 21—22].

При создании любого учебного заведения самым затратным является не наем педагогов, не закупка учебников или оборудования для кабинетов, а строительство специального здания. Этот вариант обустройства является наиболее предпочтительным, так как при аренде учебных помещений, во-первых, приходится серьезно адаптировать их для училищных нужд и, во-вторых, необходимо ежегодно платить хозяину этих площадей немалые деньги. Поэтому состоятельные люди, выступавшие инициаторами открытия профессиональных учебных заведений, не отказывались от немалых затрат с целью создания качественной материальной базы учебных заведений.

К строительству здания для механико-технического училища — первого профессионального училища в городе, местные фабриканты подошли со всей серьезностью. Проект училищного дома составил архитектор Московского учебного округа Никифоров. В феврале 1894 г. его одобрил министр народного просвещения И. Д. Делянов. Тем временем в начале того же 1894 г. в Иваново-Вознесенске была создана комиссия из местных фабрикантов, ведавшая постройкой нового здания, в нее вошли М. Н. Гарелин, А. И. Гарелин, Н. Г. Бурьлин, А. М. Гандурин, А. Н. Новиков и др. На строительной площадке не было единого подрядчика, и работы проводили так называемым хозяйственным способом. Кирпичную кладку осуществляла местная фирма М. Т. Скорынина, отопление и вентиляцию монтировала столичная фирма «Вулкан», московский купец И. А. Орлов взялся сделать лестницу и полы из ценного тарусского мрамора. Словом, денег на строительство учебного заведения не жалели [2, ф. 2, оп. 1, д. 2324, л. 5, 11, 14, 31, 37, 73, 151, 256].

В результате уложиться в первоначальную смету не удалось. В мае 1895 г. на собрании 25 иваново-вознесенских фабрикантов прозвучала информация о том, что общая стоимость здания и необходимого для училища оборудования составит 230 тыс. р., и для завершения работ требовалось еще 70 тыс. Промышленникам пришлось делать дополнительные взносы, причем вся тяжесть новых расходов легла на иваново-вознесенских ситцевиков. Из окрестных фирм небольшие суммы при дополнительном сборе средств пожертвовало только Товарищество Собинской мануфактуры и фирма братьев Горбуновых из Середы. 28 октября 1899 г. работавшая более пяти лет комиссия по постройке училища с немалым облегчением констатировала, что здание закончено [2, ф. 2, оп. 1, д. 2325, л. 54, 60, 61, 68, 155, 190, 204].

Оно было расположено на довольно значительной по площади усадьбе, подаренной М. Н. Гарелиным и располагавшейся между улицей Московской и оврагом, в котором протекал ручей Кокуй. Училище находилось скорее на окраине, чем в центре города, но от него до главной торговой площади и городской управы было 15 минут пешей ходьбы. Главное здание было двухэтажным (в советское время надстроили третий). Здесь имелся просторный вестибюль, актовый зал, пять аудиторий, а также рисовальный, чертежный и граверный классы, столярная, слесарная, механическая и ткацкая мастерские, библиотека. Помещения освещались электричеством от училищной динамомашины. Рядом находился двухэтажный дом, предназначенный для училищного персонала, здесь располагались квартиры директора, руководителя производственных мастерских, классного надзирателя и делопроизводителя. В

полуподвальном этаже того же здания квартировали дворник, кочегар и два служителя [4, с. 49—52, 56—58].

Что касается школы колористов, то вопрос о постройке помещения для нее встал сразу после того, как было принято принципиальное решение о ее создании. Фабриканты совместными усилиями собрали на ее строительство 55 тыс. р. Но после того как в Министерстве народного просвещения утвердили план здания школы, оказалось, что этой суммы явно недостаточно. Поэтому заинтересованным фабрикантам-ситцевикам, как и при открытии НМТУ, пришлось делать дополнительные взносы, за счет которых строительный фонд был увеличен до 90 тыс. р. [3, с. 13—14].

Построенное довольно быстро здание школы фактически представляло собой продолжение помещения местного реального училища. Кирпичную кладку рабочие подрядчика Скорынина закончили осенью 1897 г., а внутренние работы продолжались до осени 1898 г. В качестве премий за своевременное окончание работ всем строителям городская дума постановила выдать по полтиннику. С осени 1898 г. в новом здании, построенном в едином архитектурном стиле с реальным училищем, начались занятия [2, ф. 2, оп. 1, д. 2323, л. 100, 133, 166].

Здание отличалось большой функциональностью. В его подвальном этаже находились слесарные и кузнечные мастерские, чайная для учащихся и квартиры низшего обслуживающего персонала. На первом и втором этажах располагались большие и светлые классы, а также лабораторные помещения. Размещение реального училища и школы практически в одном и том же здании имело свои важные преимущества, связанные с экономией аудиторных площадей. У двух учебных заведений была общая канцелярия, физический кабинет, классы для рисования и черчения, библиотека и др. [2, ф. 2, оп. 1, д. 2323, л. 73; ф. 211, оп. 1, д. 88, л. 2].

Любимое детище иваново-вознесенских фабрикантов — торговую школу первоначально разместили в арендованном городом и наскоро приспособленном помещении — так называемых Гусаровских номерах в центре города. Дальнейшую судьбу школы ее учредители из Комитета торговли и мануфактур представляли по-разному. Одни предлагали купить у города двухэтажный дом женской гимназии, из которого она в ближайшее время предполагала переехать в новое строившееся здание, другие считали целесообразным построить для торговой школы новое помещение, специально предназначенное для ее нужд. Так как строительство новой гимназии шло не очень быстрыми темпами, то вторая точка зрения возобладала [22, 1901, 4 и 19 апреля; 22 августа].

В 1902 г. Комитет торговли и мануфактур купил за 18 тыс. р. у домовладельца М. Г. Чернышева участок земли под проектируемое здание, он располагался на углу улиц Негорелой (ныне ул. Советская) и Фроловской (ныне ул. М. Рябининой). Был объявлен конкурс проектов, который выиграл местный зодчий С. В. Напалков, ему как победителю выплатили премию в 300 р. и в дальнейшем еще 1000 р. — за архитектурный надзор за постройкой двухэтажного здания. С мая 1903 г. началось строительство, общее наблюдение за этим процессом от КТМ осуществлял фабрикант С. Н. Полушин. В общей сложности пришлось потратить на него несколько десятков тысяч рублей, наиболее крупные суммы пожертвовали такие известные фирмы, как Товарищества И. Гарелина (Иваново-Вознесенск), А. Каретниковой (Тейково) и Меленковской мануфактуры (в городе Меленки Владимирской губер-

нии). По сравнению с первоначальной сметой, как это часто бывает, оказался значительный перерасход, который был покрыт совместными усилиями фабрикантов Иваново-Вознесенска и соседней Кохмы [20, с. 7—8, 23, 25; 21, с. 16—17].

Новое здание, введенное в строй в сентябре 1904 г., выгодно отличалось от временного помещения, в котором школе приходилось работать первое время. Наряду с классными комнатами и кабинетами на первом этаже располагался большой и светлый вестибюль. На втором этаже, куда вела красивая чугунная лестница, находился большой актовый зал. В здании смонтировали автономную систему водоснабжения, благодаря вентиляции воздух всегда был свежим. Высота классных и других помещений составляла 4,5 м [20, с. 46]. В 1933 г. здание не очень удачно было надстроено третьим этажом, сейчас в нем работает школа № 26.

Серьезные проблемы с помещением возникли у открывшейся в 1911 г. музыкальной школы. Фабриканты не собирались отпускать средства на строительство зданий для нее, так как не были напрямую заинтересованы в тех специалистах, которых она должна была выпускать. Сначала музыкальное учебное заведение находилось на Большой Воробьевской улице, а затем переехало в самый центр города, на ул. Панскую (ныне ул. Станко). Оно разместилось в доме торговца-меломана С. И. Соколова, являвшегося председателем Иваново-Вознесенского отдела Императорского Русского музыкального общества [5, 1913, 14 августа].

Для того чтобы наладить полноценный учебный процесс, нужно было обеспечить образовательные учреждения оборудованием, учебными пособиями, классной мебелью и пр. Оснащение профессиональных учебных заведений требовало более значительных сумм, чем аналогичные траты на общеобразовательные учреждения, так как последним не требовались станки, машины, инструменты, специальные наглядные пособия.

Большую помощь в оборудовании Иваново-Вознесенского механико-технического училища оказали не только иваново-вознесенские текстильные фабрики, но и фирмы, находившиеся далеко за пределами текстильного края и прямо не были заинтересованы в результатах его деятельности. Крупный московский завод братьев Бромлей пожертвовал вагранку для литья, другое предприятие из Москвы — завод А. В. Бари подарил котел, стоивший 3,6 тыс. р., фирма Юлиуса Бернлейна — паровую машину и полный комплект оборудования для электрического освещения здания, стоивший 8,6 тыс. р. Крупнейшая российская текстильная фирма Л. Кнопа поделилась ткацкими, токарными станками и другим оборудованием на 12 тыс. р. Ярцевская мануфактура (Смоленская губерния) отправила в Иваново-Вознесенск ценные наглядные пособия — 50 образцов последовательной обработки хлопка.

Не остались в стороне фирмы Ивановского края. С фабрики Полушина прислали паровую машину (правда, уже побывавшую в употреблении), с текстильной фабрики из Лежнева — строгальный станок по дереву, Иваново-Вознесенская ткацкая мануфактура пожертвовала несколько пудов основы и утка, берды, челноки и другие вещи, необходимые для ткацкого производства, Товарищество Ясюнинских из Кохмы — коллекцию шпульт и многое другое [4, с. 45, 110—111].

При создании рисовальной школы в Иваново-Вознесенске ей как дочернему заведению пожертвовало наглядные пособия центральное Петербургское рисовальное училище барона Штиглица. Это были гипсовые орна-

менты и головы. Однако этих моделей было недостаточно для того, чтобы готовить квалифицированных художников текстильного рисунка. В связи с этим местные фабриканты постарались снабдить новое учебное заведение соответствующими образцами тканей. В 1900 г. Куваевская мануфактура подарила школе 2 альбома, в которых были представлены товары, выпускаемые этой фабрикой. Один из них демонстрировался на всемирной выставке, проходившей в Париже в том же году. Кроме того, хозяин Куваевской мануфактуры Н. Г. Бурылин ежегодно отправлял в школу букеты живых цветов из своего сада для рисования их с натуры. Представители школы ездили по приглашению Д. Г. Бурылина на его фабрику для отбора образцов тканей [2, ф. 183, оп. 1, д. 6, л. 13; д. 63, л. 190; 19, с.1].

Помощь рисовальной школе в формировании ее коллекции наглядных пособий оказывали иногородние фирмы. Например, крупная московская фабрика Товарищества Э. Цинделя подарила ивановцам альбом с образцами своих тканей. Даниловская мануфактура в Москве и Шлиссельбергская мануфактура продали рисовальной школе несколько десятков платков собственного производства [18, с. 23].

Библиотеку рисовального училища снабжал книгами Д. Г. Бурылин, который при открытии школы передал ей несколько ценных томов из своего личного собрания. В дальнейшем он продолжал делать довольно дорогие подарки: в 1913 г. прислал только что вышедший первый том «Истории живописи всех времен и народов» А. Бенуа — книги, ставшей впоследствии культовой в отечественной науке об искусстве. Д. Г. Бурылин обязался снабжать школу и последующими томами этого издания [2, ф. 183, оп. 1, д. 63, л. 162; 17, с. 7].

Тот же Д. Г. Бурылин подарил Иваново-Вознесенской школе колористов очень интересные и редкие наглядные пособия. Из своей уникальной коллекции редкостей и древностей он уделил этому учебному заведению образцы старинных ивановских набойных тканей XVII — первой половины XIX в. На одной из них был написан старинным шрифтом рецепт: «Секрет русской: сажа, сурик, охра и масло вареное». Бурылин экспонировал эти набойки на Всероссийской выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде, на них обратил свое внимание император Николай II, осматривавший выставку [22, 1901, 19 июля].

Важным инструментом привлечения общественности к финансированию учебных заведений и помощи малоимущим учащимся являлся институт попечительства. Орган с таким названием, а также меценат, именовавшийся почетным попечителем, имелись у каждого среднего общеобразовательного и профессионального учебного заведения. При механико-техническом училище попечительство открылось через несколько лет после возникновения этого образовательного учреждения, хотя еще до этого сложился небольшой неофициальный круг меценатов и благотворителей, которые снабжали НМТУ денежными средствами, оборудованием, учебными пособиями, помогали малоимущим ученикам. Устав этой организации был утвержден Министерством внутренних дел 9 октября 1898 г. В соответствии с этим нормативным документом она состояла под председательством почетного попечителя, в нее входили члены от городского самоуправления, от правительства (т. е. назначенные властными структурами) и директор училища, почетные члены с ежегодным взносом не менее 100 р. в год и члены-соревнователи с взносом не менее 50 р. в год. В обязанности попечительства входило снабжение учеб-

ного заведения денежными средствами и наглядными пособиями, пополнение библиотеки. Попечительство должно было помогать бедным ученикам, предоставлять юношам возможность посещать местные фабрики во время их практики, устраивать на работу окончивших учебное заведение [25, с. 3—5, 7].

10 февраля 1899 г. Министерство народного просвещения утвердило персональный состав руководства этой организации. Почетным попечителем стал Мефодий Никонович Гарелин, от городского самоуправления в нее выбрали фабрикантов А. И. Гарелина, Н. Г. Бурылина и А. М. Гандурин, от правительства были назначены местные инженеры — В. В. Быков, Р. Г. Гуляев и А. Г. Толоконников. В дальнейшем одним из щедрых членов попечительства стал текстильный фабрикант Н. Т. Щапов [4, с. 64; 4, ф. 212, оп. 1, д. 343, л. 3, 9а].

Наиболее весомую материальную поддержку учебному заведению оказывал М. Н. Гарелин. Он пожертвовал для строительства училища свою усадьбу на улице Московской, а до ввода в строй нового здания оно работало в принадлежавшем ему доме. Вплоть до своей смерти Гарелин регулярно посещал НМТУ, практически ежегодно училище получало подарки от своего попечителя. Он учредил 9 стипендий для учеников, дал деньги на организацию юбилейного Пушкинского вечера в 1899 г., на устройство рождественских елок, на покупку наград, которые вручались лучшим ученикам на ежегодных торжественных актах. Кроме того, при организации училища он подарил ему наглядные пособия — 43 стенные таблицы, а также портреты Александра II, Александра III и Николая II [4, с. 97].

На улучшение пищи в ученической столовой НМТУ жертвовал Н. Г. Бурылин, например, в 1897 г. он отпустил на покупку съестных припасов 300 р. В соответствии с уставом попечительства его члены-фабриканты организовывали экскурсии учащихся на свои предприятия. Среди окончивших училище несколько человек были определены на работу служащими на фабрики М. Н. Гарелина и А. И. Гарелина [2, ф. 212, оп. 1, д. 89, л. 1, 10].

Большую роль в жизни учебных заведений играли общества вспомоществования нуждающимся учащимся, хотя нужно оговориться, что такого рода общественные структуры имелись не при всех образовательных учреждениях профессионального профиля. Устав такой организации при низшем механико-техническом училище был утвержден 8 октября 1899 г., а к работе оно приступило 25 апреля 1900 г. Управлял обществом комитет, во главе которого стоял почетный попечитель НМТУ М. Н. Гарелин, в него входили другие местные фабриканты, а также директор училища. В дальнейшем после смерти Гарелина комитетом стал руководить директор, а его заместителем стал фабрикант Н. Г. Бурылин [9, с. 1; 13, б.с.; 14, б.с.].

В 1904 г. в обществе насчитывалось 117 человек, за особенно крупные пожертвования здесь присваивали звание почетных членов. Таковых в составе общества в это время насчитывалось только семь, разумеется, это были богатые текстильные фабриканты, в частности — Н. Г. Бурылин, А. М. Гандурин, А. И. Гарелин, М. Н. Гарелин, П. Н. Дербенев, Н. Н. Зубков, Я. Н. Фокин [10, б.с.].

Денежные пособия выдавали редко, вспомоществование осуществлялось чаще всего «натурой». Всего в 1904 г. щедротами общества пользовались 55 человек, т. е. около трети всех учившихся: их снабжали одеждой, обувью, платили хозяевам квартир, на которых проживали иногородние [10, б.с.]. Довольно много средств уходило на удешевление обедов в училищ-

ной столовой, открытой в 1896 г. Стоимость обеда из трех блюд составляла от 8 до 11 коп., ученики же платили только 7 коп. Более того, в 1906 г. 59 человек получали пищу совершенно безвозмездно, за год платных обедов было отпущено 4,2 тыс., а бесплатных 10,2 тыс. Кроме того, подросткам безденежно выдавали чай с белыми булками [11, б.с.; 12, б.с.; 2, ф. 212, оп. 1, д. 34, л. 6].

Образование в профессиональных учебных заведениях было платным. В «демократической» по своему составу ремесленной школе при НМТУ на ткацком и слесарном отделении она равнялась 6 р. в год, а в более элитной школе колористов — сначала 40 р., а потом 50 р., такая роскошь была почти недоступной для детей рабочих и мелких служащих. Несмотря на это, в технических учебных заведениях способные и прилежные учащиеся из бедных семей имели реальную возможность получить образование совершенно бесплатно благодаря разветвленной системе стипендий.

Больше всего их было в низшем механико-техническом училище. Уже в первые пять лет его работы меценаты и структуры местного самоуправления учредили 25 (!) стипендий. Часто они были посвящены различным событиям всероссийского или местного масштаба. Например, попечитель училища Мефодий Никонович Гарелин учредил 8 стипендий — четыре в память Александра III и столько же в честь бракосочетания царской четы Николая II и Александры Федоровны, в свою очередь служащие его предприятия — стипендию в честь 50-летия прядильной фабрики М. Н. Гарелина. Шесть стипендий учредила здесь же Иваново-Вознесенская городская дума. Общая сумма капиталов, проценты с которых шли на эти 25 стипендий, составляла почти 10 тыс. р. В дальнейшем городская дума в 1911 г. приняла постановления о стипендии имени фабриканта-мецената И.В.Небурчилова, а в 1913 г. — о стипендии им. 300-летия царствования династии Романовых [4, с. 92—93; 2, ф. 2, оп. 1, д. 4975, л. 59; д. 4749, л. 10].

Одними стипендиями социальная программа, практиковавшаяся в НМТУ, не ограничивалась. По уставу этого учебного заведения одна седьмая часть его питомцев из небогатых семей могла быть освобождена от платы за обучение, поэтому 27 человек учились безвозмездно. Кроме того, здесь получали образование подростки, которых можно назвать «пансионерами» крупных фабрикантов: одному выдавал ежемесячное пособие в 10 р. промышленник из Кохмы В. А. Ясюнинский, четверо получали такое же от фабриканта из Южи Н. А. Балина и еще один — от супруги иваново-вознесенского фабриканта М. А. Гарелиной. После получения свидетельств об образовании они должны были работать на соответствующих предприятиях [4, с. 94].

Для способных и малоимущих учащихся Иваново-Вознесенской школы колористов предназначались именные стипендии, учрежденные в 1911 г.: две носили имя фабриканта И. В. Небурчилова и одна — известного общественного В. Ф. Каулена [2, ф. 211, оп. 1, д. 81, л. 79, 84, 87, 100]. Свои стипендии учредило для обучавшихся в школе Ковровское уездное земство, накануне мировой войны за счет их обучались: сын крестьянина Михаил Шмелев и сын земского фельдшера Александр Герасимов [2, ф. 211, оп. 1, д. 123, л. 192]. В 1912 г. текстильное Товарищество мануфактур Н. Дербенева в честь своего 25-летия учредило в школе еще одну стипендию. Для этого в банк были положены ценные бумаги на 1600 р., проценты с которых выплачивались стипендиату [2, ф. 211, оп. 1, д. 124, л. 73].

В городе сложилась устойчивая традиция — устраивать благотворительные спектакли и концерты в пользу «недостаточных» учащихся самых

различных учебных заведений. Это касалось не только гимназий и реального училища, но и профессиональных образовательных учреждений. Как нам представляется, ни одному образовательному учреждению актеры и меломаны не помогали так активно и охотно, как женской профессиональной школе. Вероятно, это объяснялось тем, что оно было самым малоимущим среди прочих заведений такого профиля. Начало этой традиции положил музыкальный кружок, который в 1901 г. устроил концерт своего оркестра, сбор за билеты составил 500 р. — сумму довольно значительную для школы, в это время переживавшей период становления [22, 1901, 4 марта]. В 1906 г. был устроен благотворительный спектакль «На маневрах» по пьесе Рассохина при участии «любимца ивановской публики» В. Г. Барского [6, 1906, 24 января]. В театральный сезон 1910—1911 гг. все сборы со спектаклей местного литературно-музыкально-драматического общества «Гаудеамус» Л. Андреева и «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого были направлены на нужды школы. Аналогичные спектакли та же организация давала и в другие годы [15, с. 10; 16, с. 11].

Наряду с концертами устраивались и другие благотворительные акции. Например, хозяин дома, где помещалась школа, — Д. Г. Бурьлин организовал в 1903 г. в ее здании выставку своей уникальной коллекции редкостей и древностей, сборы с нее он отдал на нужды этого учебного заведения. Сумма, образовавшаяся от продажи билетов, составила 328 р., а вместе с пожертвованиями, собранными на выставке, — 428 р. [1, 1903, 7 мая].

Подводя итоги, следует констатировать, что на рубеже XIX и XX вв. в провинциальной России наибольшую активность в общественной жизни проявляли такие социальные слои, как интеллигенция и просвещенные предприниматели. Как правило, местом сосредоточения этой активности становились местные органы самоуправления — земские собрания и городские думы, их исполнительные органы — управы, а также такие представительские организации предпринимателей, как комитеты торговли и мануфактур, существовавшие в крупных индустриальных центрах. Значительную роль местная общественность сыграла в развитии системы образовательных учреждений в провинции. Это в равной мере касалось начальных и средних общеобразовательных заведений, а также профессиональных учебных заведений.

Особо следует подчеркнуть роль в этом иваново-вознесенских промышленников, которые были напрямую заинтересованы в подготовке квалифицированных рабочих и служащих для местных текстильных предприятий. В связи с этим деловые люди были согласны расходовать на создание профессиональных училищ значительные материальные средства. В процессе работы этих учреждений возникали новые для провинциального города общественные структуры — попечительства, попечительные советы, общества вспомоществования беднейшим ученикам, в которых активно участвовали своими средствами и трудом как предприниматели, так и интеллигенция. Благодаря просвещенному сочувствию фабрикантов делу профессионального образования оно становилось значительно доступнее. Дело было не только в открытии все новых и новых специальных школ и училищ, но и в учреждении стипендий для «недостаточных», распространенной практике оплаты их проживания на съемных квартирах, питания, необходимых для них учебных пособий.

В целом все возрастающая активность общественности в развитии социокультурной сферы в провинции — учебных заведений, лечебных учреж-

дений, общественного призрения, сферы досуга свидетельствовала о постепенном формировании в России в начале XX в. отдельных элементов гражданского общества.

Библиографический список

1. Владимирская газета.
2. Государственный архив Ивановской области.
3. *Ефремов Д. Д.* Краткий отчет за 25-летие существования Иваново-Вознесенского реального училища (1873—1898). Иваново-Вознесенск, 1898. 116 с.
4. Иваново-Вознесенское низшее механико-техническое училище. 1894—1899 гг. Иваново-Вознесенск, 1899. 111 с.
5. Ивановский листок.
6. Клязьма.
7. *Корелин А. П., Степанов С. А.* С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М. : ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. 464 с.
8. *Мартынов С. Д.* Государство и экономика: система Витте. СПб. : Наука, 2002. 405 с.
9. Отчет комитета общества вспомоществования нуждающимся учащимся Иваново-Вознесенского низшего механико-технического училища с 25.04.1900 по 1.1.1901. Б.м., б.г. 20 с.
10. Отчет комитета общества вспомоществования нуждающимся учащимся Иваново-Вознесенского низшего механико-технического училища за 1904 г. Иваново-Вознесенск, 1906. 20 с.
11. Отчет комитета общества вспомоществования нуждающимся учащимся Иваново-Вознесенского низшего механико-технического училища за 1905 г. Иваново-Вознесенск, 1906. 20 с.
12. Отчет комитета общества вспомоществования нуждающимся учащимся Иваново-Вознесенского низшего механико-технического училища за 1906 г. Иваново-Вознесенск, 1907. 22 с.
13. Отчет комитета общества вспомоществования нуждающимся учащимся Иваново-Вознесенского низшего механико-технического училища за 1909 г. Иваново-Вознесенск, 1912. 22 с.
14. Отчет комитета общества вспомоществования нуждающимся учащимся Иваново-Вознесенского низшего механико-технического училища за 1913 г. Иваново-Вознесенск, 1914. 24 с.
15. Отчет Литературно-музыкально-драматического общества в г. Иваново-Вознесенске за 1910—11 г. Иваново-Вознесенск, 1911. 24 с.
16. Отчет Литературно-музыкально-драматического общества в г. Иваново-Вознесенске за 1911—12 г. Иваново-Вознесенск, 1913. 32 с.
17. Отчет о деятельности Иваново-Вознесенской рисовальной школы с 1.IX.1898 по 1.IX.1899. Иваново-Вознесенск, б. г. 8 с.
18. Отчет о деятельности Иваново-Вознесенской рисовальной школы с 1.IX.1901 по 1.IX.1902. Иваново-Вознесенск, 1903. 28 с.
19. Отчет о деятельности Иваново-Вознесенской рисовальной школы с 1.IX.1903 по 1.IX.1904. Иваново-Вознесенск, 1905. 32 с.
20. Отчет о состоянии Иваново-Вознесенской торговой школы, учрежденной местным Комитетом торговли и мануфактур за 1901—1902 — 1907—1908 учебные годы. Иваново-Вознесенск, 1909. 36 с.
21. Отчет о состоянии торговой школы, учрежденной Комитетом торговли и мануфактур в г. Иваново-Вознесенске за первый 1901—1902 учебный год. Иваново-Вознесенск, 1903. 24 с.
22. Северный край.

23. Устав Иваново-Вознесенской торговой школы. Иваново-Вознесенск, 1901. 23 с.
24. Устав общества вспомоществования нуждающимся учащимся женской профессиональной школы вспомогательного общества купеческих приказчиков в г. Иваново-Вознесенске. Иваново-Вознесенск, 1904. 21 с.
25. Устав попечительства при Иваново-Вознесенском низшем механико-техническом училище. Иваново-Вознесенск, 1898. 10 с.

ББК 63.211

А. В. Степанов

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ГОРОДА ПОВОЛЖЬЯ 1900-х гг. ГЛАЗАМИ В. А. ГИЛЯРОВСКОГО

Туристический путеводитель, написанный около 1908 г. известным русским журналистом В. А. Гиляровским, рассмотрен как исторический источник. Изучена информация о населении, занятиях жителей, общественном транспорте и гостиничном деле в городах Поволжья. Представлена общая оценка, данная Гиляровским городскому развитию самого обжитого района России.

Ключевые слова: Россия, 1900-е гг., Поволжье, развитие городов, промышленность, торговля, общественный транспорт, гостиничное дело.

Tourists' guidebook written ca. 1908 by a prominent Russian journalist Vladimir Giliarovsky is discussed as piece of historic evidence. Information concerning population, residents' trades, public transport and available hotels in cities and towns in the Volga river area is examined. Giliarovsky's general assessment of urban development of Russia's most lived-in heartland is presented.

Key words: Russia, 1900s, Volga river area, urban development, industry, commerce, public transport, hotel business.

В. А. Гиляровский (1853—1935) — журналист, много лет сотрудничавший в газетах Москвы — известен как бытописатель Первопрестольной, глубокий знаток жизни всех слоев ее общества. Однако в обширном наследии «короля репортажа» имеется и труд, посвященный русской провинции: путеводитель по городам Волги [1], выпущенный в 1908 г. издательством А. П. Петрова (Казань) (см.: [6]). Гиляровский написал эту книгу в соответствии с законами жанра, в частности отказавшись от своего «фирменного» стиля речи — повышенной эмоциональности языка и отбора преимущественно «жареных» фактов с налетом сенсации. В «Путеводителе» его автор предстает лиричным писателем, но вместе с тем деловым и точным регистратором фактов.

Уже первое знакомство с книгой показывает, что Гиляровский обладал обширными личными знаниями о предмете: в городах, лежащих по берегам Волги, он бывал многократно. Однако, располагая немалым собственным опытом, московский журналист обратился и к наследию своих предшествен-

© Степанов А. В., 2013

ников — писателей и этнографов-«волгарей» (Вас. И. Немировича-Данченко, П. И. Мельникова-Печерского, В. И. Рагозина). Работая над книгой, ее создатель, судя по намекам в тексте, беседовал с местными краеведами, работниками музеев, священниками, муниципальными служащими — знатоками истории своих городов. В результате обобщения такого пестрого материала Гиляровский написал труд, который интересен не только как литературный памятник, но и как исторический источник.

Представляя читателю очередной город, Гиляровский часто указывает расстояние до него от предыдущей пристани и число его обитателей. Выбрав из текста «Путеводителя» такие сведения, мы получим следующую картину распределения городского населения Поволжья. В верховьях реки (даже там, где она еще несудоходна) города располагаются на ее берегах весьма часто: от губернской Твери до уездной Корчевы — 88 верст («расстояние, которое пароход пробегает за 5—6 часов»), от г. Кимры до Кашина — 56 верст, от Калязина до Углича — менее 50 верст, от Углича до Мышкина — и вовсе 30 [1, с. 42, 43, 47, 53]. Если, кроме собственно городов, учитывать и прочие прибрежные населенные пункты, то верховья Волги покажутся хорошо обжитыми. «Что особенно поражает здесь туриста, так это обилие селений: чуть не через каждые полверсты раскинулись село или деревня. Эта населенность берегов знаменует тот факт, что здесь хорошо развита промышленность и весьма смышленное население», — утверждает автор [1, с. 46—47].

Впрочем, даже в этом краю, издревле освоенном нашими предками, попадались места, где «на большом протяжении совершенно отсутствуют какие бы то ни было селенья, только изредка встречаются отдельные помещичьи усадьбы» [1, с. 28]. К тому же исторические города Верхней Волги в начале XX в. не отличались многолюдием. Так, в уездных столицах Корчеве и Мышкине проживало всего по 2,5 тыс. человек [1, с. 42, 53], в уездной же Мологе — 4,5 тыс., в Старице — 6 тыс., в двух других уездных городах — Кашине и Калязине — имелось по 7,5 тыс. обитателей [1, с. 44, 45], в Угличе насчитывалось «целых» 10 тыс. жителей [1, с. 47], и только Рыбинск мог похвастаться 25-тысячным населением, которое в «навигационное время» удваивалось «за счет стекающего сюда рабочего люда» [1, с. 57].

Далее по Волге, особенно в ее среднем и нижнем течении, безлюдные пространства становятся все шире. «Вниз от Васильурска на протяжении 20 верст ни на том, ни на другом берегу не попадает ни одного поселения», — констатирует Гиляровский [1, с. 122]. Между Нижним Новгородом и Казанью, на расстоянии свыше 450 км, автор «Путеводителя» насчитал всего четыре города — Васильурск, Козмодемьянск, Чебоксары и Свияжск [1, с. 126, 128, 132]. От Казани до следующей губернской столицы Поволжья — Симбирска — встретились и вовсе два городка: Спасск и Тетюши [1, с. 165, 166].

Очевидно, что процесс даже «первичного» освоения приволжских земель современной городской цивилизацией сто лет назад еще только начинался. Ее очаги располагались вдоль берегов реки точно, оставляя обширные пустоты, где присутствие человека обозначали в лучшем случае села и деревни или возникшие еще на исходе XVIII в. «колонии» немецких переселенцев, нередко сохранявших архаичный уклад жизни.

Вероятно адресуя свой труд не только праздным путешественникам, но и деловым людям, Гиляровский включает в него общие сведения об экономике едва ли не каждого приволжского города.

Иные занятия волжан начала прошлого века, зафиксированные «Путеводителем», показывают удивительную для современного жителя «постиндустриальной» России способность наших предков находить своему труду любое востребованное рынком применение. «За несколько верст перед городом Старицей и далее за ним производится ломка известняка, известного под именем старицкого камня, который в огромном количестве идет на устройство фундаментов, лестниц, тротуаров или полов», — уважительно пишет автор [1, с. 30]. Жители 5-тысячного г. Балахна в Нижегородской губ. «занимаются судостроением: сооружают баржи, мелкие суда и корпуса пароходов. Женщины занимаются кружевным производством» [1, с. 90]. Обитатели г. Свияжск Казанской губ. зарабатывают себе на жизнь «вязанием рыболовных снастей и незначительной торговлей», выяснил Гиляровский [1, с. 131]. Источниками средств к существованию для 28 тыс. жителей еще одной уездной столицы — г. Вольск Саратовской губ. — служат «садоводство и огородничество, а отчасти и работа на судах» [1, с. 200].

Однако едва ли не самое часто упоминаемое Гиляровским занятие волжан — торговля. Вот, например, что он пишет об одном из таких типично «купецких» городов: «Рыбинск по справедливости может быть назван хлебной столицей Поволжья. Хлебная торговля его настолько велика, что с ней приходится считаться всей России; понадобилось учреждение особой хлебной биржи для урегулирования торговли хлебом» [1, с. 56]. Другой городок на Волге — Плёс — во времена Гиляровского в десять раз уступал Рыбинску числом жителей, но и в нем «производится торговля хлебным и мануфактурным товаром» [1, с. 84]. Сходную формулу журналист употребил для описания занятий кинешемцев: «Город ведет торговлю хлебом, нефтью, лесом и иными грузами, идущими в фабричный район, расположенный вокруг Иваново-Вознесенска» [1, с. 85]. Вероятно, здесь уместнее было бы говорить о посреднической торговле товарами, следующими через город транзитом, ибо никакой нефтедобычи в районе Кинешмы никогда не велось. Зато, например, в 1911 г. в ее речной порт прибыло по Волге из других районов страны почти 290 тыс. т одних только «нефтяных грузов» [4, стб. 579].

Роль транзитной торговли как «градообразующего» бизнеса особенно заметна в небольших волжских поселениях. Так, через уездный г. Тетюши Казанской губ. за сезон речной навигации вывозилось свыше 16 тыс. т хлеба, так что других занятий неполным 5 тыс. его жителей уже не требовалось [1, с. 166]. Такой же объем хлебных грузов (1 млн пудов) ежегодно «отпускал» г. Сенгилей Симбирской губ., в котором насчитывалось около 6 тыс. человек [1, с. 174]. Хлебным транзитом по преимуществу было занято и население уездного Ставрополя Самарской губ. [1, с. 178] — нынешнего г. Тольятти, где в 1900-х гг. числилось менее 6 тыс. обитателей [2, стб. 1572]. Да и столица этого края — Самара — тоже жила «вокруг хлеба»: в ее амбары свозили зерно из окрестных сел и деревень, здесь его мололи на паровых мельницах и грузили на суда и в вагоны [1, с. 185]. Переработка более чем 300 тыс. т «разного хлеба» давала средства к существованию немалой части из 100 тыс. самарцев [2, стб. 1337].

Если даже в жизни малых и средних волжских городов товарообмен играл столь важную роль, то в экономике, например, Нижнего Новгорода ему принадлежало главное место. «Несомненно, прежде всего ярмарка делает город значительнейшим торговым центром. Однако и во внеярмарочное вре-

мя город делает значительные торговые обороты», — сообщает «Путеводитель» [1, с. 99]. Масштабы сделок на Нижегородской ярмарке, которые в 1900-х гг. держались на уровне 150 млн руб., столь велики, «что отражаются на настроении торговых сфер всего нашего государства», утверждал московский газетчик [1, с. 110]. Неожиданным выглядит, скорее, замечание Гиляровского о роли торговли в хозяйстве другого волжского города: в Ярославле «внутренняя торговля ничем не проявляется: ни оживления, ни сутолоки, так характеризующих коммерческий склад города, здесь не заметно» [1, с. 66].

Еще более интересны многочисленные упоминания автора «Путеводителя» о действовавших в городах Поволжья «заводах» и «фабриках», т. е. предприятиях, стоящих (по масштабам ли производства, по своему ли техническому оснащению) на относительно высокой ступени развития.

Например, гостям Твери Гиляровский советовал осмотреть «Тверскую мануфактуру» — предприятие, занимавшее до семи тысяч рабочих и выпускавшее продукции на 7—8 млн руб. в год [1, с. 39—40]. «Что здесь особенно поражает, так это заботы о быте рабочих со стороны администрации. Отличные квартиры, больницы, пекарня, приют для сирот, ясли, школа восхищают своей чистотой и образцовой постановкой. Мало того: духовные нужды рабочих удовлетворены отличной библиотекой с залом для спектаклей, рядом с которой — сквер для прогулок», — восхищался обычно неласковый к фабрикантам журналист [1, с. 40]. Заметим, что каждый тверской текстильщик выпускал тогда продукции всего на 1 тыс. руб. в год и, получая на руки, вероятно, 15—20 руб. в месяц, вряд ли нашел бы в своем кошельке средства на оплату (по ценам свободного рынка) жилья, врачебной помощи или образования.

Такой же уровень производительности труда Гиляровский зафиксировал на фабрике «Товарищества Романовской льняной мануфактуры» с ее «тысячей рабочих и оборотом свыше одного миллиона рублей в год». Возможно, потому иные жители Романова-Борисоглебска предпочитали труду на этом предприятии занятие огородничеством, «также не безызвестное в центральных губерниях», или выделку овчинных полушубков [1, с. 59].

В Угличе Гиляровский отметил бумажную фабрику Варгуниных, славившуюся «многими нововведениями в области улучшения рабочего быта» [1, с. 52—53]. Предприятие Варгуниных и впрямь считалось тогда серьезным: авторитетные справочники называли его «одной из лучших русских фабрик, ныне выделяющих бумагу» [3, стб. 540]. В том же Рыбинске, где, по наблюдениям Гиляровского, «промышленность не столь велика, как торговля», тем не менее, имелись «паровые мукомольни, пивоваренный завод, лесопильня и несколько мелких промышленных предприятий» [1, с. 58]. В соседней Костроме, напротив, «промышленность стоит на более высокой ступени развития, нежели торговля», заметил московский газетчик [1, с. 77].

Немало теплых слов нашлось у Гиляровского и в адрес «Товарищества Ярославской Большой мануфактуры». Правда, производительность труда на его фабрике не превышала показателей соседних городов: «8 тыс. рабочих и оборот в 8 млн. рублей»; зато «как здания, так и внутреннее устройство корпусов не оставляют желать ничего лучшего. Жизнь рабочих поставлена в хорошие условия, и к их услугам несколько благотворительных и просветительных учреждений: больница, богадельня, школа, библиотека и пр.» [1, с. 65]. Нетрудно, впрочем, заметить, что все эти оценки автор дает «на глазок», без детального изучения хозяйственной статистики предприятия.

В сравнении с успехами индустрии в Твери и Ярославле, довольно скромно выглядят достижения в этой сфере Нижнего Новгорода, в советское время считавшегося «Красным Детройтом». Во времена Гиляровского фабрично-заводскую промышленность там «представляли более 70 фабрик и заводов с оборотом 10 млн. рублей в год» [1, с. 99]. Несложный расчет показывает, что одно предприятие Нижнего выпускало продукции в среднем на 12 тыс. руб. в месяц — показатель для начала XX в. довольно скромный. Да и весь 10-миллионный «оборот» местной индустрии не шел ни в какое сравнение с оборотами Нижегородской ярмарки, куда в рекордном 1899 г. привезли товаров на 172 млн руб. [1, с. 110]. Впрочем, предприятия Самары, равной Нижнему Новгороду по числу жителей, производили в год продукции ровно на ту же сумму — 10 млн руб. [1, с. 186].

Приводимые В. Гиляровским сведения об экономике некоторых волжских городов содержат досадные ошибки. Особенно «не повезло» в этом отношении Казани. «Путеводитель» определил годовой объем ее промышленного производства в 12 млн руб. [1, с. 142], тогда как по данным С. Лаптева, правда, относящимся к началу 1910-х гг., город выпускал промышленных товаров на 23 млн руб. [4, стб. 391]. Seriously недооценил Гиляровский и главную казанскую ярмарку — «Весеннюю биржу»: он утверждал, будто «оборот ее сводится к сумме в 500 тыс. руб. (привоз) и 320 тыс. руб. (продажа)» [1, с. 143], тогда как, по сведениям того же С. Лаптева, в 1911 г. эти показатели достигли соответственно 1550 тыс. и 934 тыс. руб. Трудно поверить, что всего за несколько лет (между 1907 и 1911 гг.) экономика Казани сделала столь значительный шаг вперед. Вероятно, «мелочи» статистики не слишком интересовали привыкшего доверять в первую очередь своим эмоциям журналиста массовой (а не специально коммерческой) печати.

Иные занятия горожан, отмеченные в «Путеводителе», вряд ли могли принести им доброе имя. Так, г. Кашин Тверской губ. «создал себе печальную славу тем, что здесь приготавливались “настоящие” “заграничные” вина, оказывавшиеся на деле грубой фальсификацией», напоминает Гиляровский [1, с. 44]. На этом фоне уже вполне благородно выглядят, например, занятия пучежан, проживавших в посаде, где действовал «большой винокуренный завод с производством спирта на сумму больше 1 млн. рублей» [1, с. 88]. Можно предположить, что, при населении тогдашнего Пучежа в 3 тыс. чел., на здешнем «заводе-миллионере» трудилось 200—300 рабочих, так что каждый из них давал за год куда больше товара, чем костромской или ярославский ткач. Винокурение явно превосходило текстильную промышленность по уровню производительности труда, даже с учетом неизбежных для этого производства внутрицеховых потерь.

Не уступали винокурам по размаху дела и волжские пивовары. Так, «почетное место в промышленности Самары» автор отвел Жигулевскому пивзаводу [1, с. 185]. Как и текстильные фабрики Верхней Волги, он привлек внимание Гиляровского не только объемом производства, но и образцовым во всех отношениях благоустройством: организацией врачебной помощи для рабочих, страхованием их жизни, устройством квартир, школ и пр. [1, с. 186]. За год столь хорошо обустроенные самарские рабочие варили свыше 12 млн литров пива — по 4 л «Жигулевского» на каждого жителя губернии.

В соответствии с неписаными правилами составления путеводителей, Гиляровский сопровождает рассказ о каждом городе перечнем его наиболее достойных осмотра мест. Судя по наблюдениям журналиста, в городах По-

волжья начала прошлого века в этой роли выступали чаще всего храмы, церкви и монастыри. «Достопримечательность Кинешмы, как и большинства других русских городов, — храмы» (курсив наш. — А. С.), — резюмирует московский газетчик, не отличавшийся, как известно, особой набожностью [1, с. 86].

Так, в Твери — городе с многовековой историей — внимания туриста заслуживают собор Преображения, церковь Святой Троицы, а также монастыри: Отрочь Успенский, Рождественский девичий и Желтиков Успенский мужской [1, с. 36—38]. Лишь вслед за этими памятниками «Путеводитель» упоминает сохранившийся в Твери дворец Екатерины II, в одном из флигелей которого «находится музей — истинная гордость Твери», где «собрано около 15 тыс. различных предметов» [1, с. 38]. Аналогично Твери, «несомненная достопримечательность» Ярославля — его храмы: 77 церквей и 3 монастыря [1, с. 67, 68—69]; только в конце списка объектов, способных заинтересовать здесь туриста, названы Демидовский лицей и городской театр [1, с. 72].

Даже гостям Казани — города с мусульманскими культурными корнями — «Путеводитель» советует осмотреть в первую очередь местные монастыри и соборы [1, с. 148—151]; впрочем, башне Сююмбике в книге также уделено несколько строк [1, с. 150]. Некоторая ограниченность сквозит и в другом суждении автора: «Просто “памятников” в Казани немного» [1, с. 152]. Вслед за этим сам же Гиляровский приводит немалый для провинциального города список казанских монументов: памятники императору Александру II, поэту Г. Р. Державину, математику Н. И. Лобачевскому. Между тем в самой Москве тех лет памятники знатым россиянам насчитывались единицами. К чести Гиляровского, он не обошел молчанием такие достопримечательности Казани, как знаменитый университет и богатый городской музей [1, с. 154—158]. Однако лишь перечень достопримечательностей Самары открывается вполне светским объектом — памятником Царю-Освободителю [1, с. 186—187] — вероятно, в силу молодости этого города, еще не успевшего выстроить достойные внимания путешественника соборы и храмы.

Автору книги, предназначенной для туристов, естественно обращать внимание на уровень благоустройства городов, лежащих вдоль «столбовой дороги России». Освещая этот вопрос, Гиляровский далек от попыток приукрасить малопривлекательную подчас провинциальную действительность. Вот лишь несколько свидетельств резкости его оценок. «С внутренней, так сказать, закулисной стороны Ржев мало чем отличается от сотен провинциальных русских городков, общими чертами каковых, несомненно, служат грязь, немощенные улицы, покривившиеся заборы, отсутствие освещения и иные перлы российской цивилизации», — признает Гиляровский [1, с. 27]. Другой уездный волжский город — Чебоксары с населением 4,5 тыс. жителей — «решительно ничем не замечателен, разве что только своей захудалостью и упадком», выносит суровый вердикт столичный газетчик [1, с. 128].

Приведем пример, иллюстрирующий пределы объективности В. Гиляровского. «Калязин — типичный захолустный уездный городок, и хотя в нем имеется, например, как признак несомненной цивилизации народный дом с электрическим освещением, пользоваться услугами этого дома довольно затруднительно, особенно во время распутицы, когда по городу “ни пройти, ни проехать”», — иронизирует автор «Путеводителя» [1, с. 45]. На наш взгляд, столичный гость проявил несправедливость к обитателям Калязина. В 1913 г. в нем насчитывалось всего 5675 жителей, которые работали на четы-

рех крахмальных заводиках или просто на дому: женщины (числом 400) плели кружева, мужчины (100 чел.) занимались кузнечным промыслом. Удивляет скорее не грязь, заливавшая во время распутицы Калязин, а то, что при всей скромности его ресурсов в нем действовали — наряду с Народным домом — семь школ, земская больница, две богадельни и сиротский приют — неплохой набор социальных учреждений для городка, чья управа в 1912 г. истратила на каждого его жителя менее 8,5 руб. [4, стб. 568—569].

Впрочем, куда чаще оценки, которые Гиляровский дает городам Поволжья, так или иначе подтверждаются справочной литературой. Так, о расположенном в Нижегородской губ. Васильсурске журналист меланхолично замечает, что этот городок «отличается патриархальным бытом, и только летом, когда сюда съезжаются дачники, его жизнь несколько оживляется» [1, с. 121]. С этим суждением не расходится соответствующая статья «Нового энциклопедического словаря»: «На лето приезжает в Васильсурск много дачников из Астрахани, а также из столиц»; постоянное же население этого городка в 1911 г. составляло всего 4 тыс. чел., а расходы здешней управы не превышали 6 руб. в год на одного жителя [3, стб. 676]. После этого легко принять тот приговор, который Гиляровский вынес другому маленькому волжскому городку — 3-тысячному Енотаевску Астраханской губ.: «Из-за отдаленности от пристани он не имеет никакого торгового значения и напоминает село. От города веет безысходной тоской» [1, с. 229].

Да и куда более многолюдные и богатые волжские города нередко огорчали взыскательного столичного гостя своим неустроеньем. Так, «Рыбинск не может быть отнесен к благоустроенным городам, и если его коснулась кое-какая цивилизация в виде водопровода или освещения, то эти черты стоят на весьма низкой степени развития», сурово заключает газетчик [1, с. 57]. Скептичен, но и не безнадежен его отзыв о другой уездной столице Верхневолжья: «Хотя своим внешним видом Кинешма и напоминает глухую провинцию, тем не менее она не чуждается некоторых нововведений, которые подсказывает культура. В городе устроены асфальтовые мостовые, водопровод, телефон, воздвигнуты специальные здания для учебных заведений и театра» [1, с. 86]. С последним замечанием трудно не согласиться: в 1912 г. подушевые расходы кинешемской управы составили 12,8 руб. — более чем достойный показатель для провинциального городка с 9 тыс. жителей [5, стб. 579].

Подчас и сам Гиляровский находит объяснение замеченным им недостаткам в быту провинции. Так, губернская Кострома «в настоящее время не отличается большим благоустройством и не имеет некоторых удобств, каких требует современная цивилизация. Виной тому весьма скромный городской бюджет» [1, с. 75—76]. Напротив, в городах, где завелась промышленность, столичный гость обнаруживает приметы прогресса: например, уездный Юрьевец «выглядит до патриархальности скромно, и если бы не существование здесь фабрики “Товарищества Юрьевецкой прядильной мануфактуры” и винокуренного завода, город ничем бы не отличался от села. Теперь же здесь имеются клуб, женская прогимназия, общественный банк и пр.» [1, с. 87].

Впрочем, там, где похвала облику города казалась уместной, Гиляровский на нее не скупился. Как ни скромна, скажем, была числом жителей Молога Ярославской губ., «ранее знаменитая своей торговлей, пришедшей ныне в упадок», а всё же «с внешней стороны город производит приятное впечатление чистотой и отличной планировкой улиц» [1, с. 53—54]. Приглянулся

Гиляровскому также Ярославль: «Обилие зелени придает городу замечательно красивый и даже кокетливый вид» [1, с. 64]. Это последнее обстоятельство не помешало наблюдательному журналисту заметить, что в Ярославле «общественная жизнь течет довольно медленным темпом, и здесь, как нигде, заметна рознь между отдельными сословиями» [1, с. 67].

Буквально потряс видавшего виды газетчика Нижний Новгород. «Ни один, кажется, из поволжских городов не производит столь сильного и величественного впечатления на путешественника», — признался Гиляровский [1, с. 94]. Главную улицу самой богатой части города — Большую Покровку — он уподобил Невскому проспекту Петербурга [1, с. 98]. Столь же высоко журналист оценил успехи нижегородцев в области просвещения: на исходе 1900-х гг. в городе имелось около 70 низших и средних учебных заведений, «что является несомненным положительным показателем культурного развития населения» [1, с. 99]. Впрочем, достопримечательностями этого центра просвещения Гиляровский счел опять же его монастыри и соборы, включая те, что были построены едва ли не в один год с нижегородским театром или училищами [1, с. 101—102]. Из всех достойных внимания мест светского характера в Нижнем «Путеводитель» называет «Народный дом», здание городской думы, «Пассаж» купца Блинова и пару шикарных особняков [1, с. 107].

Свой «Невский проспект» имелся и в Казани. Там этот неофициальный титул носила Воскресенская улица, «считающаяся лучшей в городе и служащая местом гуляний и катаний» [1, с. 139]. На ней располагались Гостиный двор, Городской и Новый пассажи, лучшие магазины и университет. Неподдалеку от нее на Большой Проломной улице «сосредоточена почти вся городская торговля: здесь биржа, банки, конторы, нотариусы». Добросовестный автор «Путеводителя» отметил еще одну «фешенебельную» улицу Казани — Грузинскую [1, с. 140]. Перечислив два десятка других благоустроенных уголков города «с приличными мостовыми, электричеством и пр.», Гиляровский предупреждает путешественника, что прочие кварталы Казани «своим устройством не блещут и представляют вполне полуазиатский уголок благодаря своей неопрятности и неуклюжести» [1, с. 140].

Следует отметить, что иные комплименты автора «Путеводителя» в адрес полюбившихся ему городков выглядят почти курьезом. Так, на вкус Гиляровского, Плёс «сверху и снизу окружен лесом, благодаря чему выглядит нарядно» [1, с. 84]. Вот другой пример некоторого субъективизма суждений уважаемого знатока Поволжья: «Самара не может похвастаться не только благоустройством и красотой, но даже чистотой, хотя как город юный она отличается свежестью и, если можно так выразиться, “незатасканностью”» [1, с. 183]. Как Гиляровский усмотрел свежесть Самары, если этот город «издали, особенно в сухую погоду, почти невидим из-за туч носящейся над ним пыли» [1, с. 181], понять трудно. По крайней мере, в Царицыне старый газетчик не нашел даже такого сомнительного достоинства: «Это грязный, пыльный, почти лишенный растительности город; красивых зданий очень мало. По части благоустройства город вообще сильно отстает» [1, с. 222].

Потенциальные путешественники — читатели книги Гиляровского могли также интересоваться наличием в поволжских городах гостиниц и транспорта. На сей счет автор «Путеводителя» сообщал для них и сохранил для нас немало интересных сведений. Рассмотрим прежде всего приведенную им информацию о постановке гостиничного дела в русской провинции.

«Лучшая гостиница в Угличе — Евреинова (номера от 50 к. до 4 р.), менее дорогая — Худякова», — гласит «Путеводитель» [1, с. 47]. В Старице имелась лишь одна гостиница «Саратов» с номерами от 75 коп. [1, с. 30]. В лучшем отеле Кинешмы — гостинице «Россия» — тарифная «вилка» простиралась от 60 коп. до 1,5 руб. за номер [1, с. 85]. Гостям Твери Гиляровский счел возможным порекомендовать гостинцу «Центральная» с «отличным рестораном»: «Здесь есть все возможные удобства, включая телефон (можно разговаривать с Петербургом и Москвой)», а «номера стоят от 50 к. до 3 р. в сутки» [1, с. 33].

В Ярославле нынешние «пять звезд» «Путеводитель» присвоил двум гостинцам — «Царьград» и «Кукуевская», где расценки начинались от 1 руб. в сутки. «Гостиница “Европа” на Власьевской улице несколько уступает первым двум. Номера от 50 коп. Недорогая гостиница — “Большая Ярославская” на Сретенской ул.», — перечисляет Гиляровский [1, с. 63]. Увы, к приезду московского гостя в центре Ярославля еще не успел подняться импозантный отель «Бристоль». Его выстроят в 1910 г., через пару лет после издания «Путеводителя».

Костромские отельеры 1900-х гг., по данным Гиляровского, брали за номер «по-ярославски» — от рубля в сутки и больше [1; с. 75]. Их рыбинские коллеги также проявляли столичный аппетит: гостеприимство любой из трех местных гостиниц — будь то заведение Зимина, «Центральная» или «Северная» — стоило от одного до пяти рублей [1, с. 56].

В Казани гостиницы назывались «номерами»; лучшими из них Гиляровский счел «Францию» (1—8 руб.), «Европейские номера» (75 коп. — 5 руб.) и «Казанское подворье» (50 коп. — 5 руб.) [1, с. 137]. Всего в Казани журналист насчитал 17 гостиниц, причем признал неполноту своего списка.

Лучшим отелем Царицына Гиляровский назвал «Столичную гостиницу» («номера от 75 к. до 5 р., все удобства, ресторан») [1, с. 221]. В одном ряду с нею указаны также «Националь» (75 коп. — 4 руб.) и «Франция». Наконец, в гостиницах Астрахани номера сдавались по цене от рубля и выше [1, с. 233].

К сожалению, Гиляровский ничего не сообщает о наборе удобств, которые ждали постояльцев волжских гостиниц. Думается, однако, что, если бы столичному гостю встретились там какие-то серьезные недостатки, он не преминул бы сообщить об этом в «Путеводителе». Эта же логика («молчание есть знак довольства») заставляет предположить, что нехватки номеров в провинциальных отелях Гиляровский не наблюдал. О том, что уровень их комфорта был для своего времени вполне достойным, косвенно свидетельствует близость гостиничных расценок в городах Поволжья к тарифам отелей Москвы и других крупных городов России.

Обратимся теперь к собранной Гиляровским информации о городском транспорте — индивидуальном и общественном. Первый из них в русской провинции на исходе 1900-х гг. представляли одни лишь конные извозчики.

В Угличе «от пристани до гостиницы извозчики берут 20—25 к.», информирует «Путеводитель» [1, с. 47]. В г. Старица «определенной таксы для извозчиков нет; конец 15—20 к.» [1, с. 30]. Увы, даже такой скромный сервис был доступен не в каждом миниатюрном городке. Например, в уездном Мышкине «извозчиков не имеется, если не считать двух-трех возниц, очень мало похожих на извозчиков, которые могут отвезти туриста» [1, с. 53].

Там же, где извозный промысел процветал, его расценки нередко выглядели, на наш взгляд, весьма нелогично. Например, в Твери «ваньки» брали за поездку «с вокзала в город или на пристань 25—30 к.», а «из города на вокзал 30—40 к.» [1, с. 33]. В Царицыне конный трансфер в город от пристани или вокзалов стоил от 20 до 45 коп., а в обратном направлении — от 30 до 55 коп. [1, с. 221]. Вероятно, эта разница объяснялась тем, что едущий на пристань или вокзал пассажир, как правило, спешил успеть к точно назначенному времени отхода парохода или поезда, тогда как следующий в город седок обычно не торопился. Однако наша гипотеза не объясняет разницу тарифов, обнаруженную автором «Путеводителя» в Симбирске. Тамошние «ваньки» запрашивали за рейс «с паровой пристани в город 60 к., а из города на пристань — 40 к.» [1, с. 169]. Протяженность поездки, естественно, была в обоих случаях одинаковой и составляла четыре версты [1, с. 170].

В Ярославле Гиляровский нашел извозчиков «двух типов: с белым ярлыком и с синим. С белым ярлыком как лучшие взимают плату более дорогую» [1, с. 61—62]. Впрочем, тарифы тех и других различались всего на 5—10 коп., и только почасовая плата у них заметно отличалась: 50 или 35 коп. соответственно цвету ярлыка. «Цветовое кодирование» применялось и в Нижнем Новгороде. «Извозчики существуют двух типов: более дорогой выезд (бляхи белые) и простой (бляхи красные)», — предупреждает Гиляровский; разница в их тарифах здесь составляла 10—15 коп. Зато муниципальные власти лежавшего на холмах Нижнего Новгорода наделили здешних извозчиков особым правом: «При поездке на гору такса повышается на 10 коп.» [1, с. 92]. По ночам (с 01:00 до 6:00) и в дни праздников в Нижнем действовал двойной тариф: на Пасху, например, извозчики могли законно требовать двойную плату в течение трех праздничных дней.

В Костроме местные «ваньки» вынужденно предоставляли своим пассажирам особую услугу: поскольку городской вокзал располагался на правом берегу Волги, а большая часть Костромы лежала на левом и моста между берегами не имелось, то поездка «с вокзала в город летом» стоила 75 коп. и включала паромную переправу через реку «за счет извозчика». Зимой же, когда Волгу сковывал лед, тариф снижался до 50 коп. [1, с. 75]. Первый постоянный мост (железнодорожный) связал берега Волги в черте Костромы лишь в 1932 г., а мост для нерельсового транспорта — и вовсе в 1970 г.

Заметим, что «Путеводитель» наглядно отражает нехватку мостов даже в крупных волжских городах начала XX в. Так, нижегородский район Кунавино соединялся с остальным городом «плашкоутным мостом и электрическим трамваем (! — А. С.): «Во время межледного состояния воды между городом и Кунавиным наводятся мосты на пловучих устоях, разводящийся для пропуска судов около 2—3 часов утра и убирающийся совершенно с наступлением заморозков» [1, с. 91]. Зимняя стужа, видимо, избавляла наших предков от необходимости строить не только хорошие дороги, но и постоянные мосты. Сходная сезонная беда преследовала и жителей Казани: «В разлив сообщение между городом и некоторыми его слободами поддерживается только на лодках», поскольку «вся окрестность Казани лежит в низменной, заливаемой местности» [1, с. 134]. Впрочем, еще большей бедой для казанцев было отсутствие в черте города моста через саму Волгу. Только в 1913 г. ее берега соединит Романовский мост [4, стб. 391].

Официальная такса на услуги извозчиков в Казани включала оплату не только за час (40 коп.), но и за день: в пролетке — 3 руб., в карете или коля-

ске — 6 руб. Ночными часами здесь считалось время суток с 24:00 до 07:00 [1, с. 134]. И в Казани «извозчики с более дорогим выездом, снабженные особым знаком, получают двойную против таксы плату» [1, с. 134]. В Царицыне «такса для извозчиков очень сложная: они разделяются на два типа — пароконных и одноконных, а последние, кроме того, на два разряда. Каждый извозчик обязан предъявлять печатный экземпляр таксы» [1, с. 220—221].

От губернских столиц не отставали в смысле тарифов и извозчики в иных богатых уездных городках. Так, в Рыбинске поездка из одного конца города в другой стоила 20 коп., час езды на «ваньке» обошелся бы в 40 коп., а ночью — и в полтинник [1, с. 55]. Впрочем, в Кинешме местные «ваньки» оценивали свои услуги скромнее: от 25 до 35 коп. за «конец» [1, с. 85]. В г. Камышин Саратовской губ. Гиляровский обнаружил, что «когда грязно, извозчики таксы не соблюдают и берут дороже» [1, с. 215].

Если индивидуальный механический транспорт — автомобиль-такси — на исходе первого десятилетия XX в. еще не проник в провинцию, то массовые перевозчики там уже активно осваивали новую технику. В пяти губернских городах Поволжья Гиляровский нашел электрический трамвай, который и в столицах России появился всего несколькими годами ранее.

Так, поездка по Твери «на трамвае, соединяющем город с вокзалом и фабрикой», обошлась бы в пятак [1, с. 33]. В Ярославле имелись три линии трамвая; поездка «с правом пересадки» стоила и здесь 5 коп. [1, с. 63].

Уникальным по своему подвижному составу был общественный транспорт Нижнего Новгорода. В этом стотысячном мегаполисе в 1900-х гг. тоже имелся электрический трамвай. Гиляровский нашел там три линии с весьма демократичным тарифом: «Плата за конец 3 копейки»; впрочем, в дни работы знаменитой ярмарки стоимость проезда возрастала до полновесного пятака [1, с. 93]. Однако изюминкой нижегородской системы массового транзита были два «элеватора» — канатных трамвая, связывавших прибрежные и нагорные районы. «Из нижней части города в верхнюю и обратно можно подняться на элеваторах Похвалинском и Кремлевском. Плата: 3 к. (в обычное время. — А. С.) и 5 к. во время ярмарки», — сообщает «Путеводитель».

Жители и гости Казани также могли воспользоваться электрическими трамваями. В 1900-х гг. они ходили там по пяти линиям, включая одну «круговую», имевшую, правда, всего три «станции» [1, с. 136]. Стоимость поездки определялась ее протяженностью и классом места. Места первого класса находились в задней половине вагона, второго — в его передней части, на площадке «и на империале». Как казанские трамвайщики возили пассажиров на крыше вагона («империале»), если над нею тянулся высоковольтный контактный провод, Гиляровский не сообщает. Путешествие в 1-м классе стоило в Казани от 5 до 15 коп., во 2-м — от 3 до 8 коп. [1, с. 134—136]. Столь сложная сетка тарифов в других городах Поволжья не применялась.

Электрический трамвай уже ходил и по улицам Астрахани. Места в здешних вагонах тоже делились на два класса, так что стоимость проезда из конца в конец линии составляла 3 или 5 коп. [1, с. 232].

В двух губернских столицах Поволжья 1900-х гг. Гиляровский еще застал коночное движение. В Самаре за поездку на конке брали от 5 до 8 коп. [1, с. 182]. В Саратове «вагоны конки разделяются на два класса: 1-й кл. (внутри вагона) — 5 коп., 2-й кл. (на площадке) — 3 к. за станцию» [1, с. 204]. Здесь «станциями» названы тарифные участки линии городской конно-железнодорожной дороги. Кстати, это свидетельство «Путеводителя» позволяет уточнить

время создания книги: уже с октября 1908 г. конку в Саратове сменил электрический трамвай. С учетом упоминания Гиляровским пожара, уничтожившего в июле 1906 г. Сызрань [1, с. 193], можно весьма точно датировать работу журналиста над книгой временем с осени 1906 г. по лето 1908 г.

Российский турист начала XX в. мог интересоваться и тем, какие возможности провести досуг имелись в том или ином городе. Хороший знаток ночной жизни «второй столицы», В. Гиляровский удостоил упоминания места развлечений лишь в немногих городах Поволжья. Первым из них стал Нижний Новгород. Во время работы ярмарки, когда в городе «кипит яркая жизнь», «по вечерам торговля сменяется развлечениями и разгулом. Несколько театров, цирк, кафешантаны к услугам приезжающих», не без тени осуждения пишет автор «Путеводителя» и тут же спешит добавить: «В наше время разгул весьма уменьшился благодаря административным репрессиям; легендарные кутежи отошли в область преданий и дали место иным, более разумным и культурным развлечениям» [1, с. 111]. Наряду со злчными местами для богатого купечества, Гиляровский нашел в Нижнем и центр «народных развлечений» — Лубянский сад Попечительства о народной трезвости, где «имеется театр и даются спектакли весьма посредственной драматической труппой, вполне, однако, угождающей “простонародным” вкусам» [1, с. 115]. Удивительно, что существовавшие в такой примитивной культурной среде органы местной периодической печати — «Волгарь» и «Нижегородский листок» — строгий в суждениях столичный журналист назвал «лучшими на Волге ежедневными газетами» [1, с. 99].

Мысленно двигаясь далее вниз по реке, автор «Путеводителя» вновь поднимает тему развлечений в очерке о Казани. Ценителям утонченного досуга не стоило там задерживаться. «В отношении развлечений Казани не особенно везет. Зимой здесь функционирует один только театр с драмой и оперой (по полсезона). Летом функционируют два театра; в обоих культивируется легкий жанр, а в садах фигурирует и открытая сцена с обычными “диванами”, “звездами” и рестораном», — сетует Гиляровский [1, с. 145]. Впрочем, словно опровергая свое же скептическое суждение, он далее указывает, что в Казани местами развлечений служат также «клуб в Благородном собрании, Купеческий клуб, клубы “Новый”, Военный, Шахматный и Адмиралтейский. В городе имеется летний цирк Братьев Никитиных» [1, с. 147].

Еще одна губернская столица Поволжья в те времена не располагала и таким набором досуговых центров. Об этом 40-тысячном городе «Путеводитель» сообщает следующее: «Духовно-общественная жизнь Симбирска бьется весьма замедленным темпом, вернее, остановилась на точке замерзания. Правда, имеется убогий театрик, недурная библиотека, а также несколько обществ, преследующих научные и художественные цели, но все они мало чем себя проявляют» [1, с. 171]. Любителей широкого разгула Гиляровский честно предупреждает: «Симбирску дали много прозваний: “спящий город”, “сонное гнездо” и т. п. Эпитеты эти отлично подсказывают, какой интерес и разнообразие может здесь встретить турист» [1, с. 170]. Как ни странно, даже столь нелюбимые оценки московского газетчика могли оказаться чересчур оптимистичными: упомянутая им «недурная» библиотека Симбирска («Карамзинская») насчитывала тогда в своих фондах всего «17 тыс. названий книг и около 40 тыс. томов» [1, с. 173].

Таким образом, «Путеводитель» В. А. Гиляровского представляет в целом весьма достоверный «срез» жизни городов российской провинции, рас-

положенных в самой обжитой части страны. Его автор — внимательный и осведомленный наблюдатель — свидетельствует, что в начале XX в. среди них численно преобладали городки с населением 5—6 тыс. жителей, чье благосостояние зависело, как и в старину, преимущественно от транзита товаров, прежде всего продуктов сельского хозяйства, а также от кустарных промыслов. Современная фабричная индустрия продвинулась пока не далее Верхней Волги. Городки-лилипуты не могли позволить себе многих элементов простейшего благоустройства, хотя в меру сил обзаводились социальными учреждениями и учебными заведениями. Однако даже в самых скромных волжских городах имелись гостиницы и извозчики, а следовательно, не прекращался поток приезжих людей — коммерсантов, паломников и туристов. Архитектурными достопримечательностями городов Поволжья, чья массовая застройка мало отличалась от деревенской, служили здания церковного назначения — храмы, соборы, монастыри; светские сооружения, на взгляд взыскательного москвича, не могли на равных соперничать с ними в красоте и величии. Культурная жизнь волжской провинции к 1908 г. еще не испытала вторжения кинематографа, которому в ближайшее время предстояло восполнить очевидную нехватку там массовых зрелищ и народных развлечений.

Библиографический список

1. *Гиляровский В. А.* Путеводитель по городам России. Волга. М. : АСТ, 2009. 256 с. Репринт издания 1908 г.
2. *Малый энциклопедический словарь.* СПб. : Брокгауз — Ефрон, 1909. Т. 4. 582 с.
3. *Новый энциклопедический словарь.* СПб. : И. А. Ефрон ; Лейпциг : Ф. А. Брокгауз, б. г. Т. 9. 520 с.
4. *Новый энциклопедический словарь.* СПб. : И. А. Ефрон ; Лейпциг : Ф. А. Брокгауз, б. г. Т. 20. 518 с.
5. *Новый энциклопедический словарь.* СПб. : Изд. дело, бывшее «Брокгауз — Ефрон», б. г. Т. 21. 527 с.
6. *Сорокина Г.* Среди редких изданий «Дяди Гиляя» // Московский журнал. 2003. 1 нояб. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=800924> (дата обращения: 19.11.2013).

ББК 63.3(2)612-282.2

Ю. А. Ильин

ВЛАСТЬ, ХЛЕБ И МОБИЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ (По книге воспоминаний А. Окнинского)

Предметом рассмотрения являются мемуары А. Окнинского. В них автор поднимает три важнейших вопроса периода 1918—1920 гг.: власть, продовольствие и мобилизации в российской глубинке. Автор — умный и проницательный человек, свидетель многих описываемых им событий. Он хорошо знал жизнь крестьян и открыто сочувствовал им. Его книга воспоминаний —

© Ильин Ю. А., 2013

прекрасный образец показа жизни российского крестьянства в годы Гражданской войны и интервенции.

Ключевые слова: мемуары, власть, продовольственная диктатура, мобилизации, крестьянство, Гражданская война.

The article analyzes the memoirs by A. Okninsky. Their author considered three questions: authorities, food and mobilizations in Russian province in 1918—1920. The author is a clever and shrewd man, who knew peasantry and sympathized it. His book is a fine illustration of peasant life during the Civil war.

Key words: memoirs, authority, food dictatorship, mobilizations, peasantry, Civil war.

Проблема Октябрьской революции и Гражданской войны — одна из немногих в отечественной истории, имеющая «вечный статус» научной актуальности. Известно высказывание знаменитого писателя Джона Рида о том, что октябрьский переворот в обеих столицах в октябре 1917 г. изменил весь мир («10 дней, которые потрясли весь мир»). Так вот, именно в те дни стала разворачиваться цепь драматических и трагических событий протяженностью в 10 десятилетий XX в. — начала XXI в., оказавших прямое воздействие на повседневную жизнь граждан, да и всей страны в целом.

Интерес общественности к проблеме в наши дни объясняется новыми подходами исследователей к ее осмыслению. Имеется в виду уход их от анализа итогового вектора разворачивавшихся тогда событий, явлений, тенденций в разных сферах жизни общества к рассмотрению последних через конкретные грани восприятия и воспроизведения модели поведения рядового обывателя, волею судьбы ставшего гражданином революционной России. В первую очередь это касается личности мыслящей, образованной, не потерявшей в водовороте событий лихолетья способности к пытливому наблюдению и обобщению череды событий той эпохи. Тем более, если речь идет о мемуарах современника, еще не получивших широкой известности, не введенных в научный оборот исследователями революции и Гражданской войны.

В связи с вышеизложенным предметом пристального внимания в предлагаемой статье являются воспоминания А. Окнинского «Два года среди крестьян. Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 г. до ноября 1920 г.» (Рига, 1936). О самом авторе известно немного. Инженер-землеустроитель, практик-аграрник, он имел большой опыт работы в губерниях Центрального Черноземья, был выдвинут на ответственные должности в центральный аппарат министерства сельского хозяйства (при царском режиме) и министерства земледелия (при Временном правительстве). С осени 1917 г. он с семьей покинул Петроград и начались его скитания по уездам Центрального Черноземья. Единственной целью этих «хождений по мукам» было стремление выжить, переждать революционное лихолетье, дождаться оздоровления России, его единственной Отчизны. Волею судьбы он с семьей оказался в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии. Здесь нашел приют и временную работу: занимал должности делопроизводителя военного отдела и отдела земледелия при местных волостных исполкомах Советов. Осенью 1920 г. по протекции уездного военкома он и его семья были внесены в списки граждан польской национальности, желающих выехать из Советской России в Польшу. По условиям перемирия с поляками (октябрь 1920 г.) советские власти обязаны были таким гражданам предоставить право беспрепятственного выезда за границу. Этим правом он и воспользовался. Обосно-

вался в Латвии. В 1936 г. в г. Риге были напечатаны его воспоминания о годах пребывания в Тамбовской губернии. Дальнейшая судьба А. Окнинского неизвестна, но можно с уверенностью предположить, что весьма незавидная, как, впрочем, и всей русскоязычной прибалтийской интеллигенции, после присоединения Латвии к Советскому Союзу.

В воспоминаниях А. Окнинского четко высвечиваются три блока «виденного, слышанного, пережитого»: оценки личностного характера и деяния представителей советской власти (прежде всего волостного и частично губернского-уездного уровней), продовольственная и военная политика властных структур в тамбовской деревне. Обратимся к тем разделам воспоминаний, где, по нашему мнению, автор ярко и энциклопедично рассказывает о событиях, имевших большой резонанс в деревне, влиявших на мировоззрение и настроения крестьянства. Итак, по чисто случайному стечению обстоятельств (острый дефицит грамотных технических работников, которые могли бы перед предстоящей ревизией из уезда навести порядок в бумагах земельного отдела Подгорьевского волостного исполкома Борисоглебского уезда) А. Окнинский в начале декабря 1918 г. занял должность делопроизводителя земельного отдела ВИКа. Так волею судьбы и по долгу службы он был приближен к волостной администрации и смог воочию познакомиться с ее отдельными представителями. Для нас его суждения весьма значимы, ибо данное звено власти работало в гуще крестьянства, проводило в жизнь указания центра, по методам и результатам его деятельности деревня судила о советской власти в целом. Начнем с того, что автор предваряет показ «душ» советской волостной администрации фразой, убийственной по силе сарказма: «...в волостном доме имелись две жилые комнаты, в которых постоянно и пребывали... (члены ВИКа. — Ю. И.), проводя все время в игре в карты и в распитии самогона...»*. Общая характеристика волостного начальства дополняется замечанием, что члены волостного исполкома присваивали себе 1/3—1/5 часть реальных сумм, вносимых односельчанами в счет денежных налогов (56). Такова его неллицеприятная оценка понимания работниками волостного исполкома своих должностных обязанностей по защите интересов своих односельчан.

А. Окнинский называет причины появления таких горе-начальников на селе: 1) в первое время мысли крестьян были всецело поглощены реализацией мечты бесплатного получения помещичьей земли, улучшения своего хозяйства, поэтому им было не до выборов; 2) крестьянство не разбиралось, что такое председатели и члены ВИКов и сельсоветов (в условиях наступившей «свободы» это были незначимые должности); они рассуждали так: «Матвей Свинкин хочет быть председателем. Пусть будет. Парень он не хозяйственный — поди никогда и не пахал. А нам теперь пахать нужно новую землю — недосуг баловаться»; 3) нелюбовь крестьянской массы к выборным должностям, отвлекающим ее от своего хозяйства (46—47).

Среди «темной массы вершителей крестьянских судеб» были по-своему замечательные типы: председатель ВИКа Матвей Свинкин и военный комиссар волости Милосердов. Так, председатель волостного исполкома был человеком 35—37 лет, из бедняков, работавший до революции чернорабочим на

* Окнинский А. Два года среди крестьян. Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 г. до ноября 1920 г. Рига, 1936. С. 38. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием в скобках страницы.

железной дороге, знавший грамоту. По мнению автора воспоминаний, он был «нравственности — низкой... Крестьянским трудом никогда не занимался, его не любил, а вместе с тем и не любил всех трудолюбивых землеробов, крепких хозяев...» (41). Автор отмечал разгульный образ жизни председателя ВИКа (в бытность его на указанной должности до апреля 1919 г.): пьянки, грабежи своих односельчан, конфискации продовольствия под предлогом борьбы со спекуляцией. Но всему бывает конец: «Погорел в апреле 1919 г.: конфисковал продовольствие, закупленное рабочими московского завода, коммунистами; избил одного из них; продукты отвез не в ВИК, а себе домой. Рабочие обратились к железнодорожной ЧК, но тот сбежал из волости» (44).

Чеховским юмором и мольеровским сарказмом наполнен рассказ автора о военном комиссаре волости Милосердове, бывшем старшем фейерверкере, который сам себя считал образованным человеком. Он непрестанно «зубрил» начальную геометрию: «Учебник геометрии он постоянно носил при себе и заглядывал в него в каждую свободную минуту. В разговоре он часто употреблял ни с того ни с сего геометрические термины. В своем домашнем хозяйстве всем предметам дал геометрические названия и строго следил за тем, чтобы домашние не называли их иначе, как данным им названиям. Он колеса называл кругом, оси — горизонталями, оглобли — параллелями, борону — квадратом, кадушки — цилиндрами, деревья — перпендикулярами и т. д. Сослуживцы из военных писарей над ним посмеивались, называя его блатным, равно как и его односельчане» (50).

Одним словом, от прочтения вышеуказанных строк книги складывается стойкое неприятие к представителям сельской власти, чьи явно несправедливые и порочные действия вызывали шок и ропот у крестьян. Однако автор, живописуя факты беспредела представителей волостной администрации, сумел увидеть и нечто человеческое (если можно так сказать, по тогдашним меркам) в их личностях, что-то вроде проблесков сострадания к односельчанам и угрызения совести. Правда, эти черты их характера являлись на свет в запущенном, диком виде. Так, после описания омерзительной сцены расстрела группы молодых людей, заподозренных в дезертирстве (лето 1919 г.), А. Окнинский делает следующую запись: «После этих событий председатель ВИКа недели две не показывался совсем в канцелярии, а затем побывав раза два, ушел совсем, и власть около двух месяцев оставалась без председателя Совета, а Бутяев (секретарь коммунистической ячейки) целую неделю пил мертвую...» (150).

Позитивнее и колоритнее в мемуарах отображен технический персонал Подгорьевского волостного исполкома, представители оперативного аппарата волости, наиболее тесно связанные с крестьянством и существенно корректировавшие указания уездно-губернской власти, да и своих непосредственных волостных начальников. Автор воспоминаний дает краткую характеристику двоим своим сослуживцам. С нескрываемой симпатией он говорит о делопроизводителе отдела управления ВИКа Василии Соколове, молодом человеке 20 лет, родом из с. Подгорье. Тот «знал хорошо всех своих односельчан, а также и многих других крестьян волости и их материальное положение, и благодаря этому, а также своему врожденному чувству справедливости, оказывал всем им большие услуги при разложении на них каких-нибудь налогов, поборов или подводной повинности и поэтому пользовался их любовью и доверием...» (52—53). В деятельности же делопроизводителя военного отдела Василия Вострикова автор подметил «коммерческую струн-

ку» службы своим односельчанам: ведая призывами крестьян, «на этом деле он несколько зарабатывал, делая одним разные поблажки в сроках явки, других предупреждал о предстоящем призыве и тем давая им возможность скрыться...» (54). Так что технический аппарат волостного исполкома Совета играл своеобразную роль «амортизатора и корректировщика» текущей политики властей всех уровней.

В скупых строках своих воспоминаний А. Окнинскому удавалось передать скрытую настороженность и предупредительность волостных властей к «приезжим» инструкторам, агитаторам, уполномоченным и коммунистам. В этом плане их настроения и интересы смыкались с общим мнением односельчан. Автор воспоминаний фиксировал многочисленные поборы со стороны уездного начальства: его представители (от военных до работников пролеткульта) требовали «гостинцев». Подати раскладывались по селам, по числу едоков в каждом из них, и это не шло в счет продовольственных налогов. Вследствие чего, как выразился А. Окнинский, «волость воем выла». Автор раскрывал «механику» взаимоотношений местного и уездно-городского начальства: при решении вопросов, касавшихся обязанностей со стороны волости, председатель волостного исполкома приглашал «приезжих подзакусить» в расчете на свойственную многим людям черту «мякнуть после основной закуски». В большинстве случаев такая технология «разводки» срабатывала, но случались и осечки. В таких случаях местное начальство, как правило, после отъезда «незваных гостей» топило свое самолюбие в вине, уходило в запой. Однозначно отрицательное отношение местного крестьянства к власти «извне» поневоле примиряло его со своим, ведь работники волостного исполкома были как на ладони, предсказуемы, под них можно было подстроиться и «по-свойски» решить так волновавшие крестьян вопросы. Так, благодаря воспоминаниям А. Окнинского, как бы на клеточном уровне, но во всей своей полноте и многогранности встает перед нами вычурная, полная тайн и загадок, непредсказуемых запросов и вариантов их удовлетворения «вавилонская башня» уездно-волостной машины советской государственности.

Продовольственная политика властей. В мемуарах А. Окнинского этот вопрос менее освещен, можно сказать, дан мимоходом, как атрибут к характеристике состояния политического и военного вопросов на селе. В основном эти сведения относились к 1918/19 опер. г. Так, им было подмечено, что урожай 1918 г. был обильным. Крестьянство в полной мере воспользовалось этим: оно сделало большие личные запасы и активно вело меновую торговлю с мешочниками, открыло дорогу «самогонной эпопеи» в селениях. То есть население проигнорировало хлебную монополию правящего режима при явном или тайном содействии со стороны местных властей. Об этом свидетельствует упомянутый в книге факт: в марте 1919 г. уездные власти требовали от волостных исполкомов раскладывать хлебный налог по отдельным хозяйствам, но сельские Советы на местах «или не понимали, или делали вид, что не понимают». По мнению автора, «вернее» второе. В конечном итоге, уездные власти вынуждены были проводить продовольственную политику с помощью прежней «технологии»: «Прибыл отряд солдат в начале апреля 1919 г. с целью реквизиций, обходили дворы, но безрезультатно: крестьяне все попрятали. Но и уйти так не могли, поэтому была сделана раскладка на более зажиточных крестьян и солдаты покинули волость с несколькими возами хлеба...» (101—102). Заметим, что советская власть, уступив крестьянству в методике изъятия продовольствия, «добирала» его практикой введения

многочисленных поборов, причем сверх официального учета, проявляя при этом удивительную изобретательность: «Все требовали подвод и продовольствия, “гостинцев”... все это не шло в счет продналога... волость воем выла, а потом еще больше завыла, как был объявлен дополнительный сбор ржи в соответствии с посевной площади каждого двора...» (113).

«Волость воем выла», но и выводы делала. Автор приводит такую деталь: осенью 1919 г. вышло распоряжение о сдаче хлеба на сдаточные пункты и о запрещении перерабатывать зерно в муку. Прибыл мельничный надзиратель в волость. Он закрыл две (из трех) ветрянок, все 3 мельницы для проса и подсолнуха. Но на деле мельницы продолжали работать, правда, «по ночам, потихоньку (сказалась взятка со стороны владельцев этих мельниц)» (40).

К сожалению, А. Окнинский больше не делится с нами сведениями о ходе заготовительных кампаний 1919/20—1920/21 гг. на селе. Его внимание все больше приковывается к мероприятиям советской власти военного характера.

Военная политика местной власти. На эту проблему он смотрит целостно, выхватывая из череды текущих событий те факты, которые, с одной стороны, были заметными и оказывали существенное воздействие на умонастроения крестьян; с другой — были типичными для сельских районов Советской Республики в те годы. Так, в мемуарах прямое воздействие гражданского населения волости на умонастроения и поведение мобилизованных в Красную армию крестьян. 10 декабря 1918 г. в с. Подгорье прибыл на переформирование советский стрелковый полк, разбитый Добровольческой армией под г. Борисоглебском. Начальник обоза стал жаловаться «мне на то, как скоро нижние чины, попадая в свою родную стихию, то есть в крестьянские избы, забывают дисциплину, начинают оказывать непослушание...» (68). Прибыл командир полка, отчитал красноармейцев и избил нагайкой наиболее строптивых, приказав начальнику обоза расстреливать каждого, кто осмелится нарушить дисциплину. Автор добавляет, что эта угроза подействовала: красноармейцы изменились. А в марте 1919 г. их отправили на фронт (68).

А. Окнинский раскрывает сложные драматические перипетии, связанные с призывами крестьян волости в Красную армию. В мемуарах есть все: и бестолковщина в действиях военного отдела волостного исполкома, и глухое недовольство населения мобилизациями, и бессмысленная, не знавшая границ дозволенного, жестокость в действиях должностных лиц, осуществлявших военную политику в деревне. В книге отложились события весны — осени 1919 г.: «Списки подлежащих призыву составлялись в волостях кое-как. Да оно и понятно. В некоторых волостях списки о составе семейств крестьян волости, составленные в дореволюционное время, а также мобилизационные списки, были затеряны или умышленно уничтожены во время революции. Та же участь постигла и часть метрических книг, отобранных от сельских священников и переданных во вновь образованные волостные отделы записей актов гражданского состояния. Поэтому за отсутствием точных письменных сведений о времени рождения впервые призываемых таковых вносили в списки после опроса их родителей и родственников, которые и сами-то точно иногда не знали времени рождения подлежащих призыву и к тому же умышленно указывали более позднее, чем это было на самом деле, время их рождения... Все это вносило большую путаницу в призывные списки, которые приходилось постоянно переделывать и уже призванных в во-

лости, но еще не отправленных в город, то освободить, то вновь призывать. И поэтому почти все призванные заявили о неправильном их призыве: одни вполне добросовестно, другие — умышленно. Отсюда общее недовольство призывами, которое усиливалось вследствие предстоявшего горячего времени — сначала сенокоса, а потом уборки ржи и проса...» (115). Автор воспоминаний особо отмечал, что особенно были недовольны те, кто недавно вернулся из германского или австрийского плена. К этим настроениям их толкало запущенное хозяйство и твердая память об агитации большевиков в 1917 г. на фронте против войны и их обещания войны никогда больше не вести.

В мемуарах А. Окнинского приводится ошеломляющий по степени жестокости эпизод борьбы советской власти с явлением дезертирства. В силу значимости и одновременно типичности «опричного метода», применявшегося уездно-губернской властью в отношении уклонившихся от военной службы, приведем его почти дословно. С появлением отряда по борьбе с дезертирством председатель волостного исполкома, секретарь коммунистической ячейки и начальник отряда устроили секретное совещание. «В самом начале этого заседания председатель исполкома попытался было предложить начальнику отряда подзакусить в расчете на свойственную многим людям слабость “мякнуть” после основной “закуски”, но начальник отряда сразу же резко оборвал его...» (126). «Было дано приказание о воспрещении всем жителям, не исключая детей, под страхом смерти выхода из села; затем — размещении солдат по трое в избу, в волостной Совет — 10 человек с пулеметом. Сам начальник отряда пошел завтракать к секретарю коммунистической ячейки, приготовившему изрядное количество самогона и всякой снеди. Харчи для солдат (всего 60 человек) были взяты с дезертирских семей. Вечером начальник отряда выступил перед крестьянами и призвал их оказывать содействие в поимке дезертиров, в противном случае суды вплоть до отнятия имущества и расстрела» (128). При этом пулемет был выставлен на крыльце волостного Совета. «...По окончании речи начальник отряда приказал открыть огонь из пулемета боевыми патронами на 3000 шагов под пение “Интернационала”... Председатель волостного исполкома, увидев, что стреляют боевыми патронами, осмелился заметить начальнику отряда, что таким образом в поле может кого-нибудь убить, на что получил ответ, что “если и убьют кого, так это не беда: будут, по крайней мере, знать, что отряд пришел сюда не для шуток, и что у него имеется чем расправиться с дезертиром и скрывающимся его населением...” Такая стрельба производилась каждый вечер, пока отряд стоял в селе» (128). Для устрашения был расстрелян один дезертир (бывший унтер-офицер), кстати, последний признал в начальнике отряда бывшего прапорщика 67-й роты его полка (132). Перед уходом начальник отряда арестовал 11 молодых людей (якобы дезертиров) и отвел их за полверсты от села и якобы отпустил домой, велел бегать по полю, а затем раздались выстрелы и заработал пулемет — и все были убиты. Заметим, автор мемуаров был очевидцем этого массового убийства, так как был насильно взят в свидетели этой страшной сцены. Пули пулемета настигли и двух девушек, тайно вышедших из села нарвать подсолнухов в поле (150).

Чудовищная сцена расправы над крестьянской молодежью в мемуарах А. Окнинского звучит обвинительным набатом в адрес бесчеловечной власти, узурпировавшей труд, волю и мечты крестьянина, его жизнь и судьбу. Этим апофеозом мракобесия автор и завершает свой рассказ о житье-бытье русского крестьянина в лихое время Гражданской войны.

Оценка полноты и достоверности воспоминаний А. Окнинского. Склоняемся однозначно к выводу: изложенные в мемуарах факты отличаются по содержанию правдивостью и взвешенностью в суждениях. Что позволяет так говорить? Ряд факторов.

1. Автор мемуаров имел достаточно большой стаж так называемого «хождения в народ» как профессионал, практик аграрного вопроса (землеустроитель, ответственный работник центрального управления межевания министерства сельского хозяйства, позднее — земледелия); так и «вынужденной миграции» в ряды крестьянства, чтобы спастись от голода и возможных преследований со стороны столичных властей. За эти годы он не просто узнал крестьян, но слился с ними, прикипел к ним душой и телом. Он принадлежал к типу той части интеллигенции, которая не была сторонником кровопролития в эти годы, а скорее примыкала к народникам-просветителям, добровольно разделявшим чаяния и беды простого населения.

2. Автор не раз предупреждал читателей, что он был непосредственным свидетелем излагаемых им событий, или слышал о них из многих рассказов односельчан. Причем к услышанному он относился весьма осторожно, пересмысливал, переоценивал эту информацию у многих очевидцев событий и только после этого убеждался в необходимости записать и передать ее потомкам.

3. Описанные автором типажи представителей советской власти и рядовой массы крестьянства, технология их взаимоотношений совпадают с аналогами в различных интерпретациях, известных, благодаря введению исследователями периода Гражданской войны в научный оборот опубликованных и неопубликованных документальных источников.

4. Внушает доверие и сама позиция мемуариста: невмешательство в историческую драму, разыгравшуюся в российской глубинке. Можно объяснить это сильным инстинктом самовыживания автора, его тревоги за членов семьи в тех условиях. Можно объяснить это и концептуальной позицией А. Окнинского: народ-терпеливец, власть антихристова. Нам кажется, не это главное. Автор, разумеется, видел и ощущал не раз на себе дикий и непредсказуемый характер мышления и поведения российского крестьянина, в целом негативно настроенного ко всем, кто не принадлежал к сословию землеробов. Ведь, в немалой степени, выпады советской власти в отношении деревни провоцировали сами крестьяне. Власть использовала это сполна, оправдываясь в этих случаях защитной реакцией. Нет, А. Окнинский хотел показать ту часть крестьянства, между прочим составлявшего несомненное большинство сельского населения, которое было настроено миролюбиво к власти, готово было принять все капризы последней ради гарантии относительно сносных условий существования единоличного хозяйства. Этим можно объяснить, что, находясь в гуще «антоновщины», автор ни словом не обмолвился о ней. Если бы у него была мотивация безмерной критики советской власти, вот где бы он нашел благодатное поле для критики. Но автор не ставил такую цель, ибо в дни восстания Антонова от действий повстанцев страдало именно это большинство сельского населения, не желавшее скрестить оружие с правящим режимом.

Разумеется, мемуары А. Окнинского не претендуют на статус источника, исчерпывающе раскрывающего все поднимаемые в нем аспекты проблемы. Но, надо признать, являются прекрасным образцом, помогающим заглянуть в сознание и душу российского крестьянина эпохи Гражданской войны.

ББК 74.273(2)6

Д. Ю. Листопадов

**ПИОНЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ
ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (май 1923 — май 1924 г.)**

Статья посвящена становлению пионерской организации на территории губерний Верхнего Поволжья в период с мая 1923 по май 1924 г. Рассматриваются политика комсомола в отношении пионеров, кадровая проблема, проблема материального обеспечения, отношения пионеров с профсоюзами. Дана динамика численного роста пионерской организации Верхнего Поволжья.

Ключевые слова: пионер, скаут, партия, комсомол, профсоюзы, Верхнее Поволжье.

The article is devoted to the Pioneer organization in the Upper Volga Region in May 1923 — May 1924. The Komsomol politics towards pioneers, staff and finance problems are considered, as well as the relations between the Pioneer organizations and trade-unions. The dynamics in the Pioneer organization membership in the Upper Volga Region is shown.

Key words: pioneers, scout, party, Komsomol, trade unions, the Upper Volga Region.

В 2012 г. пионерскому движению в России исполнилось 90 лет. Вместе с тем история его становления в Верхнем Поволжье еще мало изучена. Данная статья частично восполняет этот пробел. В ней мы рассмотрим формирование унифицированной пионерской организации на территории Верхнего Поволжья (Владимирская, Иваново-Вознесенская, Костромская, Ярославская губернии). Хронологические рамки статьи обусловлены тем, что в апреле 1923 г. прошел XII съезд РКП(б), после которого внимание руководящих структур на местах к пионерской организации значительно возросло. В мае 1924 г. состоялся XIII съезд РКП(б), определивший развитие пионерской организации на последующие несколько лет.

В связи с установками XII съезда РКП(б) комсомол приступил к унификации и централизации пионерского движения. 25—30 июня 1923 г. прошла III Всероссийская конференция РКСМ, в повестке дня которой стоял отдельным пунктом вопрос об очередных задачах детского коммунистического движения. Причем, как отмечали участники конференции, «работа среди детей... еще никогда так не ставилась» [7, д. 155, л. 38]. Перед конференцией проводился сбор материалов с мест о состоянии пионерского движения [25, д. 77, л. 16], с учетом которых на ней был принят ряд решений, изменивших вектор развития пионерской организации. Ключевым стало требование полного отказа от скаутской методики. Если до этого периода считалось нормой «формальное переименование скаутов в пионеры и продолжение скаутской работы без изменений» [21, д. 98, л. 11], то теперь такой порядок вещей был признан нетерпимым. Была объявлена борьба с «уклонами», к числу которых отнесли излишнее внимание к внешности и увлечению «индейщиной», отвлекающей детей от реальной жизни. Отвергалась и разрядная система, которая, по мнению комсомольцев, заставляла детей «добиваться

© Листопадов Д. Ю., 2013

2013. Вып. 4 (13). История •

повышения», что развивало «буржуазный индивидуализм» [13, с. 33—34]. Отметим, что оба «уклона» (изучение лесной жизни и продвижение по разрядам) являются важнейшей составляющей скаутской методики. Теперь пионерским отрядам предлагалось работать «по этапам». Весь год делился на следующие этапы: а) с 7 ноября по 1 января (комсомольское рождество); б) с 1 января по 8—12 марта (свержение самодержавия); в) 12 марта — 1 мая (День международной солидарности трудящихся); г) 1 мая — 30 июня (Международная детская неделя); д) 30 июня — 1—5 сентября (Международный юношеский день); е) с Международного юношеского дня по 7 ноября [13, с. 51—60]. Как видно, этапы были привязаны к политическим праздникам, т. е. налицо курс на идеологизацию детского движения.

Вторым важнейшим решением конференции было подтверждение политики, направленной на увеличение численности пионерской организации, что уже практически реализовывалось после XII съезда РКП(б) в апреле 1923 г. Кроме того, конференция определила приоритеты в кадровой политике: руководить пионерами должны пролетарии-комсомольцы. Для этого необходимо было развернуть систему курсов от всероссийских до волостных [15, с. 5].

Из данных решений проще всего оказалось организовать деятельность по изживанию «уклонов» на местах. Так, в Иваново-Вознесенской губернии 1—2 августа 1923 г. было проведено губернское совещание по вопросам деткомдвижения, на котором было выражено негативное отношение к скаутам и работе по скаутским методикам [7, д. 25, л. 39]. В Ярославской губернии, где борьба со скаутским влиянием в отрядах шла всю первую половину 1923 г., о негативном отношении к скаутской системе было заявлено еще 11—12 июня 1923 г. на I Ярославском губернском съезде работников детского движения [25, д. 77, л. 16]. А 25 июня губбюро отчиталось, что «в результате фильтрации» к работе с детьми допущено только 33 скаута из 102 [там же]. Владимирский губком комсомола также еще до III Всероссийской конференции, 16 июня 1923 г., директивно потребовал от укомов решительной борьбы с пережитками скаутизма, отказа от скаутских атрибутов, посохов, патрульных, оружия, значков, разрядов и званий, а патрули с названиями животных и птиц должны были переименоваться в звенья и выбрать себе как символ одного из пролетарских вождей [16, с. 56]. Костромской губком РКСМ отчитывался, что развернул борьбу не только с «индейщиной» и «разрядами», но и с «уклонами» в «военщину и культурку» [23, д. 1, л. 83; д. 5, л. 163].

Результатом этой кампании стало «наведение порядка» на уровне отрядов, что вело к тяжелым последствиям для тех из них, которые отказывались менять свои формы работы, — от смены руководства до закрытия отряда. Так, начальник 1-го пионерского отряда Иваново-Вознесенска П. Ефремов 23 октября 1923 г. был заменен активным комсомольцем Г. Михайловым [7, д. 156, л. 229]. В качестве примера закрытия бывшего скаутского отряда, который ранее поддерживался комсомолом, приведем историю пионерского отряда в Наволоках (Иваново-Вознесенская губерния). В декабре 1922 г. комсомол стал учитывать скаутскую дружину в Наволоках как пионерскую (хотя члены ее продолжали называть себя бойскаутами). Вплоть до августа 1923 г. этот отряд получал помощь от комсомола, но 17 августа 1923 г. пленум Кинешемского укома РКСМ постановил «всевозможными способами бойкотировать отряду бойскаутов» [8, д. 6, л. 59]. Скауты попытались сохранить сотрудничество с комсомолом, пойдя на определенные уступки. В отчете укома

РКСМ за август 1923 г. сказано: «...имеющийся отряд бойскаутов в Наволоках переименовал свое название на отряд “Юные пионеры”» [там же, л. 71]. Однако это был чисто тактический ход: в сентябре 1923 г. местная газета вновь пишет об отряде как о дружине скаутов, которые сами управляют своей организацией [12] (в то время как еще весной того же года у них был взрослый руководитель — скаутмастер Д. Шипулин), при этом уком в отчете констатирует, что в сентябре на территории уезда деткомдвижения не существует [7, д. 202, л. 22]. В отчете Наволокской ячейки РКСМ от 4 декабря 1923 г. было сказано, что отряд юных пионеров уже месяц не работает и будет реорганизован [8, д. 6, л. 54]. Отметим, что Иваново-Вознесенская губернская комсомольская газета писала о праздновании 6 апреля 1925 г. 1-й годовщины деткомдвижения в Кинешемском уезде [26], т. е. фактически провозглашалось, что первый «правильный» пионерский отряд в Кинешемском уезде был организован 6 апреля 1924 г., а все отряды, учитывавшиеся как пионерские в 1922—1923 гг., были вычеркнуты из уездного деткомдвижения. Анализ архивных материалов, газет 1920-х гг. и воспоминаний первых пионеров позволяет утверждать, что такие случаи были типичны. Например, в Буге и Галиче (Костромская губерния) уже в феврале — марте 1923 г. были созданы пионерские отряды [23, д. 5, л. 111]. Перед III Всероссийской конференцией Костромским губкомом РКСМ в конце июня было проведено инспектирование Буйской организации юных пионеров. В докладе сообщалось, что организация «весьма разбухла» (300 человек), большинство пионеров являлись детьми нэпманов и представителей бывших имущих классов. По словам докладчика, в Буге были «не юные пионеры, которых хочет комсомол, а чистойшей марки военная буржуазная организация скаутов» [23, д. 2, л. 92]. Было принято решение дать директивы практической работы и провести чистку: сократить состав пионеров в Буге до 150—170 человек, т. е. вдвое [там же]. При этом в Буге летом 1923 г. в пионерских отрядах состояли «почти все дети города», но «не было определенной воспитательной линии, был взят уклон в военщину», к августу 1924 г. осталось 150 человек [1, 1924, 11 авг.]. Отметим, что и в июле 1923 г. сообщалось о неправильной работе буйских пионеров [1, 1923, 22 июля], более того, проведение Международной детской недели (МДН) в Буге было «отложено до сентября» [там же, 5 авг.]. Вероятно, буйские скауты, которые в феврале 1923 г. были переименованы в пионеров, летом того же года отвергли требование «работать по-новому», что и привело к массовому выходу из пионеров и срыву МДН. В Галиче весной — летом 1923 г. существовала пионерская организация, о которой писала и губернская комсомольская газета [3]. Однако в отчете губкома о положении на 1 октября 1923 г. о ней уже не упоминается [23, д. 5, л. 67], а в 1927 г. в газете «Плуг и молот» начало детского (а не пионерского) движения в Галичском уезде относят к лету 1923 г.: «Был создан отряд из 4 звеньев — 2 в детгородке и 2 в интернате» [19].

Во Владимирской губернии, согласно отчету губкома, к июлю 1923 г. действовали пионерские отряды в Кольчугине и Муроме [11, с. 88; 16, с. 56]. В Кольчугине к лету 1923 г. были созданы два пионерских отряда [2] на базе «спортивных групп» [14]. В июле эти два отряда объединили в один пионерский отряд, причем из 100 человек в него вошло только 65, т. е. лишь две трети. Затем пионерская работа прекратилась до лета 1924 г. [14]. Пионерский отряд, сформированный из «спортивных групп», при попытке навязать ребятам «политическую деятельность» просто перестал существовать, а в 1924 г.,

после XIII съезда РКП(б), пионерскую организацию в Кольчугине создавали заново. В Муроме, по воспоминаниям одного из первых пионеров — Г. П. Богатова, в октябре 1923 г. пионеров не было, так как «в школе было мало детей рабочих, не все дети были охвачены школой», «появились пионеры лишь после решений XIII партсъезда» [10, с. 14]. Мы делаем вывод, что в Муроме в июле 1923 г. действовал «пионерско-скаутский отряд» (скорее всего при школе 2-й ступени, так как «пережитки прежнего скаутизма» были особенно сильны в общеобразовательных школах) [16, с. 56], который был учтен как пионерский. После начала борьбы со «скаутским уклоном», к концу октября 1923 г., этот отряд прекратил свое существование. Чистки во Владимирской губернии продолжались и в первой половине 1924 г. Они проходили при непосредственном участии комсомольцев, из отрядов исключались «ребята, не поддающиеся пионерскому влиянию, дети не рабочих, а служащих» [5, д. 133, л. 1].

В качестве основного инструмента, призванного обеспечить рост численности пионерской организации, предполагалось использовать Международную детскую неделю. Она должна была проходить 24—30 июля 1923 г. Из Центрального бюро была разослана директива о необходимости ее проведения [7, д. 158, л. 85]. Задачей этой кампании являлся показ имеющихся достижений пионеров и привлечение к ним внимания со стороны организаций. В губерниях Верхнего Поволжья по-разному отнеслись к выполнению данной директивы. Так, в Ярославской губернии, бывшей на тот момент одним из лидеров пионерского строительства, губбюро 24 июля постановило «во время недели (имеется в виду МДН. — Д. Л.) провести организацию отрядов юных пионеров, с тем чтобы ко дню демонстрации количество пионеров умножилось» [25, д. 72, л. 64]. И действительно, оно добилось увеличения за указанный период числа пионеров в Ярославле на 450 % [17, с. 73]. Во Владимире к проведению МДН активно подключилась газета губкома РКП(б) [20]. Как следствие, по всей губернии стали проходить собрания, приём пионеры, экскурсии, доклады, беседы, а в последний день даже массовые демонстрации [16, с. 57]. В связи с проведением МДН усилилось внимание партии и комсомола к пионерскому движению: Владимирский губком РКСМ отправил на пионерскую работу в уезды 124 комсомольца [16, с. 56] (эта цифра, по нашему мнению, сильно преувеличена, или же имеется в виду общее количество комсомольцев, прикрепленных к отрядам по губернии), а почти во всех уездных партийных клубах были выделены специальные пионерские комнаты [27, с. 320].

В Иваново-Вознесенской же губернии проведению МДН не было уделено особого внимания и роста численности по ее итогам не произошло. О запущенности пионерской организации комсомольскими органами говорилось на совещании политпросветов губкома и укомов 1—2 августа 1923 г.: «Со стороны укомов и райкомов РКСМ мало обращено внимания на развитие детского движения, чувствуется слабость руководства существующими отрядами, развитие детского движения в губернии, главным образом, тормозится из-за отсутствия материальных средств, отсутствия кадров руководителей комсомольцев. А потому комсомол на это уделяет слишком мало внимания» [7, д. 120, л. 64]. Согласно отчетам о работе Иваново-Вознесенского губкома партии в ЦК РКП(б) с января по май 1924 г. (т. е. до XIII съезда партии) непосредственно на бюро губкома не обсуждались ни вопросы пионерской организации, ни вопросы, связанные с работой РКСМ [6, д. 1340, л. 17, 54]. В

то же время в Ярославской губернии партия выделяла партприкрепленных для работы в отрядах (правда, реально партприкрепленные с пионерами не работали) и помогала комсомолу материально [25, д. 68, л. 4].

В Костромской губернии комсомол, увлекшись борьбой со скаутами, вообще не сумел провести МДН [23, д. 5, л. 163]. Более того, костромские комсомольцы «взяли линию не на расширение пионерского движения, а на его укрепление» [там же]. Обосновывали они это в отчете за август — сентябрь 1923 г. тем, что «руководства из ЦК детдвижением нет, система пионерства не разработана» [там же]. Отмечались плохое материальное положение пионерских отрядов, хотя небольшая помощь оказывалась комсомолом, исполкомами и профсоюзами, слабость отрядов в уездах, отсутствие руководителей «как общее явление», плохая связь с организациями [23, д. 2, л. 151]. 12 сентября на заседании бюро губкома РКСМ констатировалось, что пионерская работа в фабричном районе Костромы налаживается, так как туда послан старый «спец» по детдвижению Соболев, который, однако, «противопоставляет себя слабохарактерному начштаба Титову» [там же, л. 104]. По нашему мнению, Соболев продолжал работать по скаутской методике, чему должен был препятствовать Титов, в задачу которого входило проводить комсомольскую линию. Хотя в октябре 1923 г., видимо, на месте распавшихся были организованы новые пионерские отряды в Нерехте и Галиче [23, д. 1, л. 70—71], численность костромских пионеров к ноябрю 1923 г. даже уменьшилась.

При создании первых пионерских отрядов в Верхнем Поволжье ими, как правило, руководили бывшие скаутмастера, однако после XII съезда партии РКСМ старался усилить свое влияние, увеличивая комсомольскую прослойку среди руководителей отрядов. Успешнее всего здесь действовал ярославский комсомол. Перед тем как назначить вожатого в отряд, Ярославское губбюро проверяло готовность вожатых к работе, рассматривая каждую кандидатуру, и утверждало или отклоняло ее [25, д. 72, л. 60]. Чтобы проводить комсомольскую линию в отрядах, в Иваново-Вознесенской [7, д. 156, л. 2] и Ярославской [25, д. 77, л. 16] губерниях выделялись политруки. Однако в связи с тем что количество комсомольцев — вожатых отрядов неуклонно росло, этот метод уже летом 1923 г. уходил в прошлое [там же].

Установки III Всероссийской конференции РКСМ на борьбу с уклонами и рост численности пионерской организации достаточно успешно выполнялись в Верхнем Поволжье. Гораздо сложнее было решить кадровую проблему, так как борьба со «скаутским уклоном» привела к уходу многих опытных руководителей, бывших ранее скаутмастерами. Об острой нехватке руководителей сообщали в Костромской [23, д. 1, л. 70—71], Иваново-Вознесенской [7, д. 25, л. 90], Владимирской [4, д. 216, л. 97] губерниях.

Особенно острый кадровый дефицит уже в сентябре 1923 г. отмечался в Ярославской губернии [24, д. 975, л. 214]. Председатель Ярославского губбюро Д. Лавров писал в губернском партийном журнале, что комсомол имеющееся количество пионеров (рост за время МДН составил с 550 до 1400) «впитать не смог»: нет руководителей, малы помещения (или их нет совсем), отсутствуют материальные предпосылки для работы. Невзирая на это, он, совершенно нелогично, далее ставит такую задачу: «Весной комсомол должен впитать оставшиеся от осени 750 %. Весной организация вырастет в 3—4 раза» [17, с. 73]. Правда, решить эту задачу не удалось, но активность Лаврова была оценена, и он в 1924 г. был переведен на работу в ЦК РКСМ, причем

в сферу его деятельности входила и пионерская организация [18, с. 138]. Опыт Лаврова показывает, что люди, занимавшиеся пионерской организацией, зачастую считали свою работу трамплином в карьере, отсюда и формализм в подходах к ней.

В августе 1923 г. стало понятно, что ситуация не позволяет дальше форсировать рост организации, и в начале сентября 1923 г. ЦК РКСМ разослал всем губкомам РКСМ и пионерским губбюро циркуляр о зимней работе, который предписывал взять курс не на расширение, а на укрепление существующих деторганizations, твердо проводить линию на пролетарский состав в пионерских отрядах, создавая их при фабриках и заводах; в деревне детского движения не разворачивать, ликвидировать остатки некоммунистических организаций, укрепить кадровый состав, заменяя беспартийных руководителей комсомольцами [24, д. 975, л. 209].

После XII съезда РКП(б) стала заметней помощь профсоюзов в создании пионерских отрядов, однако она все же не была масштабной. ЦК РКСМ, опираясь на партийную установку, сверху «продавливал» указание об оказании профсоюзами всяческой материальной помощи юным пионерам. В итоге 12 февраля 1924 г. президиум ВЦСПС при участии представителей комсомола рассмотрел вопрос об участии профсоюзов в организационной работе по детскому коммунистическому движению [9, д. 612, л. 12]. На нем были приняты решения о поддержке пионеров, причем отмечалась недопустимость создания отрядов непосредственно профсоюзами без согласования с РКСМ.

Рассмотрим, в чем проявлялась помощь профсоюзов в развитии детского движения в изучаемом регионе на примере Иваново-Вознесенской губернии. На пленуме губкома комсомола 25 мая 1923 г. было принято следующее решение: «Рекомендуется создание отрядов юных пионеров по системе скаутинга. Необходимо договориться с госорганами и профорганами о широком развитии этих отрядов в счет фабрик... необходима организация курсов начальников отрядов юных пионеров, и вообще наряду с развитием сети отрядов стоит задача урегулирования существующих» [7, д. 25, л. 39].

И действительно, в профсоюзных клубах при предприятиях пионерским отрядам начали выделять помещения. Так, в обзорах деятельности профсоюзных клубов иваново-вознесенского губернского журнала «Труд» в 1923 г. начинает появляться информация о работе при них пионерских отрядов [22, 1923, № 8/9, с. 30; 1924, № 1, с. 30].

Отметим, что помощь со стороны профсоюзов оказывалась в это время только профкомами крупных предприятий, имевшими свои клубы, и только «своим» отрядам, которые объединяли детей с данного предприятия, на губернском же уровне проблемы не решались. Так, Иваново-вознесенское губбюро в августе 1923 г. констатировало: «Финансовое положение очень скверное, нет денег даже на приобретение литературы» [7, д. 156, л. 11]. Лишь после принятия на уровне ВЦСПС упоминавшихся выше решений стало возможным проведение иваново-вознесенских первых губернских курсов по детскому движению, открывшихся 5 марта 1924 г. при материальной поддержке губотдела профсоюзов [9, д. 699, л. 126]. Эти курсы хотели открыть весной 1923 г., затем в ноябре [7, д. 25, л. 102], но именно из-за отсутствия средств не смогли этого сделать [там же, л. 90]. Выпущенные с курсов 29 вожатых были оценены «Историей детского движения в Иваново-Вознесенской губернии» как довольно эффективные кадры, способствовавшие подъему в пионерской организации [7, д. 426, л. 71].

И всё же оказываемая пионерам профсоюзами помощь была в этот период явно недостаточна. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1922—1923 гг. постоянно снижался процент отчислений хозорганов на культработу, за счет которого могли бы содержаться и пионерские отряды. Если в ноябре 1922 г. на культработу хозяйственниками отчислялось 10 %, то с марта 1923 г. — всего 1 % [22, 1923, № 8/9, с. 90—91]. Профсоюзы и хозяйственники исходили из принципа «даем помещение, остальное по мере возможности» [9, д. 699, л. 239], что не позволяло комсомолу обеспечивать дальнейший рост организации. Материальную помощь от профсоюзов признавали недостаточной и в других губерниях Верхнего Поволжья [5, д. 133, л. 4; 25, д. 94, л. 14].

В связи с решениями XII съезда партии и III Всероссийской конференции РКСМ во второй половине 1923 г. произошло усиление политической составляющей работы. Еще летом 1923 г. она была довольно слабой (в Иваново-Вознесенске занятия политграммотой вообще начались только после XII съезда РКП(б), в мае 1923 г.) [7, д. 156, л. 10], основное внимание занимала пионерская практика [7, д. 120, л. 64]. Кроме внутриотрядной политической работы, пионеры участвовали в политических кампаниях — неделе красного флота, комсомольской пасхе, неделе беспризорного ребенка, дне леса [25, д. 77, л. 16], а также в демонстрациях, например 1 мая [23, д. 5, л. 129]. Следует заметить, что летом 1923 г. некоторые пионерские отряды вышли в лагерь (тогда, как правило, проводившиеся не в помещениях, а в шалашах или палатках), которые способствовали получению практических, а не политических навыков.

Осенью 1923 г. занятия в пионерских отрядах распределялись по следующему принципу: коллективный труд, навыки самостоятельной жизни — 25 %, участие в общественной жизни и проведение политкампаний — 30 %, физкультура и игры — 20 %, театр и творчество детей — 12 %, беседы политхарактера — 13 % [24, д. 975, л. 223]. Как видим, политическая составляющая занимала в это время 43 % работы, а спорт и практика — 45 %.

Хотя отход от скаутских методов и привел к политизации пионерской деятельности [5, д. 426, л. 71], на местах еще в конце 1923 г. в отрядной работе применялась чисто скаутская разрядная методика [7, д. 120, л. 64] (необходимо было продемонстрировать определенное количество умений и навыков, чтобы стать пионером более высокого разряда). В связи с этим 14 февраля 1924 г. ЦК РКСМ разослал письмо № 134 о системе этапов в пионерской работе. В нем предлагалось немедленно перейти к работе по этапам, «отбросив решительно всякие остатки от разрядной системы, балльной системы в виде испытаний, индивидуальные соревнования и пр.» и «в дальнейшем все планы работы губбюро пионеров, уездбюро и пионеротрядов строить на основе этапов, учитывая местные условия и текущие политкампании» [13, с. 50]. Это привело к дальнейшему усилению политической работы в пионерских отрядах. Пионеры стали посещать комсомольские собрания, делать на них доклады на разные темы (например, «Что такое пионерское коммунистическое движение»), участвовать в комсомольских пасхах [5, д. 133, л. 2—3]. С ними проводились политбеседы (например, о значении РКСМ, конституции и т. п.) [7, д. 120, л. 70]. Отметим, что сами пионеры не были в восторге от усиления политической составляющей работы. Например, в воспоминаниях пионера 1920-х гг. Абрамова мы читаем, что он и его товарищи «страшно не любили длинных речей, не увлекались собраниями, совещаниями» [10, с. 26].

В заключение скажем о численном росте пионерской организации в стране с июня 1923 г. до XIII съезда партии. Общероссийская численность с июня 1923 по май 1924 г. увеличилась с 75 до 200 тыс. пионеров [21, д. 280, л. 30]. А как же обстояло дело в нашем регионе? По Верхнему Поволжью имеются довольно подробные сведения о численности пионерской организации перед Международной детской неделей (на июль 1923 г.), после которой количество пионеров в регионе резко выросло. Так, во Владимирской губернии на 10 июля 1923 г. насчитывалось 16 отрядов, в которых состояло 640 пионеров [16, с. 56; 27, с. 319]. В Ярославской губернии на 15 июля было 500 пионеров [25, д. 77, л. 20] и не менее 7 отрядов (из них 4 в Ярославле). В Иваново-Вознесенске на губернском совещании по деткомдвижению 1—2 августа 1923 г. сообщали об имевшихся к этому времени 10 пионеротрядах в губернии, включавших 700 человек [7, д. 120, л. 64]. В Костромской губернии в конце июля 1923 г. было 650 пионеров, объединенных в 9 отрядов [23, д. 5, л. 83]. Таким образом, всего на вторую половину июля в Верхнем Поволжье насчитывалось не менее 42 отрядов, в которых состояло около 2500 пионеров.

Как мы показывали выше, после МДН количество пионеров в регионе резко увеличилось. Имеется отчет Центрального бюро детских коммунистических групп, где приведены подробные статистические данные о численности пионеров Верхнего Поволжья на 1 ноября 1923 г. Согласно ему, во Владимирской губернии насчитывалось 1460 пионеров и 17 отрядов, в Иваново-Вознесенской соответственно — 2251 и 21, в Костромской — 536 и 14, в Ярославской — 1577 и 29 [21, д. 168, л. 39]. Всего в Верхнем Поволжье было 5824 пионера и 81 отряд. Численность пионеров Верхнего Поволжья составляла на тот момент 5,8 % от их количества в стране (100 000).

Подробные данные о количестве пионеров в регионе имеются также на 1 мая 1924 г. В Иваново-Вознесенской губернии, согласно отчету губкома партии в ЦК РКП(б), в это время насчитывалось 3308 пионеров [6, д. 1340, л. 43]. В Ярославской губернии было 2300 пионеров [25, д. 94, л. 37], во Владимирской — 2600 [11, с. 89], в Костромской — 1300 [23, д. 6, л. 11]. Всего в Верхнем Поволжье было около 9500 пионеров. Менее чем за год их количество выросло в 3,8 раза.

Таким образом, в период с мая 1923 по май 1924 г. было подготовлено окончательное оформление единой централизованной пионерской организации. Произошел принципиальный отказ от скаутской методики работы, переход к деятельности «по этапам» и ее политизации. Те пионерские отряды, которые были образованы на базе ранее существовавших детских организаций, с лета 1923 г. начинают ликвидироваться, их замещают вновь созданные отряды. В данный период был взят курс на резкое увеличение численности пионерской организации. Этого удалось добиться, однако оборотной стороной стал кадровый дефицит, а также кризис материального обеспечения.

Библиографический список

1. Буйский работник : орган Буйского исполкома и укома РКП(б).
2. Голос кольчугинца : орган Кольчугинского горкома КПСС и горсовета депутатов трудящихся. 1972. 13 апр.
3. Голос молодежи : орган Костромского губкома РКСМ. 1923. 25 июля.
4. Государственный архив Владимирской области. Ф. П-1. Оп. 1. Далее: ГАВО.

5. ГАВО. Ф. П-319. Оп. 1.
6. Государственный архив Ивановской области. Ф. П-2. Оп. 1. Далее: ГАИО.
7. ГАИО. Ф. П-288. Оп. 1.
8. ГАИО. Ф. П-291. Оп. 1-а.
9. ГАИО. Ф. Р-765. Оп. 1.
10. Из истории пионерской организации Владимирской области. Владимир, 1958. 66 с.
11. Календарь знаменательных и памятных дат по Владимирской области на 1967 г. Владимир, 1967. 110 с.
12. Кинешемская жизнь : орган Кинешемского уездного комитета РКП(б) и уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1923. 7 сент.
13. Комсомол и детское движение. М. ; Л. : Мол. гвардия, 1924. 76 с.
14. Комсомольская искра : орган Владимирского обкома ВЛКСМ. 1962. 30 мая.
15. Материалы 1-х Всесоюзных курсов по подготовке работников деткомдвижения СССР / под ред. ЦБ ЮП при ЦК РЛКСМ. М., 1924. 26 с.
16. Мы — молодая гвардия : (очерки истории Владимирской организации ВЛКСМ). Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1975. 124 с.
17. На перевале : журн., ежемесячный орган Ярославского губкома РКП(б). 1923. № 10/11.
18. Первые шаги. М. : Моск. рабочий, 1928. 150 с.
19. Плуг и молот : орган Галичского исполнительного комитета уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1927. 21 мая.
20. Призыв : ежедневная газета Владимирского губкома РКП, губисполкома и губпрофсовета. 1923. 21, 28 июля.
21. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 1-м. Оп. 23.
22. Труд : журн. Иваново-Вознесенского губпрофсовета и губотдела Союза текстильщиков.
23. Центр документации новейшей истории Костромской области. Ф. 3125. Оп. 2.
24. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 1. Оп. 27. Далее: ЦДНІЯО.
25. ЦДНІЯО. Ф. 496. Оп. 12.
26. Юный текстильщик : орган Иваново-Вознесенского губкома ВЛКСМ. 1925. 16 апр.
27. Яковлев В. Возникновение пионердвижения в РСФСР. М., 1948. 424 с.

ББК 63.3(2)621:68.493

Н. А. Пономарев

ПОПЫТКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ АЭРОКЛУБОВ ОСОАВИАХИМА В 1940—1941 гг.

Статья посвящена таким аспектам проблемы реформирования системы аэроклубов Осоавиахима в период 1940—1941 гг., как причины попыток ее преобразования, содержание и реализация намеченных планов. Исследуются вопросы качества подготовки летных кадров в рамках сети летных учебных заведений оборонного общества в рассматриваемый период.

Ключевые слова: аэроклуб Осоавиахима, проверки, наркомат обороны, реформа, курсанты.

© Пономарев Н. А., 2013

This article is devoted to such aspects of reform the system of Osoaviahim's flying clubs, such as the causes, content and implementation of plans to transform it in the period 1940—1941. In a publication explores issues of quality training for flight personnel in the network of flight training institutions of the defense society during the period.

Key words: Osoaviahim's aeroclub, checks, Commissariat of defense, reform, cadets.

Начиная с 1938 г. система аэроклубов Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим) играла роль основного поставщика потенциальных курсантов для летных школ Военно-воздушных сил (ВВС) [2, с. 63, 64]. Подобное положение обусловило пристальное внимание к работе аэроклубов как наркомата обороны (НКО) в целом, так и Управления ВВС Красной армии в частности, что выразилось в проведении периодических проверок представителями военного ведомства. Помимо того, усилению контроля над деятельностью Осоавиахима по подготовке пилотов со стороны армейского руководства способствовало повышение требований к поступающим в аэроклубы в 1940 г., а также значительное увеличение нормативов контрольного задания по количеству обученных в их структуре курсантов [1, оп. 2, д. 139, л. 72, 73; оп. 3, д. 41, л. 29, 125; 4, д. 229, л. 154, 161, 165, 166, 170, 216, 220; д. 233, л. 3, 180].

На основании приказа НКО № 037 от 1940 г. с 20 марта по 1 мая прошла наиболее масштабная проверка, затронувшая 165 из 182 аэроклубов. В результате было установлено, что дополнительный набор курсантов зачастую проводился с большими отступлениями от предписанных требований. Также материалы проверки показали, что мандатные комиссии, вновь созданные в аэроклубах, действовали не в полном составе, в результате чего работа по отбору кандидатов проводилась только начальниками и комиссарами аэроклубов. Представители районных комитетов ВКП(б) и ВЛКСМ ограничивались подписанием актов, не участвуя непосредственно в работе комиссий [4, д. 231, л. 29].

Кроме того, медицинский отбор в ряде аэроклубов был организован неудовлетворительно. Комиссии комплектовались врачами местных амбулаторий, при этом медицинские работники не были обеспечены надлежащими инструментами и нормативными документами. Как итог, в ходе набора курсантов отсеивались пригодные к обучению кандидаты и, напротив, принимались люди, явно негодные к летно-подъемной службе. В результате по всем проверенным аэроклубам было отсеяно 15—20 % зачисленных курсантов.

Было также выявлено, что в 1939 г. при комплектовании аэроклубов имели место большие отступления по общеобразовательной подготовке, возрасту и политико-моральным качествам. Прием осуществлялся, как правило, только на основании документов об образовании, без элементарной проверки знаний. В личных делах курсантов комиссией были выявлены грубые подделки документов об окончании средней школы, многие клубы зачисляли курсантов младше 17 лет и старше 24 [там же, л. 29—31].

Итоги проверки произвели столь ошеломляющее впечатление на наркома обороны С. К. Тимошенко, что тот предложил председателю Комитета обороны при СНК СССР К. Е. Ворошилову выделить аэроклубы из структуры Осоавиахима и создать на их основе отдельное авиационное общество. Семен Константинович обосновывал такие радикальные меры следующим

образом: «Существующая система подготовки пилотов в аэроклубах ОСОАВИАХИМа СССР не обеспечивает комплектования военных авиаучилищ и школ ВВС КА качественно подготовленными курсантами. Руководство со стороны ЦС ОСОАВИАХИМа СССР отсутствует. Сама система ОСОАВИАХИМа СССР, где сосредоточены все виды общественной оборонной работы, тормозит работу аэроклубов и совершенно не развивает спортивную авиацию. На сегодня уже назрела необходимость выделения аэроклубов из системы ОСОАВИАХИМа в самостоятельное авиационное общество СССР по авиационизации населения и развитию массового авиационного спорта в нашей стране». Нарком рекомендовал также образовать при СНК СССР комитет по делам авиационного спорта [там же, л. 60, 61].

Первое предложение наркома было одобрено, правительство даже приняло проект соответствующего постановления, однако на практике никаких шагов по выделению аэроклубов в отдельное общество предпринято не было [там же, л. 68, 69]. Вероятно, военное и политическое руководство СССР впоследствии все же пришло к выводу, что начинать реформу базы комплектования летных школ ВВС в условиях нарастания угрозы войны было бы слишком рискованно. Лишь с сентября 1940 по май 1941 г. численность авиаучилищ НКО возросла более чем в 3 раза — с 28 до 88 [3, с. 44, 45]. Даже в условиях перехода аэроклубов на форсированный режим работы, подразумевавший досрочный выпуск учлетов и прохождение летной практики в зимний период, укомплектование летных школ находилось под угрозой срыва, и резкие преобразования в работе системы аэроклубов могли привести к масштабному кризису подготовки летного состава [4, д. 229, л. 118].

Повторная проверка от 12 июля 1940 г. показала, что отбор учлетов по-прежнему зачастую происходит без участия преподавательского состава авиаучилищ. Отсев по медицинским показателям в соответствии с расписанием болезней приказа НКО № 193 от 1938 г. большинством аэроклубов не производится. По этой причине во многих аэроклубах масштабы отчисления уже принятых на обучение курсантов достигли недопустимо высоких показателей. Наибольшие показатели отсева отмечались в Ржевском (49 %), Рязанском (44 %), Ашхабадском (39 %), Минском (32 %), Калининском (26 %) и Смоленском (25 %) аэроклубах [там же, л. 225].

В материалах проверки указывалось также, что медкомиссии для отбора кандидатов зачастую создаются из «случайных врачей», не имеющих опыта работы во врачебно-летных комиссиях. В документе прописывалось, что комиссии составляются не по типу врачебно-летных комиссий, «а скорее представляют собой неполноценные медкомиссии, состоящие из 3—4 врачей» [там же]. Помимо того, в материалах проверки было зафиксировано отсутствие в распоряжении ряда комиссий специального медицинского оборудования (кресло Барани, манометр Воячека, шкала Меддокса и др.).

На основании выявленных недочетов помощник начальника санитарного управления (САУ) Красной армии бригадный врач Л. Г. Ратгауз рекомендовал командующему ВВС Я. В. Смушкевичу учредить при областных и краевых отделах авиации должность врача-инспектора, на которого возлагались бы контроль за проведением медотбора курсантов в аэроклубы и организация в них медицинско-санитарной службы. Л. Г. Ратгаузом предлагалось также обязать местные органы здравоохранения в каждом районном центре, в котором производилось комплектование курсантов для аэроклуба, создать

врачебно-летную комиссию с постоянным составом по типу призывных врачебных комиссий при военкоматах и обеспечить их работу всем необходимым оборудованием и документацией [там же, л. 226]. Кроме того, для повышения квалификации медработников Леонид Германович рекомендовал провести сборы и включить в программу института усовершенствования врачей подготовку по вопросам врачебно-летней экспертизы. Представитель САУ также предлагал обязать начальников санслужб авиашкол и училищ систематически руководить работой врачебно-летних комиссий или контролировать ее. Наконец, Л. Г. Ратгауз обращался к командующему с предложением составить доклад на имя наркома обороны с просьбой возложить контроль за работой врачебно-летних комиссий на военкоматы и в наркомат здравоохранения по поводу отпуска средств на организацию кабинетов врачебно-летних комиссий и возможности в директивном порядке принудить местные органы здравоохранения укомплектовать эти комиссии постоянным квалифицированным составом [там же, л. 227]. К сожалению, командование не использовало ни одного из данных предложений. Основной причиной этого, по всей видимости, послужила чрезвычайная загруженность работников Управления ВВС, связанная с масштабным увеличением численности военной авиации. Напомним: к весне 1941 г. численность самолетов ВВС увеличилась более чем в два раза по сравнению с началом 1939 г., а количество авиационных полков — на 80 % [3, с. 44, 45]. Также не следует забывать, что подобные преобразования подразумевали необходимость вести переговоры с представителями наркомата здравоохранения и прочими структурами НКО, курировавшими работу военкоматов, а это было достаточно проблематично.

Определенные рекомендации на основании результатов проверок были сделаны и заместителем начальника Управления авиации Осоавиахима полковником Ошкурковым. Он писал в сообщении начальнику Управления военно-учебных заведений (УВУЗ) ВВС Красной армии А. А. Левину от 30 июля 1940 г.: «Практика комплектования аэроклубов ОСОАВИАХИМА в 1939—1940 гг. показала, что методы комплектования, которые существовали до настоящего времени, в связи с новыми задачами работы аэроклубов по подготовке кандидатов для укомплектования школ ВВС КА необходимо изменить.

К комплектованию аэроклубов желательно привлекать местные райвоенкоматы, которые по заданию Административно-мобилизационного управления (АМУ) КА отбирали бы кандидатов для укомплектования аэроклубов из числа учащихся 9—10 классов и состоящих у них на учете как допризывники. Этот контингент должен быть вызван в райвоенкомат для выявления лиц, желающих обучаться летному делу при аэроклубе. Лица, изъявившие желание обучаться, направлялись бы райвоенкоматом в аэроклуб для прохождения мандатной комиссии. Таким образом аэроклубы будут иметь для комплектования постоянный контингент из числа учащихся 9—10 классов допризывного возраста... прошу возбудить ходатайство перед АМУ КА о возложении на райвоенкоматы рассылки и получения запросов по спецанкетам на курсантов, принятых в аэроклубы на обучение» [4, д. 229, л. 215]. Предложения Ошкуркова также не были реализованы на практике.

Однако несколько позднее сходные предложения были сделаны начальником Генштаба Красной армии К. А. Мерецковым в директиве от 20 ноября

1940 г. В данном документе указывалось, что «укомплектование переменным составом летных аэроклубов ОСОАВИАХИМа СССР происходит крайне неудовлетворительно». В качестве примеров начальник Генштаба приводил случаи недобора курсантов в аэроклубах I категории. Показатели принимали порой катастрофические масштабы. Так, на 5 ноября 1940 г. в Тульский аэроклуб было зачислено 28 человек (13 % от нормы), в Сталинградский — 42 (20 %), в Ленинский аэроклуб г. Москвы — 47 (22 %), в Краснодарский — 67 человек (32 %), в Воронежский — 80 (38 %) [1, оп. 3, д. 41, л. 5].

В числе главных причин недобора в документе указывалось, что комплектование аэроклубов абитуриентами проходило помимо военкоматов. Последние, как отмечал начальник Генштаба, не принимали в «этой ответственной работе никакого участия». К. А. Мерецков обращал также внимание на факты нарушения военкоматами приказа НКО № 37 от 1940 г., запрещавшего призывать курсантов и пилотов аэроклубов, а затем направлять их на службу в сухопутные войска (подобные эпизоды имели место в Реутовском и Ростовском РВК Московской области, Саратовском и Джержинском горвоенкоматах и ряде иных учреждений) [там же]. В качестве первоисточника проблемы указывался тот факт, что штабы военных округов стояли в стороне от процесса набора учлетов.

Генштабом был разработан план мероприятий, реализация которого, как предполагалось, должна была привести к искоренению выявленных недостатков. Содержание данного плана сводилось к следующему [там же]:

1) штабы военных округов должны взять на себя непосредственное руководство работой по укомплектованию аэроклубов переменным составом. При этом упор необходимо сделать на то, чтобы добиться положения, при котором отбор кандидатов в аэроклубы производился бы «из числа лучшей молодежи, и в первую очередь по отношению ко всем остальным училищам КА»;

2) должен быть установлен систематический контроль за ходом отбора кандидатов;

3) следует обязать военкоматы проводить совместно с представителями вузов ВВС РККА периодические проверки соответствия уже зачисленных в аэроклубы курсантов.

Воплощения в жизнь данных планов так и не последовало. Основной причиной этого, как в предыдущих случаях, выступили, вероятнее всего, опасения того, что масштабные реформы накануне ожидающейся войны могли привести к серьезным сбоям в работе системы подготовки летных кадров.

Таким образом, в течение 1940—1941 гг. был предпринят ряд попыток реформирования системы аэроклубов Осоавиахима. В основном предложенные преобразования затрагивали такой ее компонент, как механизмы комплектования, что скорее всего было связано с повышением требований к поступающим в аэроклубы кандидатам в 1940 г., а также с заметным увеличением нормативов контрольного задания по количеству подготовленных пилотов в период 1939—1941 гг. Проекты реформ объединяло стремление повысить качество набора курсантов за счет усиления контроля за данным процессом со стороны военкоматов, штабов военных округов, летных школ и местных учреждений здравоохранения. Также выдвигались предложения об увеличении размеров денежных средств, выделяемых на организацию работы приемных комиссий, создании должности врача-инспектора при региональ-

ных отделах авиации, расширении масштабов подготовки специалистов в области врачебно-лётной экспертизы. Это косвенным образом свидетельствует о том, что основным фактором, затруднявшим процесс подготовки пилотов в аэроклубах, являлась все же нехватка финансирования, а не отсутствие должной степени компетенции или же добросовестного подхода к работе у сотрудников Осоавиахима. Имел место и эпизод проектирования полной реорганизации системы аэроклубов. Ввиду нехватки материальных и людских ресурсов, порожденной глобальной перестройкой системы подготовки лётных кадров ВВС, а также по причине нежелания высшего военного и политического руководства рисковать срывом текущих планов по выпуску кандидатов в авиаучилища предложенные проекты реформ так и не были реализованы. Таким образом, выявленные недостатки по-прежнему характеризовали работу системы аэроклубов Осоавиахима. Несмотря на это, аэроклубы оборонного общества сумели выполнить основной объем возложенных на них обязательств по подготовке пилотов, за счет чего было обеспечено комплектование авиаучилищ ВВС переменным лётным составом в последние предвоенные годы.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-2055. Оп. 2, 3.
2. Дважды орденоносное оборонное : книга о ДОСААФ СССР, о возникновении и развитии общества, его военно-патриотической деятельности, вкладе в укрепление оборонного могущества страны. М. : Изд-во ДОСААФ, 1983. 544 с.
3. Кублова С. А. Задачи и повседневная работа Курского аэроклуба в 1936—1937 гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2011. № 5. С. 39—45.
4. Российский государственный военный архив. Ф. 29. Оп. 31.

АММИАН МАРЦЕЛЛИН О ГАЛЛЬСКИХ ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ ЮЛИАНА ОТСТУПНИКА

Военные походы цезаря Юлиана в Галлии являются фактически последним примером завоевательной активности римлян в период поздней империи. Этим обусловлен интерес исследователей к трактовке данных событий современниками Юлиана Отступника, одним из которых был латинский историк IV в. — Аммиан Марцеллин.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, Юлиан Отступник, Галлия, римская армия, полководец, Аргенторат, алеманы, франки.

Caesar Julian's military campaigns in Gallia in fact are the last example of the Roman expansive activities in the period of the Late Empire. It causes scholars' interest to the interpretation of these events by Julian the Apostate's contemporaries. Ammianus Marcellinus, Latin historian of the IV century, was one of them.

Key words: Ammianus Marcellinus, Julian the Apostate, Gallia, Roman army, military leader, Argentoratum, Allamanus, Francs.

К началу IV в. древнеримское государство вступило в заключительный этап своего существования. К этому времени империя не просто окончательно сформировалась в своих границах, но и отказалась от новых территориальных притязаний, так как начала испытывать серьезные трудности в обеспечении своей целостности. Именно в отказе от прежней политики военной экспансии многие позднеримские историки видели причину экономического, политического и даже нравственного упадка государства. Не исключением стал автор известного сочинения «Res gestae» — Аммиан Марцеллин.

Труд «Res gestae» («Деяния») трудно переоценить, так как он является единственным образчиком масштабной историографии периода поздней империи и источником, который в полной мере отразил свою эпоху [4, с. 232]. Аммиан Марцеллин в неизменных традициях античного историописания преимущественно освещает военно-политическую составляющую исторического процесса [9, р. 278]. Соответственно главными действующими героями повествования становятся римские правители и полководцы в одном лице. Аммиан создает их портреты, используя разнообразный инструментарий писателя — эпитеты, оценочные суждения, параллельные речи, некрологи и т. д. Эти портреты отличаются глубиной проникновения в характеры, последовательностью и выразительностью [10, р. 182]. Самым ярким героем «Деяний» в дошедшей до нас части его сочинения, безусловно, является Юлиан Отступник [4, с. 230].

С раннего детства будущий правитель Римской империи находился под угрозой смерти как возможный наследник римского престола, но это обстоятельство не смогло сломить его дух и волю. Получив власть цезаря, а затем

императора, он не просто стал достойным наследником римского трона, но попытался изменить ход истории [3, с. 246], проявив себя бунтарем, реформатором, завоевателем.

Еще будучи цезарем при императоре Констанции II, получив под свое командование галльскую армию, Юлиан предпринимает активные попытки не просто усмирить непокорные германские племена, но и вернуть римлянам славу непобедимых завоевателей, совершив ряд походов за Рейн. Галльские военные кампании стали объектом пристального внимания Аммиана Марцеллина, который увидел в них не только выдающиеся подвиги своего кумира и римской армии, но и возможность увековечить память Юлиана для потомков. Именно поэтому автор «Деяний» скрупулезно и последовательно, используя все имеющиеся в его арсенале писателя художественные средства, освещает эти события, создавая параллельно портрет Юлиана Отступника.

Военная кампания, предпринятая Юлианом в качестве цезаря, проходила в Галлии в несколько этапов и была направлена на усмирение проживающих там беспокойных соседей римского государства — германских народов. Именно для устранения опасности с этой стороны император Констанций II, не склонный, по утверждению Аммиана, лично участвовать в военных действиях — «...долго он раздумывал, как справиться ему с бедствием и остаться при этом самому в Италии, как он того хотел, считая опасным удаляться на отдаленную окраину...» (XV, 8. 1) [1] — и взял себе в соправители Юлиана.

Собственно рассказ о военных событиях предваряет пространный историко-этно-географический экскурс, посвященный Галлии и ее населению. Такие экскурсии были так называемым «общим местом» для исторических сочинений античных авторов. Они знакомили читателя с информацией о соседних народах, а также являлись попыткой придать повествованию художественную форму и развлечь аудиторию [7, р. 39]. Сам факт использования Аммианом Марцеллином подобного риторического приема неудивителен еще и потому, что римскую историографию отличает перманентный интерес к германским народам, объясняемый неослабевающим противостоянием этих племен с древнеримским государством.

Необходимо отметить, что отступление, посвященное Галлии, не единственное в своем роде, но оно становится первым в целом ряду подобных экскурсов — о Фракии (XXII, 8), о Египте (XXII, 15), о Персии (XXIII, 6). Отличительными чертами этих эпизодов является их значительный объем, информативность и детализированность. Все эти экскурсии расположены в той части сочинения, которая посвящена описанию событий римской истории, имевших место в период активной деятельности в качестве государственного деятеля Юлиана Отступника. Аналогичные авторские отступления (о восточных провинциях — XIV, 8; о Фракии — XXVII, 4; о Скифии — XXXI, 2) в других частях «Деяний» значительно отличаются в первую очередь своим гораздо меньшим объемом.

Некоторые особенности рассказа о Галлии выделяют его из ряда аналогичных описаний. Местоположение этого отступления в тексте «Деяний» рождает вполне закономерный вопрос, почему подобный экскурс помещен только в XV книгу? Не вызывает никаких сомнений, что Аммиан в предыдущей (утраченной) части своего труда не мог не обращаться к теме военных столкновений римской армии с германскими племенами, и в связи с этим не просто возможность, а насущная необходимость, учитывая манеру изложения историком событий, описания Галлии не раз возникала. Нет в

тексте и никаких указаний на то, что Марцеллин уже делал подобное «галльское» отступление ранее, как например, это можно увидеть в истории с сарацинами (XIV, 4.1).

Все это свидетельствует о том, что включение в рассказ историка описания Галлии именно в этом месте не случайно — «...я считаю уместным рассказать о географическом положении галльских областей, чтобы при описании быстрых походов и разнообразных случайностей военных событий, объясняя что-либо некоторым неизвестное, не оказаться похожим на нерадивых матросов, которым приходится чинить паруса и канаты при буре и волнении, хотя можно было все это свободно сделать раньше...» (XV, 9.1). Налицо бесспорное желание автора подчеркнуть значимость тех событий, которые он собирается описывать дальше. Доказательством тому является также использование в качестве эпиграфа к экскурсу цитаты из сочинения Вергилия. Аммиан делает это, чтобы перевести свой рассказ на более высокий уровень повествования, соответствующий описанию героических подвигов [8, р. 34].

Таким образом, галльский экскурс, который является первым из значительных авторских отступлений в рамках рассказа Аммиана Марцеллина о событиях, так или иначе связанных с Юлианом Отступником, словно маркирует особое внимание историка к дальнейшему повествованию. Доказательством данного тезиса являются также особенно сложное структурное исполнение и семантическая насыщенность данного эпизода.

Галльские военные события в описании Аммиана условно можно разделить на четыре основных этапа, временные границы которых были обусловлены особенностями ведения подобных кампаний в описываемый период истории. Все сколько-нибудь значимые запланированные военные предприятия начинались весной, после паводка и окончания распутицы. Кроме того, летом войска могли значительное время находиться на марше и даже в случае удаления от обозов прокормить себя самостоятельно. С началом осенних дождей, если это было возможно, движение войск прекращалось. Во время подобных вынужденных остановок армейские подразделения либо возвращались на зимние квартиры, либо обосновывались на захваченной территории, а полководец занимался гражданскими проблемами.

Первый этап галльской кампании, по свидетельству Аммиана, был связан с набегами варваров на крепость Августодун. Из текста источника мы узнаем, что Юлиан не проявил неосторожную поспешность, а «...сделав все нужные приготовления...» (XVI, 2. 2) прибыл в крепость 24 июня. Здесь автор впервые не только называет точную дату начала военной кампании, но и особенно подчеркивает, что цезарь только в ходе продолжительных обсуждений с другими командирами разработал план проведения похода, а маршрут выбрал тот, который до него использовал известный своими военными победами полководец.

В ходе всего дальнейшего рассказа о событиях в Галлии Аммиан Марцеллин неоднократно будет подчеркивать, что цезарь все свои походы планировал и был при этом весьма осторожен (XVI, 11. 3; XVII, 8. 2; XVIII, 2. 1). Такое упорное желание автора привлечь внимание читателя к этой характеристике Юлиана не случайно, ибо, по мнению Аммиана, предусмотрительная медлительность — «...превосходное качество **выдающихся** полководцев...» (XVI, 2. 11). Эта последовательность в декларировании своих выводов помогает Аммиану Марцеллину не только причислить цезаря к числу выдающихся

полководцев, но и представить описываемые им события в Галлии как четко спланированные, контролируемые, в меру осторожные, что делает их успешность вполне ожидаемой. После таких преамбул в описании военных походов вряд ли можно предположить, что в результате они окажутся неудачными.

Первый поход был не только успешным, но и стремительным. Автор «Деяний» перечисляет названия населенных пунктов и крепостей, которые были взяты римской армией, делая это настолько тщательно, что позволяет читателю легко проследить движение войск. При этом сам рассказ становится крайне персонифицированным, его главным действующим лицом является цезарь Юлиан, которому Аммиан Марцеллин не жалеет лестных характеристик: «чтобы не получилось какой-либо задержки, Юлиан взял только катафрактарию и баллистариев, мало подходящих для охраны особы командующего...» (XVI, 2. 5); часть варваров «без труда сам разогнал, напав на них (XVI, 2. 6); дошел до Трикасин «преодолев много опасностей» (XVI, 2. 7) и др.

Повествуя об этом походе, Аммиан Марцеллин ни разу не даёт какой-либо оценки римскому войску в целом. Историк прибегает к методу, более свойственному биографическому жанру, — описывать исторические события при помощи рассказа об отдельной личности, которая при такой подаче становится не только основным действующим лицом, но основополагающей причиной всех событий, а значит, и тем человеком, которому принадлежит заслуга всех успехов или бремя всех неудач. Такой прием подмены множественного объекта единичным (римской армии ее полководцем) — синекдоху — Аммиан использует довольно часто для усиления качественной характеристики героя — положительной или отрицательной, а также событий с ним связанных. Все они подчеркивают незаурядные личные качества, а также военные таланты цезаря.

С приходом зимы Юлиан вместе со своим войском вернулся в Сены и занялся многочисленными гражданскими делами, которые, однако, как подчеркивает Марцеллин, часто в той или иной степени были связаны с армией и ее обеспечением — восстановлением приграничных и городских укреплений, оптимизацией налогообложения, заготовкой провианта. Гражданская деятельность Юлиана Отступника в данном контексте представляется прямым планомерным и сознательным продолжением его военных устремлений и мероприятий. И в этом смысле автор «Деяний» явно пытается убедить своего читателя, что функции правителя-полководца не заканчиваются с прекращением непосредственно боевых действий. Настоящий глава государства должен и в мирное время думать о войне и оставаться реальным командиром своей армии. Таким образом, по мнению историка, цезарь выполнял одну из главных задач достойного правителя Римской империи — поддержание мощи и авторитета государства в качестве гаранта законности и свободы. И в этих своих действиях Юлиан «заслуживает подражания со стороны добрых государей».

Второй поход против германцев был предпринят на следующий год. Описание его в «Деяниях» очень лаконично и поверхностно. Исходя из анализа текста и особенностей изложения событий, можно сделать предположение, что такое относительное невнимание Аммиана объясняется тем, что этот поход был не очень удачным. Историк лишь коротко излагает факты и достаточно пространно убеждает читателя в том, что вины цезаря, который по своему обычаю детально все обдумал и спланировал (XVI, 11. 3), в случившемся не было. Всю ответственность автор возлагает на «бездеятельного

магистра пехоты» Барбациона, «упорного завистника славы Юлиана» и ряд других римских военачальников.

В описании этого похода нет ни названий укреплений и населенных пунктов, ни точных дат, ни других характерных для стиля автора «Деяний» деталей, которые обычно маркируют значимые для него военные события. Аммиан приводит только одну точную цифру — 25 000 — это количество войск Барбациона, который даже с такими значительными силами не смог преградить путь варварам. В противовес отсутствию специальных, так называемых технических и количественных подробностей, касающихся армии и боевых действий, эпизод просто изобилует именами. Историк словно пытается отвлечь внимание своей аудитории от событийной стороны происшедшего путем смещения акцентов на конкретных участников, ответственных, по его мнению, за провал операции. При таком количестве виноватых Юлиан один, конечно, ничего не мог исправить. Подобный способ изложения помогает историку дистанцировать своего кумира от этой локальной неудачи.

Единственным событием, которое не просто заслужило похвалу Аммиана Марцеллина, но явилось для него «достойным памяти делом», стала переправа римских отрядов на острова Рейна, заселенные варварами. Эпизод, с точки зрения галльских кампаний, незначительный. Он особенным образом воспринимается историком в силу того, что римляне впервые за многие годы покинули собственную территорию и, хоть и незначительно и ненадолго, но продвинулись на земли варваров, т. е. проявили былой дух завоевателей, что вызывает со стороны Аммиана всяческое поощрение.

Апогеем повествования о третьем походе Юлиана в Галлии становится эпизод, посвященный битве при Аргенторате. По сути весь рассказ сводится к этому эпизоду, который в текстовом плане по объему превышает предыдущие. Без всякого сомнения, из более пятидесяти сюжетов, связанных с описанием отдельных сражений, отрывок, посвященный противостоянию римского оружия с варварами при Аргенторате (наряду с рассказом о битве при Адрианополе) — один из самых ярких в дошедшей до нас части сочинения Аммиана Марцеллина. Выбор этих событий для особенно тщательного и выразительного описания очевиден — сражение при Аргенторате стало кульминацией в военной карьере Юлиана Отступника.

Непосредственно рассказу о боевых действиях предшествует богатый и колоритный контекст. Историк подробно рассказывает о той военно-политической ситуации, которая сложилась накануне сражения и была не в пользу римлян. «...Постыдное отступление римского полководца (Барбациона) восстановило их (варваров) прирожденную воинственность. Кроме того, положение римлян было отягчено еще следующим обстоятельством. Два брата царя, связанные узами мира, который с ними в прошлом году заключил Констанций, не смели ни восставать, ни предпринять что-либо. Но, немного времени спустя, один из них, Гундомад, который был могущественней и лучше хранил нам верность, был коварно убит, а весь его народ заключил соглашение с нашими врагами; а сразу после этого народ Вадомария... как он утверждал, самовольно присоединился к полчищам воюющих с нами варваров (XV, 12. 17). Факт объединения варварских племен историк приводит неоднократно (XVI, 12. 1), перечисляя имена царей, выступивших против римлян во главе своих армий, подчеркивая их воинственность, искусность в бою, полководческие таланты и одержанные победы. Все это свидетельствует о желании Аммиана Марцеллина усилить эмоциональное воздействие на ауди-

торию, сгущая краски и нагнетая интенсивность повествования большим количеством художественных деталей, обилием информации и т. д. Некоторые исследователи утверждают, что в своем рассказе автор «Деяний», вероятно, преувеличивает количественные характеристики варварского войска. Во всяком случае, без сомнения, цифры требуют уточнения [2, с. 192].

Освещение самого сражения соответствует авторской модели, которую Аммиан в той или иной степени использует во всех описаниях подобных событий [5, с. 18]. Эпизод изобилует риторическими элементами: тучи стрел, облака пыли, потоки крови, груды трупов и т. д. Наглядность, выраженная с помощью ярких эпитетов, поражающих воображение подробностей, точных определений дополняются динамикой, переданной огромным количеством глагольных конструкций. В результате читатель словно становится непосредственным очевидцем происходящего. «...Сначала полетели стрелы, и германцы бросились вперед быстрым бегом, не думая об осторожности; размахивая оружием в правых руках, они ринулись, скрежеща зубами, на турмы наших всадников; развивающиеся их волосы от чрезвычайного ожесточения становились дыбом, яростью пылали их глаза. Наши воины не подались назад; закрыв свои головы щитами, они устрашали врага взмахами мечей и смертоносными выстрелами... Поднялись густые облака пыли, и сражающиеся передвигались с места на место: наши то оказывали сопротивление, то подавались назад. Некоторые варвары, опытнейшие бойцы, припадая на одно колено, старались так отбросить врага. Упорство с обеих сторон было чрезвычайное, и рука сходилась с рукой, щит сталкивался со щитом, небо оглашалось громкими криками торжествующих и падающих... (XVI, 12. 36—37).

Эти картины, созданные блестящим писательским талантом Аммиана, представляют лишь достойный контекст к рассказу о главном герое и этого события, с точки зрения автора сочинения, — цезаря Юлиана. Историк и в этом эпизоде всякий раз, когда позволяет содержание, переходит на биографический способ изложения. Полководец все время находится на передовых позициях — «жаждавший великих опасностей» он всякий раз оказывается на самых тяжелых участках сражения, готовый нужными словами и действиями переломить ход битвы. Конечно, подобное описание не может соответствовать реалиям боя, который описал сам Марцеллин, с его сумятицей, неразберихой, плохой видимостью и теснотой. Автор на примере создаваемого им портрета Юлиана выстраивает поведенческий стереотип, умозрительную идеальную модель полководца, который, находясь на передовой линии боя, контролирует ситуацию на каждом участке сражения и в случае опасности успевает оказаться там, где необходима его помощь, да еще и произнести единственно верные в каждом конкретном случае слова, способные воздействовать на солдат.

Достигая свою цель создания такого образа, Аммиан настолько увлекается, что возникает ощущение, будто он сам не столько впечатлен победой римлян, сколько тем, что эта победа одержана под руководством его кумира, не столько воодушевлен фактом справедливого наказания варваров, сколько снисканием воинской славы и популярности Юлианом. Свое отношение он пытается транслировать при помощи различных риторических приемов, авторских комментариев и т. д. Этой же цели служит и рассказ о результатах сражения с приведенными в нем конкретными цифрами, который должны усилить эффект. В битве при Аргенторате, по свидетельству Аммиана Марцеллина, пало 243 солдата и 4 офицера римской армии, варвары оставили на

поле боя 6000 убитых и «целые груды мертвых тел унесла река в своих волнах» (XVI, 12. 63).

Согласно Аммиану, на стороне римлян в галльских событиях были не только армия во главе с выдающимся полководцем, но и высшие силы, причем, присутствие последних особенно акцентируется в описании кульминационного момента — битвы при Аргенторате — что также выделяет данное событие как особенно значимое для рассказчика. Начиная сражение, солдаты были уверены «в благоволении Бога небесного» и, «как показал результат, некий спасительный гений побуждал их к бою, незримо присутствуя, пока мог быть с ними» (XVI, 12. 13); «... за нас было милостивое решение благосклонного божества...» (XVI, 12. 52); «... благоволением верховного божества делу было дано такое завершение...» (XVI, 12. 62). Если учесть факт, что главным действующим героем и победителем в битве стал Юлиан Отступник, то можно сделать вывод о косвенном свидетельстве Аммиана Марцеллина о божественной избранности цезаря.

Наконец, заключительный этап галльских событий разворачивается на варварском берегу Рейна, что свидетельствует об изменении характера боевых действий — римляне не защищают и укрепляют свои границы, но переходят в наступление на территорию врага. Историк подчеркивает, что на тот момент «... уже не причинял больше тревог Рейн, после битвы при Аргенторате мирно несший свои волны...» (XVII, 1. 1), значит, задача наказать германцев и восстановить границы была выполнена, но Юлиан решил на то, чтобы перейти в наступление на зарейнские территории, не принадлежавшие Риму. Такой вариант военных действий, как уже отмечалось выше, наиболее приветствуется Аммианом Марцеллином, так как свидетельствует о неувядающей мощи римского оружия и напоминает «былые славные победы». В описании данного похода историк нисколько не умаляет роли Юлиана Отступника, которому как полководцу автор продолжает слагать панегирик, но повествование вновь приобретает иное звучание. Лейтмотивом становится не рассказ о действиях конкретной исторической персоны, но общеисторическая ситуация, сложившаяся на тот период времени, а именно, напряженное противостояние позднеримского и варварского миров, достигшее своей кульминации. Не случайно Аммиан сравнивает данный поход с Пуническими и Тевтонскими войнами (XV), подчеркивая его связь и последовательность с другими важнейшими событиями римской истории, значимость в общеисторическом отношении.

На передний план в этой связи выступает освещение событий с точки зрения патриота, гражданина Римского государства, для которого в данных обстоятельствах не важно, кто конкретно командовал победившими римлянами, а неизмеримо более важен факт самой победы. Однако Аммиан Марцеллин не забывает постоянно дублировать мысль о том, что такие перемены стали возможны лишь благодаря Юлиану Отступнику. Две эти задачи — показать величие и значимость Рима, а также выразить похвалу и благодарность за это конкретному лицу — заставляют писателя в своем рассказе о данных событиях постоянно лавировать между двумя уровнями повествования — общеисторическим и конкретно-историческим соответственно. Такая подача материала обусловлена тем, что для автора «Деяний» все значимые военные события являются наглядным проявлением универсального исторического процесса, частными примерами общего правила [5, с. 31].

Справедливости ради следует упомянуть еще об одном незначительном походе римлян за Рейн, который Аммиан представляет в большей степени не как стратегический, а как профилактический. Он был совершен Юлианом, «чтобы их [солдат] рвение не остыло, и они не стали поносить его самого за трусость и бездействие» (XX, 10. 1). Мотивация полководца, а также отсутствие продолжения (Юлиан, по свидетельству самого историка, преследовал здесь только интересы укрепления границы), очевидно, снижает для автора «Деяний» значимость данного события, поэтому он упоминает о нем коротко, без подробностей, не упуская, однако, вновь случая воздать должное своему кумиру. Делает он это при помощи небольшого комментария о том, что франки не ожидали нападения и чувствовали себя в полной безопасности, так как до Юлиана «... они не помнили, чтобы когда-либо на их территорию вступал какой-либо император» (XX, 10. 2).

В небольшом отрывке (всего девять предложений) Аммиан Марцеллин не только представляет отчет о событиях, но и наглядно демонстрирует собственную позицию и даже приводит ряд аргументов для читателя, пытаясь убедить его в своей правоте и привлечь на свою сторону в оценке происходящего и его участников.

Итак, описывая события в Галлии, имевшие место в бытность Юлиана Отступника цезарем, а затем и императором, Аммиан Марцеллин помимо выполнения одной из главных задач исторического сочинения — регистрации фактов, преследует целый ряд сопутствующих целей. Во-первых, он представляет в наиболее выгодном свете своего главного героя — Юлиана. Значительная часть повествования в этом случае превращается по сути в биографию правителя, рассказ о его участии и роли в исторических событиях. Наиболее детального описания (кроме осады Амиды) заслуживают факты, которые не просто так или иначе связаны с фигурой Юлиана, но иллюстрируют его выдающиеся таланты, в частности в роли полководца. Следуя этой мотивации, историк отказывается от подробного рассмотрения второго неудачного этапа кампании, сосредотачиваясь в этой части своего рассказа на обвинении других исторических персонажей (Барбациона, Целлы), главных виновников, по его мнению, провала этого этапа военных действий. Фактически на примере Юлиана автор последовательно моделирует образец идеального императора, способного вернуть Римскому государству былое величие. Тем самым достигается традиционная для античной историографии дидактическая цель представления читателю достойных примеров для подражания.

Во-вторых, историк не просто отображает общеисторическую тенденцию развития — нарастание конфликта между римским и варварским мирами, но и указывает путь разрешения данного конфликта в пользу более цивилизованного, упорядоченного и свободного, на его взгляд, римского мира. Этот путь — приход к власти достойного правителя, который вернет былые ценности, вновь обратит Рим к великому предназначению — завоеванию диких народов с целью дать им закон и свободу. Писатель рисует яркие, эмоционально насыщенные картины победы римлян над варварами, цивилизации над дикостью, порядка над хаосом — «...так эти цари, некогда нагло высокомерные, привыкшие обогащаться грабежом наших земель, склоняли свои укрощенные головы под ярмо римского могущества, словно родились и выросли среди платящих подати, беспрекословно подчинились приказаниям...» (XVII, 10. 10).

Библиографический список

1. *Аммиан Марцеллин*. Римская история. СПб. : Алетейя, 1994. 576 с.
2. *Дельбрюк Г.* История военного искусства : в 2 т. СПб. : Наука, 1994. Т. 2. 352 с.
3. *Дмитриев В. А.* Юлиан Отступник: человек и император // *Метаморфозы истории* : альманах. Вена ; Псков, 2002. Вып. 2. С. 246—258.
4. *Каждан А. П.* Аммиан Марцеллин в современной зарубежной литературе // *Вестн. древней истории*. 1972. № 1. С. 223—232.
5. *Фёдорова Е. Л.* Война и история в «Деяниях» Аммиана Марцеллина // *Ранне-средневековый текст: проблемы интерпретации*. Иваново, 2002. С. 14—32.
6. *Blockley R. C.* Tacitean influence upon Ammianus Marcellinus // *Latomus*. 1973. Т. 32, fasc. 1. S. 63—78.
7. *Hengst D.* The scientific digressions in Ammianus' Res Gestae // *Cognitio Gestorum: the Historiographical Art of Ammianus Marcellinus* / ed. by J. Roefl. Amsterdam, 1992. P. 39—46.
8. *Matthews J.* Ammianus' historical evolution // *History and Historians in Late Antiquity* / ed. by B. Croke, Al. Emmett. Sydney, 1983. P. 30—41.
9. *Matthews J.* The Roman Empire of Ammianus Marcellinus. London, 1989. 608 p.
10. *Pauw D.* Methods of character portrayal in the «Res gestae» of Ammianus Marcellinus // *Acta Classica*. 1977. Vol. 20. P. 181—197.

ББК 63.3(4Вел)51-76

*В. А. Евсеев, Т. В. Соколова***БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ЛОНДОНСКИХ ГОРОЖАН
В XVII в.**

Статья посвящена вопросам благотворительной деятельности лондонских горожан в XVII в. Рассматриваются основные объекты благотворительности (приходы, школы, университеты, больницы, церкви и тюрьмы), социально-профессиональный состав завещателей, оставивших часть своей собственности для поддержки бедных. Подчеркивается роль благотворительности горожан в решении сложных социальных проблем Лондона.

Ключевые слова: благотворительность, основные направления, XVII век, Лондон.

The article is devoted to the charities of London's citizens in the 17th century. The main objects, endowed by the benefactors, were parishes, schools, Universities, hospitals, churches and prisons. Social and professional characteristics of the authors of the wills, who had been leaving part of their property to support the poor is considered, too. The author underlines the role of citizens' charity in the solution of the social problems in London.

Key words: charities, main objects, the 17th century, London.

При изучении проблемы становления и развития социальной инфраструктуры английских городов раннего Нового времени необходимо рассмотреть и вопросы, касающиеся благотворительной деятельности. Для анг-

© Евсеев В. А., Соколова Т. В., 2013

лийской столицы этот аспект имел очень важное значение. Пожертвования в фонды различных учреждений социальной сферы Лондона в значительной степени помогали ее функционированию. Преимущественно эти средства шли на помощь беднейшим слоям населения. Такая благотворительность имела два основных аспекта. Во-первых, в соответствии с христианскими догмами каждый истинно верующий должен был проявлять чувство сострадания к обездоленным и оказывать им посильную помощь, ибо так можно было искупить собственные грехи и заслужить место в раю. Во-вторых, существовал и вполне рациональный аспект — помощь в обеспечении правопорядка и контроля со стороны различного рода учреждений и властей за социально нестабильными слоями населения [3, с. 286].

В Англии XVII в. серьезно обострилась проблема бедности значительной массы населения страны. Наиболее тяжелой ситуация была в Лондоне, где численность жителей неуклонно росла за счет постоянного притока мигрантов. Именно пауперы составляли основную часть миграционного потока в столицу, который в конце XVII в. достигал 8—10 тыс. человек в год, т. е. каждый десятый житель страны имел опыт жизни в Лондоне [1, с. 289].

До начала Реформации в Англии главным институтом, осуществлявшим помощь бедным и неимущим, была церковь. На территории многих монастырей располагались приюты для бездомных, госпитали для больных и школы для детей бедняков и сирот. Однако в связи с Реформацией и ликвидацией монастырей данные заботы перешли в ведение муниципальных властей, которые без помощи государства не могли с ними справиться. Елизавета I издала законы, заложившие основы формирования системы вспомоществования бедным на уровне приходов [2, с. 139]. Это было началом так называемого Законодательства о бедных (Poor Law). На протяжении XVII в. оно продолжало расширяться за счет новых указов и постановлений. Основные заботы о поддержании системы вспомоществования бедным взяли на себя муниципальные и приходские власти, а главные средства поступали от сбора специального налога для бедных с обычных прихожан. Значительную помощь оказывала благотворительная деятельность отдельных горожан.

Наиболее распространенным способом благотворительности на протяжении многих веков была передача той или иной материальной собственности по завещанию. Анализируя завещания, можно определить, на какие нужды горожане Лондона предпочитали отдавать свои средства, что именно они отдавали на благотворительные цели и каков был их вклад в общее дело развития социальной инфраструктуры и помощи бедным.

В качестве основного источника мы использовали «Календарь завещаний, заверенных и зарегистрированных в городском суде Лондона (Гастингс), 1268—1688 гг.» [4]. Информация по каждому завещанию включает: имя завещателя, его социальное положение, дату регистрации завещания и дату вступления его в силу, имена доверенных лиц или название учреждения, наделенного такими полномочиями, краткое содержание самого завещания (что, кому, в каком количестве и на каких условиях было завещано).

При анализе источника мы обратились к периоду XVII в. (1603—1688 гг.), к которому относятся 97 завещаний. Хронологически они распределяются следующим образом:

- 1) период правления короля Якова I (1603—1625 гг.) — 43 завещания;
- 2) период правления короля Карла I (1625—1649 гг.) — 31 завещание;

- 3) период Гражданской войны (1649—1660 гг.) — 10 завещаний;
- 4) период правления короля Карла II (1660—1685 гг.) — 11 завещаний;
- 5) период правления короля Якова II (1685—1688 гг.) — 2 завещания.

Как видим, количество зарегистрированных завещаний, указанных в «Календаре», резко снизилось в эпоху поздних Стюартов. К первой половине XVII в. относится 3/4 всех завещаний. Такая ситуация возникла, вероятно, потому, что сам городской суд со временем утратил свою значимость в качестве регистратора завещаний и данную роль взяли на себя другие учреждения. Конечно, это создает определенные сложности при подведении итогов. Поэтому мы ограничим хронологические рамки нашего исследования эпохой до начала Реставрации, т. е. 1603—1660 гг. В этот период зарегистрировано 84 завещания. Однако общая картина распределения средств жителей Лондона вполне четко прорисовывается.

Анализируя социально-профессиональный состав завещателей, мы выяснили:

- к купцам и мелким торговцам относились 26 человек;
- к ремесленникам — 27 человек;
- к представителям других профессий (чиновники, юристы, доктора и аптекари) — 13 человек;
- к завещателям с неопределенным социальным положением — 8 человек;
- женщин среди завещателей было 10 человек.

Таким образом, большинство завещателей (почти 2/3) принадлежали к торгово-ремесленным слоям населения столицы. Представители других профессий составляли лишь 15 % от всех завещателей.

Следует заметить, что завещания, оставленные женщинами (12 % от всех завещателей), зачастую были написаны в соответствии с последней волей их мужей.

Если рассматривать завещания с точки зрения распределения имущества, то можно констатировать, что денежные средства, движимое и недвижимое имущество передавались:

1) в руки частных лиц. Практически во всех 84 завещаниях упоминаются имена наследников. В первую очередь это близкие и дальние родственники: жена, дети, братья или сестры, реже — родственники супруга, тети, дяди, племянники или племянницы и др. Кроме того, среди наследников часто упоминались и близкие друзья завещателя и даже верная прислуга;

2) на благотворительные цели. Из 84 завещаний в 47 (55,9 %) упоминаются различные пожертвования. Здесь, в свою очередь, можно выделить шесть основных направлений:

- помощь приходам (главным образом, поддержка системы вспомоществования беднякам);
- помощь беднякам, заключенным в тюрьмы за неуплату долгов;
- пожертвования на церковные нужды;
- пожертвования в фонды учебных заведений;
- пожертвования в фонды госпиталей;
- пожертвования в фонды различных корпораций торговцев и ремесленников.

Именно эти направления благотворительности лондонцев мы и будем подробно рассматривать.

Таблица 1 показывает, что наиболее активно благотворительностью занимались торговцы и ремесленники, которые вместе сделали 3/4 всех благотворительных пожертвований, или 76,3 %. Однако вклад представителей других профессий, а также женщин был существенным. Можно выделить три приоритетных направления благотворительности: пожертвования в пользу приходов (33,3 %), корпораций (23,6 %) и школ (14 %). В то же время доля взносов в пользу должников, находящихся в тюрьмах, госпиталей и церкви от общего числа пожертвований была практически одинаковой и варьировалась от 8 до 10 %.

Таблица 1

Основные направления пожертвований лондонцев (1603—1660 гг.)¹

Социально-профессиональный состав завещателей	Пожертвования в пользу						Итого
	приходов	должников	церкви	школ	госпиталей	корпораций	
Купцы и мелкие торговцы	12	3	5	8	4	13	45,39,9 %
Ремесленники	14	6	4	4	2	12	42,37,2 %
Представители других профессий	5	–	1	1	2	1	10,8,8 %
Неизвестное социальное положение	3	1	1	1	–	–	6,5,3 %
Женщины	4	1	1	2	1	1	10,8,8 %
<i>Итого</i>	38,33,6 %	11,9,7 %	12,10,6 %	16,14,2 %	9,8 %	27,23,9 %	113

Рассмотрим каждое из направлений благотворительности по отдельности.

Итак, чаще всего завещатели независимо от их социальной принадлежности оставляли свои средства приходам. В первую очередь для помощи беднякам. Приходы в эту эпоху продолжали оставаться первичной административной единицей и выполняли различные функции, такие как полицейский контроль, сбор налогов, организация благоустройства и т. д. Нам же будет интересно посмотреть деятельность приходов по обеспечению помощи бедным.

В конце царствования Елизаветы I был принят закон о создании в приходах должности попечителя по призрению бедных. В результате его доработки и конкретизации в 1601 г. был издан новый закон (*overseer of the poor*) [8, p. 962—965], определивший дальнейшее развитие политики государства в данной сфере. Этот закон предписывал приходским попечителям и церковному старосте организовать систему помощи бедным на вверенной им территории. Большая часть средств для помощи нуждающимся в приходские фонды поступала за счет налога в пользу бедных, который собирался с прихожан. Однако эта часть не могла покрыть все расходы на бедняков. Например, в Лондоне в конце XVII в. даже состоятельный приход Св. Дионисия тратил 54—64 % ежегодного дохода на 3 % своего населения. Для бедного прихода Св. Екатерины ежегодные расходы на бедняков варьировались от 60 до 80 %

¹ Составлено по: [4, p. 730—779].

от их общей суммы. Средства шли преимущественно на поддержку детей, стариков и вдов, а также на периодические пособия бедным семьям [7, р. 254—255]. На деньги из фонда помощи нуждающимся покупали им пропитание, уголь, материалы для пошива одежды и другое, а также выплачивали арендную плату за жилье. В такой сложной ситуации приходы остро нуждались в дополнительной помощи, которая поступала к ним в виде благотворительных пожертвований.

Как показывает таблица 1, передача средств в поддержку приходов, а точнее их бедняков, была наиболее распространенным видом благотворительности среди лондонцев. Чаще всего завещатели «спонсировали» свои родные приходы, а также родные приходы своих супругов. География приходов, упоминаемых в доступных нам завещаниях, довольно широка и отнюдь не ограничивается одной лишь столицей. Например, в качестве наследников различных сумм денег в завещаниях упоминаются приходы графств Эссекс, Суррей, Ланкастер, Саффолк, Стаффордшир, Йорк, Хампшир, Беркшир, а также городов Глостер и Колчестер. Однако в завещаниях лондонцев столичные приходы, конечно, преобладали. Из 38 случаев пожертвований в пользу приходов 22 раза упоминаются приходы Лондона (или 57,9%), находившиеся преимущественно в Сити и Саутворке. Среди них приход Всех Святых, приход церкви Гроба Господня, приход Св. Варфоломея (малый), приход Крайстчерч и др.

К сожалению, действительные размеры помощи в конкретных цифрах невозможно представить по причине того, что в «Календаре» иногда не указывалась та сумма денег, которую завещатель предполагал оставить приходу. Скорее всего, его составители не считали нужным указывать незначительные взносы или в самих завещаниях данная информация отсутствовала. Из 38 завещаний только в 13 (1/3) упоминаются определенные суммы. Их величина варьируется от 20 шиллингов до 50 фунтов. Лишь некоторые завещатели предпочитали прописывать, сколько и на какие именно нужды они направляли свои средства в приход. Так, скорняк Джон Мередит завещал «выплачивать 4 фунта 10 шиллингов ежегодно беднякам прихода церкви Гроба Господня на покупку угля» [4, р. 756]. Однако в большинстве случаев указывали лишь «пожертвование беднякам прихода...». Следует отметить, что во всех проанализированных завещаниях в качестве благотворительного взноса упоминаются исключительно денежные суммы, ибо их было легче использовать для нужд бедняков. Примеров передачи в собственность приходов участков земли или любого движимого и недвижимого имущества нет.

Таким образом, можно заключить, что за счет благотворительности приходы получали существенные денежные средства, которые шли преимущественно в фонд помощи беднякам.

Вторым основным направлением благотворительности, судя по завещаниям лондонцев, были пожертвования в помощь торгово-ремесленным компаниям. Среди них лондонские гильдии торговцев тканями, скорняков, портных, плотников, торговцев шелком и бархатом, золотых дел мастеров, бакалейщиков, торговцев рыбой, мясников и т. д.

Гильдиям завещатели, наряду с различными суммами денег, оставляли в наследство недвижимое имущество (жилые постройки, магазины, склады, сараи, подвалы и т. п.) и участки земли. Денежные средства и недвижимость завещались почти в равном количестве случаев (табл. 2).

Таблица 2

Формы благотворительности лондонцев в пользу гильдий (1603—1660 гг.)²

Социально-профессиональный состав завещателей	Виды пожертвований		
	Денежные средства	Недвижимое имущество	Участки земли
Купцы и мелкие торговцы	8	7	3
Ремесленники	6	7	—
Представители других профессий	1	—	—
Женщины	1	—	—
<i>Итого</i>	16	14	3

Передавая в собственность компаний здания или землю, чаще всего завещатели оговаривали конкретные условия, которые данная организация должна была выполнить, чтобы стать их полноправным владельцем. В одних случаях завещатель указывал, что то или иное его имущество перейдет компании лишь после смерти других прямых наследников (жены, детей, братьев или сестер), упомянутых в документе, или если она будет выплачивать определенные денежные суммы родственникам. Мясник Роберт Клемент в 1632 г. завещал «управляющему, старостам и членам гильдии мясников Сити Лондона и их правопреемникам передать два жилых дома в приходе Св. Леонарда на Фишстрит-Хилл» после его смерти и смерти его жены Присциллы [4, р. 754]. В соответствии с завещанием торговца скобяными изделиями Р. Хандсона его гильдия получала в наследство принадлежавшие ему здания и сады в приходе Св. Олава при условии, что она будет делать ежегодные выплаты в пользу трех дочерей Николаса Лита, также торговца скобяными изделиями [4, р. 768]. В других случаях завещатель указывал, что компания должна будет делать единовременные или ежегодные пожертвования в пользу конкретных приходов, школ, госпиталей или тюрем. Так, последняя воля торговца рыбой Уильяма Годдарда заключалась в следующем: «Старостам и членам гильдии торговцев рыбой лондонского Сити и их правопреемникам передать здания на улице Блэк-Рейвен в приходе Св. Мартина в вечное владение при условии, что они будут выплачивать сумму в 40 шиллингов... в помощь беднякам, заключенным в тюрьме Поултри Каунтер...» [4, р. 733]. В одном из завещаний условием для передачи в фонд гильдии 800 фунтов стали оплата еженедельной проповеди в городке Бертон графства Стаффордшир и выплата ежегодного жалования читающему ее священнику в размере 31 фунта 4 шиллингов [4, р. 766]. Таким образом, управляющие торгово-ремесленных компаний выступали в роли доверенных лиц завещателей.

Относительно отчисляемых в пользу непосредственно самих гильдий денежных пожертвований также следует отметить один интересный момент. Практически во всех 16 случаях завещатели указывали, на что именно должны быть потрачены их деньги:

1) на пожертвования беднякам — членам гильдии, а также вдовам и молодым девицам (указаны в 8 завещаниях, т. е. в половине всех случаев). Величина этих пожертвований варьировалась от 12 пенсов (выплачиваемых еженедельно) до 3 фунтов (единовременная выплата);

² Составлено по: [4].

2) выплату жалований различной величины (от 3—6 до 40 шиллингов в год) служащему персоналу компаний (чиновникам, сторожам) (указаны в 5 завещаниях, т. е. почти в 1/3);

3) приготовление обедов для членов компаний в память о завещателе (указаны в 5 завещаниях, т. е. почти в 1/3);

4) пожертвование в размере 100 фунтов в помощь «двум молодым членам гильдии портных, работающих с льняными и шерстяными тканями, по 50 фунтов каждому безвозмездно в течение пяти лет...» (указано в одном завещании) [4, р. 766—767].

Столь активная помощь гильдиям и назначение их представителей доверенными лицами завещателей объясняются значительной ролью, которую эти организации еще играли в жизни лондонских купцов и ремесленников XVII в.

Чуть реже в завещаниях упоминаются благотворительные взносы в пользу таких учреждений социальной сферы, как учебные заведения (школы и университеты) и госпитали.

Среди школ чаще всего в завещаниях указывается одно из древних учреждений Лондона — госпиталь Христа. Следует сразу уточнить, что название «госпиталь» не вполне правильно отражает те функции, которые он выполнял в реальности. Это касается не только госпиталя Христа, но также и Брайдуэлла, речь о котором пойдет ниже. Дело в том, что изначально они были основаны именно как учреждения, где оказывали помощь больным и немощным людям. Однако с течением времени их назначение изменилось. Госпиталь Христа стал одной из главных школ Лондона, где получали образование дети-сироты или дети из бедных семей, а Брайдуэлл — рабочим домом. Несмотря на это, обычай называть их госпитальями сохранился [6, р. 186].

Согласно завещаниям, 13 человек решили пожертвовать свои средства в фонд госпиталя Христа, и в первую очередь детям бедняков, которых здесь обучали. Мы нашли данные о конкретной сумме пожертвований лишь в двух завещаниях. Сукнодел Т. Бойлсон оставил госпиталю Христа 50 фунтов [4, р. 766], а торговец скобяными изделиями Р. Хандсон — 40 шиллингов [4, р. 768]. Хотя у нас нет других конкретных сведений о размерах благотворительной помощи лондонцев госпиталю в остальных 11 случаях, количество пожертвований уже говорит о том, что данная школа регулярно получала поддержку от жителей столицы.

По подсчетам британского историка У. Джордана, за период 1611—1630 гг. в фонд госпиталя Христа благотворители направили 12 318 фунтов 9 шиллингов. От общего числа тех, кто пожертвовал свои деньги школе, 3/4 составляли ремесленники и лавочники. Обычно размеры их помощи варьировались от 6 пенсов до 10 фунтов. Более крупные суммы, от 100 до 2200 фунтов, отдавали главным образом купцы или вдовы [6, р. 192].

Интересно отметить, что в двух случаях в качестве получателей благотворительной помощи указываются приютские школы. Например, Маргарет Хоукинс, вдова известного мореплавателя Джона Хоукинса, на покупку земли или помещения для школы в городке Кингтон графства Херефордшир завещала 800 фунтов [4, р. 745—746]. По тем временам это было внушительной суммой. В двух других случаях сумма была на порядок меньше, а именно 20 шиллингов, но она должна была выплачиваться ежегодно в пользу школ в

приходе церкви Спасителя в Саутуорке и в селении Ашборн графства Дербишир [4, р. 768, 779].

Кроме школ, благотворительные пожертвования получали и студенты английских университетов. В соответствии с завещанием галантерейщика Роджера Джестона «трем бедным студентам колледжа Св. Троицы, изучающим богословие» должны были выплатить 6 фунтов 13 шиллингов 4 пенса, при этом рекомендовалось отдавать предпочтение членам компании галантерейщиков или жителям Стаффордшира [4, р. 747—748].

Еще одно завещание сообщает о благотворительной помощи четырем студентам (*scholars*), однако в нем не уточняется название учебного учреждения. Возможно, это связано с тем, что завещатель Джозеф Джексон, сукнодел, являлся одновременно доверенным лицом сэра Джеймса Ланкастера (умер в 1618 г.), известного английского мореплавателя. Поэтому он предполагал, что исполнители его последней воли (управляющие компании скорняков) были ознакомлены с содержанием завещания Дж. Ланкастера. Согласно ему благотворительная помощь в размере 45 фунтов (по 15 фунтов каждому) предназначалась для трех бедных студентов Оксфорда и Кембриджа, предпочтительно изучающих богословие [9, р. 429]. В свою очередь, Джозеф Джексон добавил к указанной сумме еще 15 фунтов для увеличения количества «спонсируемых» студентов до четырех [4, р. 751].

Что касается госпиталей, то объектами благотворительной помощи в большинстве случаев становились крупнейшие и древнейшие учреждения Лондона — госпитали Св. Фомы и Св. Варфоломея, а также Брайдуэлл. Они упоминаются в 10 завещаниях. Пожертвования в их фонды распределились следующим образом:

- госпиталь Св. Фомы — 4 вноса;
- госпиталь Св. Варфоломея — 4 вноса;
- Брайдуэлл — 3 вноса.

О величине взносов мы также имеем мало сведений. В одном из завещаний уже знакомый нам торговец скобяными изделиями Р. Хандсон жертвовал по 40 шиллингов каждому из трех госпиталей (напомним, что такую же сумму он оставил и госпиталю Христа) [4, р. 778].

Остается не совсем ясным, почему ни в одном из завещаний не был упомянут Вифлеемский госпиталь (Бедлам), который также являлся одним из главных медицинских учреждений Лондона, где лечили психически больных людей. Известно, что жители столицы делали благотворительные взносы в пользу данного учреждения, хотя и в меньших размерах.

Таким образом, мы видим, что учреждения социальной сферы упоминаются в завещаниях реже, чем приходы или гильдии. Однако оказываемая им финансовая помощь играла существенную роль в увеличении их бюджета. В частности, согласно данным У. Джордана, во второй половине XVII в. в фонд пяти главных госпиталей столицы (госпитали Св. Фомы и Св. Варфоломея, госпиталь Христа, Брайдуэлл и Вифлеемский госпиталь) было перечислено 141 131 фунтов [6, р. 195]. По своим масштабам такая благотворительная помощь госпиталям была огромной для своего времени.

Следующее направление благотворительности лондонцев — помощь заключенным лондонских тюрем. В завещаниях называются 11 подобных учреждений. Среди них (с указанием сколько раз они упоминаются в документах):

- Поултри Комптер (Poultry Compter) — 5;
- Вуд-стрит Комптер (Wood Street Compter) — 5;
- тюрьма в Саутворке (Compter in Southwark) — 2;
- тюрьма Клинк (Clinck) — 1;
- Гейтхаус (Gatehouse) — 1;
- тюрьма «Белый лев» («White Lyon») — 2;
- тюрьма при Суде королевской скамьи (King's Bench) — 2;
- Маршалси (Marshalsea) — 2;
- Ладгейт (Ludgate) — 3;
- Ньюгейт (Newgate) — 2;
- тюрьма Флит (Fleet) — 1.

Во всех этих тюрьмах содержались заключенные, осужденные за совершение преступлений различной степени тяжести. Кто-то был арестован за долги или мелкие правонарушения, кто-то — за свои религиозные или политические убеждения, а кто-то отбывал наказание за более серьезные проступки. Однако нас будут интересовать исключительно те арестанты, которые попали в тюрьмы из-за больших долгов или банкротства, так как именно им в первую очередь и предназначалась благотворительная помощь лондонцев. Конкретной информации о пожертвованных суммах денег мало. Например, согласно последней воле скорняка Уильяма Паркера его доверенные лица должны были выплачивать «ежегодно по 8 шиллингов на покупку угля для бедняков, заключенных в нескольких тюрьмах Лондона» (имеются в виду Поултри Комптер, Вуд-стрит Комптер, Ладгейт, Ньюгейт) [4, р. 756]. В другом завещании, принадлежавшем торговцу рыбой Уильяму Годдарду, в помощь заключенным тюрьмы Поултри Комптер выделялась сумма в 40 шиллингов, которая выплачивалась ежегодно [4, р. 733].

Внимание лондонцев к заключенным столичных тюрем было обусловлено ужасными условиями, в которых они содержались. При этом многие из них (речь идет прежде всего о должниках и банкротах) не имели возможности покинуть жуткие тюремные камеры, так как не могли выплатить свои долги. В такой безвыходной ситуации на помощь им и приходили сострадательные горожане, направлявшие часть своих средств на погашение долгов бедняков и освобождение их из-под стражи.

Последнее направление благотворительной деятельности лондонцев, рассматриваемое нами в данной статье, — помощь церкви. Конечно, имеются в виду преимущественно приходские церкви. Однако мы не стали включать финансовую поддержку, которую им оказывали лондонцы, в общее число пожертвований в пользу приходов. Объяснение заключается в том, что в первом случае акцент был сделан именно на благотворительной поддержке системы вспомоществования бедным, имевшей социальную значимость. Здесь же на первый план выходил личностный аспект, прежде всего желание людей посредством благотворительности в пользу церкви искупить грехи.

По видам благотворительности в пользу церкви все пожертвования можно разделить на две группы:

1) финансовую помощь, предназначавшуюся для строительства или ремонта церквей. Четыре человека в своих завещаниях изъявили желание, чтобы часть оставляемого ими наследства была потрачена на ремонт и строительство зданий приходских церквей, в частности, 4 фунта — на ремонт церкви Всех Святых (малой) на Темзе-стрит [4, р. 739];

2) пожертвования в фонды церквей на различные нужды (чтение проповедей, совершение обрядов, в том числе погребальных, выплаты священникам). Они отмечены в восьми завещаниях. Чаще всего люди оставляли средства на совершение заупокойной службы. Кроме того, нами уже упоминалось о крупном пожертвовании в размере 800 фунтов, сделанном сукноделом Томасом Бойлсоном, для оплаты еженедельной проповеди в городке Бертон графства Стаффордшир и жалования священнику [4, р. 766]. Скорняк Джон Мередит велел выплачивать двум священникам, не имеющим прихода, ежегодно сумму по 5 фунтов каждому [4, р. 756]. Интересно отметить и завещание, согласно которому его автор — торговец солью Томас Хейс — оставил 5 фунтов на совершения в двух церквях обряда Евхаристии [4, р. 764].

Итак, мы рассмотрели шесть основных направлений благотворительности, которые были наиболее предпочитаемы жителями Лондона XVII в. Как мы увидели, существенную долю благотворительных взносов делали представители торгово-ремесленного сословия, по количеству пожертвований они преобладали по всем направлениям. Это вполне закономерно, ибо эти слои составляли значительную долю столичного населения и некоторые из них были достаточно богаты. Например, 5 % фрименов Лондона во времена Реставрации имели состояние более 5 тыс. фунтов [5]. Наибольшую помощь от них получили именно приходы и торгово-ремесленные компании, ибо жизнь и купцов, и ремесленников была связана в основном именно с этими организациями. Необходимо отметить, что в роли благотворителей часто выступали и женщины. В большинстве случаев после смерти мужей они получали в наследство значительную часть их имущества, которое впоследствии и становилось основой для пожертвований. Кроме того, благотворительная помощь со стороны женщин иногда являлась исполнением последней воли их мужей.

По нашим подсчетам, на долю торгово-ремесленного сословия приходится сумма денежных пожертвований в размере 1582 фунтов 11 шиллингов 8 пенсов; на долю женщин — 806 фунтов 13 шиллингов 4 пенса (из них 800 фунтов — это пожертвование Маргарет Хоукинс); на долю представителей других профессий — 109 фунтов [4, р. 730—779]. Конечно, приведенные количественные данные имеют серьезную погрешность по двум причинам. Во-первых, около половины завещаний не имеют указаний на точную сумму благотворительной помощи, во-вторых, часто упомянутые небольшие суммы по воле завещателей выплачивались ежегодно, а информация о том, в течение какого периода происходила эта выплата и сколько составила ее общая сумма, практически во всех случаях недоступна. Однако эти цифры показывают соотношение разных социально-профессиональных групп лондонцев по их роли в благотворительной деятельности в XVII в.

Основная часть благотворительных пожертвований, конечно, направлялась для поддержания бедняков и их детей, сирот, больных и инвалидов, а также бедняков, заключенных в долговые тюрьмы. Проблема бедности продолжала оставаться актуальной на протяжении всего XVII в. Приходы, несмотря на постоянное повышение налога в пользу бедных, не могли исключительно своими силами справиться с все возрастающим количеством нуждающегося населения. Поэтому благотворительность со стороны зажиточных горожан являлась важнейшей составной частью решения сложных проблем в социальной сфере столицы.

Библиографический список

1. *Евсеев В. А.* Английский город в раннее Новое время: специфика регионального развития : (социально-экономический аспект). Saarbrucken (Germany) : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 356 с.
2. *Штокмар В. В.* История Англии в Средние века. СПб. : Алетейя, 2000. 188 с.
3. *Ястребицкая А. Л.* «Низшие социальные слои» : бедность и бедняки // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М. : Наука, 1999. Т. 2 : Жизнь города и деятельность горожан. 345 с.
4. Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Hustings, London, A. D. 1268 — A. D. 1688 : in 2 vol. London : John C. Francis, Took's Court, E. C., 1890. Vol. 2. 924 p.
5. *Grassby R.* The personal wealth of the business community in the 17-th century England // ECHR. 1970. Vol. 22, № 2.
6. *Jordan W. K. J.* The Charities of London 1480—1660: the Aspirations and the Achievements of the Urban Society. Hamden (CT) : Archon books, 1974. 463 p.
7. *Macfarlane S.* Social policy and the poor in the later seventeenth century // London 1500—1700 : the Making of the Metropolis. London ; New York, 1986. P. 252—277.
8. Statutes of the Realm of England / ed. by A. Luders, T. Tomlins. London, 1819. Vol. 4, pt. 2. 432 p.
9. The Endowed Charities City of London. London, 1829. 688 p.

ББК 63.211

*Н. В. Ревякина***А. Н. ВЕСЕЛОВСКИЙ ОБ ИТАЛИИ 1860-х гг.**

Публикация посвящена изучению статей А. Н. Веселовского, русский ученый был в Италии во время ее объединения; статьи, которые он посылал в отечественные журналы, содержат его впечатления от событий в Генуе и Венеции, его размышления о состоянии образования и религии в Италии, о судьбе страны.

Ключевые слова: объединение, национальность, образование, церковь, духовенство, школа.

The publication is dedicated to the study of A. N. Veselovskii's articles, which the Russian scholar was sending to Russian journals from Italy at the period of her unification. They contain his impression from the events in Genova and Venice, and his reflections about the condition of education and religion in Italy, about the future of the country.

Key words: unification, nationality, education, church, clergy, school.

Впечатления и размышления русского ученого, филолога Александра Николаевича Веселовского (1838—1906) об Италии представляют несомненный интерес, поскольку они приходятся на годы национально-освободительного движения в этой стране. Окончив в 1859 г. словесный факультет Московского университета, Веселовский отправился в Испанию, затем в Герма-

© Ревякина Н. В., 2013

нию, где в разных университетах слушал лекции немецких профессоров по германской и романской филологии, был также в Чехии. В Италии он прожил несколько лет, работал в итальянских архивах и библиотеках и в Болонье в 1867—1869 гг. написал «Il paradiso degli Alberti», работу, опубликованную в Италии и в 1870 г. защищенную в России как магистерская диссертация. Он бывал в разных городах страны и мог наблюдать ее общественную жизнь, связанную с движением за освобождение Италии от чужеземного ига и объединением страны. Из Италии он писал в отечественные журналы небольшие статьи на разные темы, откликаясь на происходящие в стране события, на проблемы, встававшие перед новой Италией. Но его статьи касаются только 1861—1866 гг., о присоединении Рима и окончательном объединении он не писал, видимо занятый подготовкой книги и затем магистерской диссертации. А в 1870 г. Веселовский был уже в России. Его статьи, опубликованные в русских журналах «Современная летопись “Русского вестника”», «С.-Петербургские ведомости»*, отражают впечатления от посещения городов (он пишет только о двух из них, которые, вероятно, посетил впервые, — о Генуе и Венеции), а также содержат общие размышления о судьбе Италии, основанные как на собственных наблюдениях, так и на работах итальянских ученых того времени.

Впечатления от Генуи, в которой Веселовский побывал в 1861 г. и о которой пишет в статье «От Ниццы до Генуи», это не только впечатления туриста, впервые увидевшего город, молодой ученый внимательно приглядывается и прислушивается к тому, что там происходит. В торговой Генуе, которой национально-освободительное движение коснулось самым непосредственным образом, он наблюдал обилие военных: «солдатами запружены улицы, везде учат новобранцев, слышен барабанный бой...» (4). Он видел партию рекрутов, которых вели по городу с музыкой, они глядят бодро и идут охотно. «Вообще дух армии прекрасный, потому что он народный дух» (5). Вечером на набережной он слышал, как невидимые голоса пели народный гимн: «Va fuori d'Italia, va fuor, o stranier...» «Везде, Гарибальди, Кавур и король galant'uomo — в названиях улиц, площадей, сигар, пароходов, кофеен, шляп и носовых платков» (11). Любопытно и описание театрального представления в Генуе, на котором побывал автор. За 25 сантимов можно было наблюдать за высадкой Гарибальди в Сицилии. Актеры были марионетки. Гарибальди и его бойцы в красных рубашках, а неаполитанские солдаты с такими черными лицами, что их можно было принять за негров. В объявлении о пьесе говорилось, что она добросовестно составлена по газетам и режиссиям, в чем сомневаться было невозможно, так как в одном месте пьесы адъютант зачитал длинное донесение о захвате мятежников, где все они были перечислены по именам и возрасту. «И таково обаяние действительности, что толпа слушает молча, не скучая» (11). Веселовского заинтересовал пролог, где молодой человек снаряжается на войну, он надел красную рубашку, а молодая жена толкует ему про свободу Италии. Но мать противится отъезду сына. А на ухо ей что-то шепчет длинный черный и сухой священник. Тут появляется на выручку деревенский балагур с товарищами. Он тоже гарибальдиец и знает, что сказать патеру и зрителям. Священника он призывает постоять за общее

* Статьи А. Н. Веселовского собраны вместе во втором выпуске четвертого тома его Собрания сочинений (СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1911). Ссылки на данное издание приводятся в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

дело, порастрясти старые кости. Тот жметесь, отговаривается, не знает куда деться. Но его уводят с триумфом среди насмешек и пинков. «Голпа испустила такие громкие cheers, какие едва ли слышны в английском парламенте: я был в своего рода палате депутатов» (12).

Здесь же в Генуе Веселовский узнал о сопротивлении духовенства происходящим событиям, об усилившемся разладе между ним и народом: «Когда вспыхнуло в Италии народное движение, так драматически завершившееся в Гаэте, громы Ватикана разразились над Пьемонтом, и духовенство опять стало против народного движения. Оно явно проповедовало против нового порядка вещей, истощило на хулы Исаяю пророка и Апокалипсис, отказывалось служить в церквях» (10). Веселовский пишет об известных ему случаях протеста духовенства. Духовник отказывал в причастии перед смертью молодому человеку — волонтеру. И в монастыре Св. Аннунциаты произошел подобный случай. Народ сошелся на панихиду по убитым воинам, приехал губернатор, собрались все светские власти, на позолоченном древке внесли трехцветное знамя, которое неаполитанские дамы поднесли Гарибальди, а он подарил его Генуе. На знамени был вышит Гарибальди в красной рубашке, Италия с пылающим сердцем. Между тем в ризнице братья шумно рассуждала, надо ли молиться за еретиков или нет. Спор доходил до рукопашных доказательств, из церкви унесли служебные сосуды. Прихожане долго ждали и решили постучаться в двери. Не достучались, пришлось применить силу. Говорят, дело не обошлось без крови. Чтобы избежать скандала, послали за первым приходским священником (10—11).

В Венеции, находившейся под властью Австрии, ситуация была совсем иной, о чем Веселовский сообщает в статье 1861 г. «Один день в Венеции». Ему попался гид-итальянец: «Одет чисто, даже щегольски, в подержанных перчатках и лаковых сапогах. Он гладко выбрит, с незначащим, ничего не говорящим лицом, с которого вместе с бородой сбрилось всякое выражение... говорит гладко, прилично, сыплет фактами и цифрами, и вообще виден в нем политический человек» (17). И действительно, гид оказался сторонником австрийцев, защитником их режима. Он уверял гостя Венеции, что у них все тихо и спокойно и гораздо больше свободы, чем где-либо, хотя бы в Пьемонте. Тот был удивлен: в то время «когда все перестраивается, когда падают старые порядки и старая мысль единения начинает принимать осязательные формы, быть не может, чтобы в Венеции тоже не пробудилось сочувствие народному движению» (18). Гид все это отвергает. Пока у Австрии добрые штыки, говорит он, волнений не будет и народ станет жить спокойно. Веселовский был сам не свой. Где же правда? Ведь газеты пишут иное. Все его сомнения разрешили гондольеры, которых он нанял для прогулки по Венеции. Они сказали о гиде как человеке купленном и нарисовали картину масового шпионажа в городе: «здесь, что угол, то и шпион». Шпионы говорят открыто, свободно, вызывают на разговор, и если не удержат язык за зубами, потянут к ответу в тюрьмы Сан Северо и Сан Джорджо, «там уже много наших сидит». Пример со знакомым гондольерам купцом характерен, его подпоили и засадили за измену и еще за шляпу, на дне которой написано одно слово: «Италия». И девочку схватили за то, что «пела итальянский гимн да сдуру помянула Гарибальди. Мы и так промеж себя зовем Гарибальди попросту *la barba*» (борода) (23). В Венеции «приезжих нет, купцы отшатнулись, в целом городе нет работы, просто хоть умирай с голоду» (22). Появи-

лись грабители. Кругом австрийские солдаты и укрепления на Лидо. Но укрепления из песка, говорят гондольеры, за 2 часа их можно разметать — будет чем посыпать площадь Св. Марка. А австрийцы «со своими батареями носятся, сегодня здесь поставили, а завтра, глядь, уже в другом месте стоят. Мы и говорим: отправится ли Гарибальди на Капреру — батарея, переедет ли в Турин — другая батарея» (24). Австрийцев жители ненавидят. Для гондольеров они cani (собаки). «Тяжко нам с этими немцами. Вот мы и думаем, что недолго нам так оставаться: не сегодня, так завтра, а все конец будет». Гондольеры рассказывают о бегстве жителей из Венеции: до Лидо на гондоле, затем вплавь до первой рыбацкой лодки — и в Равенну; власти пронюхают и родственникам отвечать за беглеца. Показывая на своего старшего товарища, молодой гондольер говорит: «Наше дело у него на сердце легло. Посмотрите, на кого он похож: поглядеть не на что, исхудал весь, не спит, не ест, все деньги готов отдать, себя заложить, лишь бы с немцами покончить» (25). Веселовский все понял: «Так вот отчего не слышно песен в Венеции, думал я, отправляясь в обратный путь. Вот почему замолкла народная баркарола...» (26).

Все увиденное в итальянских городах Веселовский принимает близко к сердцу, он успел полюбить Италию, с университетской скамьи знает ее историю и культуру. Его особенно волнуют проблемы национального единения, церкви и образования, о которых он сообщает в работах, посланных в Петербург. В статье 1864 г. из Болоньи «Старая и новая Италия» он пишет об атмосфере свободы, которая установилась в стране: «Теперь всё как-то переменялось, словно пробудилась прежняя сила жизни, казавшаяся потухшей. Но она только дремала, пока не была вынута вековая заноза и не явился сказочный Иван-царевич. Всё задвигалось и заходило... Всё заговорило после долгого, мучительного молчания под страхом индекса, отлучения от церкви и вычеркивания безвредного наречия eziandio за непозволительное сходство со словом Бог (Dio). Теперь вы можете присутствовать в кофейнях при жарких политических толках, где прежде молчали либо говорили шепотом, сторожась шпиона. Слово и печать пользуются совершенной свободой» (50). Характерное отличие новой Италии он видит прежде всего в идее итальянской национальности, совершенно незнакомой старому времени: «Это слово теперь так же популярно, как имя Гарибальди, которым исписывают все стены, как римский и венецианский вопрос, как савойский крест и трехцветные краски...» Название «национальный» присоединяется ко всему — национальные общества страхования, национальные фабрики, сигары.

Как хороший знаток истории литературы он вспоминает Данте и специфику развития Италии — резкий характер муниципальности: «Что город, то норы, каждый клочок земли крепко стоял за свою автономию, за каждым пригорком начинался новый диалект, общины мирились и ссорились по нескольку раз в год, то приставая к союзам и отставая, то соединяясь против немецких императоров, то держа их сторону» (54). И в силу этой исторической многовековой разрозненности, замечает ученый, многим идея сплочения Италии в одно государство показалась несбыточной, они предпочли бы ей федеративное устройство итальянских провинций. Веселовский усматривает в этом отражение в сознании муниципального характера итальянской истории и «живучесть того закоулочного патриотизма, который не видит дальше шпица своей деревенской колокольни». И хотя ученый понимает труд-

ности страны (постоянное повышение налогов, расстройство финансов, армия на военной ноге), «но среди всего этого крепнет и растет идея свободной Италии» (54).

Новая идея национальности сказалась и на вопросе о языке. Вслед за экскурсом в историю языка ученый обращается к книге Луиджи Джельметти «*Roma e l'avvenire della lingua italiana*» (Milano, 1864) и, кажется, согласен с его главной идеей: в Риме остается искать, наряду с политическим и народным единством, будущности итальянского языка, а вместе с тем и литературы (59).

О позиции католической церкви Веселовский задумался еще в Генуе. И то, о чем намерен говорить в очередной статье из Милана 1864 г. «Религиозное возрождение Италии и протестантская пропаганда», связано именно с этой позицией. В 1861 г. он писал: «Последние события окончательно вооружили народ против духовенства. Память 1848 и 49 годов лежит на нем всей тяжестью; сильное развитие протестантизма — самое ясное доказательство того, что реакция перешла в область веры и готова разразиться» (9). Но через три года его взгляд несколько изменился, он лучше узнал, что происходит на самом деле. Да, он видит, что евангелические проповедники распространяют Библию, открывают школы. Но успехи их пропаганды невелики. Всего около 5 тыс. обращенных и несколько журналов с небольшим кругом читателей (29). К протестантским миссионерам народ привлекает «отсутствие насильных (так у Веселовского! — *H. P.*) поборов и школы», а вовсе не сама проповедь. И народ говорит своим священникам: откройте школы, и мы отдадим вам наших детей. Веселовский не согласен с тем, что неудачи протестантов связаны с преследованиями со стороны католической церкви, хотя и приводит примеры таких преследований. Он ищет более глубокие причины — социально-психологического и культурного свойства: «Головной, рассудочный протестантизм севера, сосредоточивающий в духе религиозную жизнь человека, не дающий ей выхода на божий свет, где бы она могла высказаться в живых образах, из искусств допускающий только самое отвлеченное, непластическое, музыку, — такой протестантизм, кажется нам, не обещает приняться на романском юге, в особенности в южной Италии, где католичество достигло высшей степени своей образной экспансивности. Нам кажется, что протестантская миссия не достаточно оценила все климатические и культурные условия страны, в которой ей приходится действовать» (32). Словом, протестантизм непопулярен, а «католическая религия еще удовлетворяет все классы общества как религия народная, соответствующая и условиям жизни, и той экспансивности, которая отличает южного человека» (32). Но, говоря о католичестве, ученый различает религию народа и религию церкви, народное католичество и римско-католическое. В первом он видит религию романтизма, в которой много языческой пластики, мифологии, религиозной фантазии, культов и создаваемых новых легенд — свидетельств жизненности религии. В Турине, отмечает Веселовский, праздновали недавно св. Италу, покровительницу Гарибальди и обновленной Италии (110, примеч.). О Гарибальди же создавалась в народе целая легенда, что пули его не трогают, потому что ему привита святая гостия (34).

А представитель официальной церкви католический священник — человек пришлый, он редко выходит из той среды, где ему приходится действо-

вать, его присылают издалека и завтра могут назначить в другое место, его связи с паствой мешают и обет целомудрия. У духовенства отнята возможность пустить где-нибудь корни, сжиться с народом. Веселовский говорит о кастовости духовенства, не допускающей той свободы, к какой способна народная жизнь. Его упрек католической церкви — и в боязни общественного прогресса, обскурантизме, потворстве застою (36). Католическое духовенство боится грамотности, не открывает школ, поддерживает в массах невежество, особенно в женщинах, в которых нашло себе верного союзника (36). Но за духовенством стоит папский престол. Оно сильно его материальной поддержкой, его политическим значением. Веселовский приводит взгляд новокатолической партии Пассалья и либерального духовенства, которые связывают религиозное и нравственное возрождение Италии с ее политическим возрождением. Они не хотят уничтожения католичества и требуют уничтожения светского могущества церкви, видя в нем начало многих зол, постигших Италию, причину разделения народа с его духовным вождем. Новокатолическая партия мечтает о национальной церкви, отвергает протестантизм как чуждое явление, и Веселовский с этим согласен: программа народной церкви обращена к вопросам социально-церковного обновления и к политике, а протестанты ограничили себя догматом и нравственной проповедью и игнорируют политику, боятся смешения общественных реформ с религиозными (45—46). Но, как полагает Веселовский, «народ никогда не борется за один догмат. Если борется, то защищая общие начала свободы, добывая себе право иметь серьезную религию, как добывает себе право иметь свои собственные учреждения. Трудно, чтоб он удовлетворился вершком дарованной религиозной свободы, когда кругом него неизмеримо лежит папский произвол. Да и религию свою пусть завоевывает он сам; если в нем есть на то потребность, если сильна самодеятельность религиозной мысли, он смело может положиться на свои собственные силы; посторонняя пропаганда делается совершенно лишней, потому что народное самосознание всегда приладит ее к своему развитию, и почти никогда к ней не прилаживается. Пора, наконец, сознаться, что исторические народы делают свою религию сами себе и никто ее для них не делает» (46—47).

Проблема, которая особенно сильно волнует Веселовского в итальянских делах, это образование. Он внимательно следит за газетами, журналами, знаком с министерскими распоряжениями. В статье 1866 г. из Флоренции «Народное образование в Италии» он размышляет над этой проблемой. Вопрос об образовании, считает он, занимает важное место и обойти его нельзя никому, кого занимают сложные судьбы новой Италии. Он приводит из журнала Асти «Il Cittadino» цифры: из 21 млн итальянцев свыше 8 млн мужчин неграмотны, свыше 9 млн женщин, из остальных свыше 890 тыс., едва умеют читать, остается грамотных свыше 3 млн (среди них дети, ходящие в школу) (127). Что делать в такой ситуации? Веселовский критически относится к начальному церковному образованию — научению грамоте и катехизису. И в семинариях нет никакого понятия о древней и новой истории, географии, физике, естественных науках, греческом языке и другие дисциплины преподаются упрощенно. Но намерение министерства закрыть семинарии и исключить духовенство из преподавания, о чем он узнает из министерского журнала «Итальянское обозрение», он не приветствует. Закрыв все семинарии,

пришлось бы закрыть некоторые университеты. С закрытием семинарий духовенство пойдет в церковь и продолжит там преподавание. «Полицейскими мерами тут ничего не поделаешь», пишет он. Государству надо не закрывать семинарии, а открывать школы и постараться сделать лучше (124).

Он вспоминает славное прошлое Италии: раньше вся Европа шла через Альпы, чтобы «прислушаться к замиравшим отголоскам классической цивилизации, к возникавшим голосам нового общества, в первый раз почувствовавшего силу в Италии» (129). Теперь итальянцы и литературу, и науку, и университетские программы вывозят из всей Европы. К Витторино да Фельтре съезжались ученики из Европы, теперь, чтобы улучшить систему воспитания либо обучения, итальянцев посылают на Запад (поездки в Англию Арривабене, Виллари, Мауро Макки). Министерство сулит программы университетских и лицейских курсов, составленные по модным европейским образцам. Веселовский против такого заимствования западного опыта: мы «враждебно смотрим на всякую попытку заимствования, перенесения, потому что не всё, что вы взяли у других, — ваше. Что хорошо в Германии, то может быть не у места у вас и вам не пригодится» (132). К вопросам образования Веселовский возвращается в статье 1867 г. из Флоренции «Италия после войны 1866 года». Эту статью почти целиком составляют выдержки из брошюры Виллари, чрезвычайно популярной и вышедшей третьим изданием; главная идея брошюры — образование, в нем условие будущей свободы и благосостояния Италии (145). С этой идеей Веселовский согласен и, возможно, считает ее интересной для русского читателя, потому и обильно цитирует Виллари. Лишь в самом конце статьи, подхватывая рассуждения Виллари об усилиях, предпринимаемых вне Италии, к улучшению нравственного и физического благосостояния рабочих классов, к развитию в народе грамотности, к изменению исправительной системы наказания, ученый задается вопросом применительно к Италии: «Кто откроет школы, выстроит бани, подумает о домах для бедных рабочих и об открытии новых путей производства, без которых страна погибнет в дефиците? Общество или правительство?» (159). Всего этого, пишет Веселовский, Виллари не рассматривает, он не отличает правителей от управляемых, предполагая между ними мир и единство, хотя такого в Италии нет, и пример тому — наличие в разных регионах консортерий, которые борются и сменяют друг друга в стороне от народа, без его поддержки. Выход он видит «в сильном очистительном перевороте, на него еще надеются итальянские люди... сверху ли, снизу ли он произойдет, это будет зависеть от того, что скорее переполнится — мера ли терпения или политической сноровки, вовремя отводящей бурю» (161). Его Веселовский связывает с каким-либо политическим событием, хотя и не думает, что это будет разрешение римского вопроса, в чем Мадзини видит единственную возможность нравственного обновления Италии (161).

Размышляя о проблемах новой Италии, Веселовский нередко соглашается с итальянскими учеными, но он высказывает и собственные суждения, возможно, порой субъективные, но в этой субъективности нам видится его доверие к народу, который сам способен решать свои проблемы. И к тому же, как ученый, как человек, обладающий историческим знанием, Веселовский понимает, что культура, образование, религия неразрывно связаны с особенностями исторического развития страны, с психологией ее жителей.

СУФРАЖИЗМ И ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА 1918 г.

Рассматривается политическая борьба вокруг вопроса об избирательном праве женщин в Великобритании в конце Первой мировой войны во время подготовки закона о новой избирательной реформе. Показана роль суфражистского движения в лоббировании права голоса для женщин.

Ключевые слова: суфражизм, избирательная реформа, политические права, английский парламент, права женщин, женская история, Первая мировая война.

The article deals with political discussions about women's enfranchisement at the end of the WWI during the elaboration of People's Representation Bill. The article also shows mechanisms of the lobbying of women's political rights by women's suffrage organizations.

Key words: women's suffrage, electoral reform, political rights, English Parliament, women's rights, women's history, First World War.

Дочь прародительницы Евы,
Мы знаем твои дары,
Но что принесешь нам ты,
Дочь современной Евы?

Ф. Томпсон

Первая мировая война, с одной стороны, доказала гражданскую и профессиональную состоятельность женщин, с другой стороны, сделала невозможным проведение очередных парламентских выборов без новой избирательной реформы, так как предыдущий избирательный закон увязывал право голоса для мужчин с цензом оседлости, а за годы войны 80 % мужчин сменили место жительства. Вместе с тем выборы было необходимо провести сразу же после завершения войны, поэтому обсуждение этого вопроса в парламенте началось задолго до окончания военных действий. Уже осенью 1915 г. суфражисты узнали, что парламент на весенней сессии готовится поставить вопрос о новых правилах составления списков избирателей мужского пола. Это фактически означало расширение избирательного права для мужчин и снова поднимало вопрос об избирательных правах женщин. В связи с данным обстоятельством Милисент Фосетт, лидер Национального союза суфражистских обществ (НССО), отмечала, что полемика об избирательных правах женщин была возобновлена не НССО и другими суфражистскими организациями, а правительством и парламентом¹.

В определенной степени это было обусловлено тем, что суфражистское движение сильно изменилось за годы войны. Как известно, в начале войны большинство суфражистских организаций приостановили свою политическую деятельность и не вели суфражистской агитации, заменив ее патриотической активностью. Тем не менее, когда стало известно, что парламент на-

© Шнырова О. В., 2013

¹ The Common Cause. 1917. Apr., 27. P. 25.

чал готовиться обсуждать вопрос о внесении изменений в избирательное законодательство, все суфражистки, за исключением членов Женского социально-политического союза, окончательно перешедших к тому времени на националистические позиции, опубликовали в прессе письмо, в котором заявили о своей готовности возобновить борьбу за политические права женщин. В мае 1916 г. в парламенте стал рассматриваться вопрос о необходимости проведения новой регистрации избирателей и изменения избирательного закона для упрощения регистрационной процедуры. В ответ на это НССО принял резолюцию, в которой говорилось, что если билль будет предусматривать расширение избирательных прав на новые группы мужчин, то суфражистки потребуют включения в него суфражистской поправки. Копии резолюции были разосланы всем членам парламента².

К этому времени в парламенте и правительстве сложилась более благоприятная, чем до войны, расстановка сил по вопросу избирательных прав женщин. Война значительно усилила позиции лейбористской партии в парламенте, большинство членов которой, как известно, поддерживали борьбу суфражисток. В кабинете министров возросло влияние ее представителя А. Гендерсона, который был активным сторонником женского избирательного права. Помимо этого, в 1915 г. в коалиционное правительство вошли известные суфражисты от консервативной партии Э. Бонар-Лоу, У. Селборн, Р. Бальфур и Р. Сесил. В либеральной партии и кабинете министров усилились позиции Д. Ллойд Джорджа, также поддерживавшего идею политического равноправия женщин. С другой стороны, в конце 1915 — начале 1916 г. из состава правительства вышли такие влиятельные антисуфражисты, как У. Черчилль, Р. МакКенна и Л. Харкорт. Война способствовала изменению взглядов У. Лонга, который был антисуфражистом до войны, но к началу 1916 г. стал активным сторонником политических прав женщин. Кроме того, как отмечает Б. Харрисон, «война сделала вопрос о всеобщем избирательном праве (за которое ратовали лейбористы) не таким пугающим для политической элиты, и таким образом был устранен один из основных доводов против женского избирательного права»³.

Однако, несмотря на эти позитивные перемены, в начале 1916 г. перспективы женского избирательного права оставались неясными. В парламенте сохранялась оппозиция суфражизму, и лидер либералов Герберт Асквит, будучи премьер-министром, по-прежнему не симпатизировал суфражизму, хотя и не являлся столь ярким противником избирательных прав женщин, как прежде. Кроме того, и правительство, и парламент были заинтересованы в том, чтобы принять новый избирательный закон как можно скорее, и опасались, что включение в законопроект вопроса о парламентском женском избирательном праве приведет к замедлению и осложнению этого процесса.

Учитывая сложность вопроса и дефицит времени, можно понять, что правительство, и без того обремененное большим количеством военных проблем, действительно находилось в сложном положении. Поэтому оно попыталось переложить ответственность за принятие решений об изменении изби-

² NUWSS Annual Report for 1916 : Presented at the Annual Meeting Held at the Chelsea Town Hall on Febr., 21, 22, 23, 1917. London, 1917. P. 14.

³ *Harrison B. Separate Sphere : the Opposition to Women's Suffrage in Britain.* New York, 1978. P. 207.

рательного закона на парламент. 12 мая 1916 г. Асквит объявил, что правительство не может обеспечить устраивающее всех решение проблемы, и предложил парламенту самому решить вопрос о составлении регистрационных списков избирателей.

19 июля член кабинета министров Герберт Самуэл представил в парламент правительственное предложение о создании специального парламентского комитета (Select Committee) для решения вопроса о регистрационном списке. Он заявил, что вопрос неразрешим при имеющемся состоянии законодательства, поскольку старый избирательный список (Register) практически бесполезен. Новый избирательный список на старой основе будет также неудовлетворительным, так как избирательные права из-за ценза оседлости не получают демобилизующиеся из армии мужчины, внесение же изменений приведет к расширению избирательных прав на новые группы населения и снова поднимет вопрос об избирательных правах женщин. Парламент отказался считать вопрос неразрешимым и отправил его опять в кабинет министров, который неохотно поставил его на повторное рассмотрение.

Возобновление в парламенте и правительстве дискуссии о реформе избирательного законодательства привело к возрождению активности в большинстве суфражистских организаций. Мод Арнклифф Сеннет, президент Северной федерации мужчин за избирательные права женщин (the Northern Men's Federation for Women's Suffrage), писала: «Слово "Воскрешение" ("Resuscitation") значит "оживление после мнимой смерти". Оно может быть, вне всякого сомнения, применено к суфражистскому движению, так как нет ни одного общества, начиная от Национального союза суфражистских обществ до самой малочисленной суфражистской организации, которое не было бы снова преисполнено стремлением добиться решения великой задачи эмансипации женщин»⁴. В мае 1916 г. по предложению НССО началось формирование Консультативного комитета суфражистских организаций для выработки стратегии объединенных действий в поддержку включения в реформу избирательных прав женщин. В него вошли двадцать две суфражистские организации, патриотические и пацифистские, в том числе такие известные, как «Объединенные суфражисты» («United Suffragists»), Женская лига свободы (Women's Freedom League), Женская лига против налогов (Women's Tax Resistance League), Мужская лига в поддержку избирательных прав женщин (Men's League for Women's Suffrage). В июне состоялась объединенная конференция суфражистских обществ, которая приняла решение возобновить суфражистскую деятельность, если на повестку дня будет поставлен законопроект, предусматривающий распространение избирательного права на новые категории мужчин. Суфражистский флаг снова был поднят над движением.

Первоначально правительство отказывалось от контакта с суфражистами. Так, в июне 1916 г. премьер-министр Г. Асквит не принял депутацию формирующегося Консультативного комитета. Премьеру был отправлен меморандум, излагающий позицию суфражистов. В это время депутат Эдвард Карсон внес в парламент предложение как можно скорее распространить избирательные права на всех военнослужащих, и стала очевидна необходи-

⁴ Письмо Мод Арнклифф Сеннет издателю *Edinburgh Evening Dispatch* от 10 февраля 1916 г. (Mod Arncliffe Sennet Collection. Vol. 27, pt. 1. British Library).

мость немедленных действий. Суфражисты усилили давление на правительство. В лучших традициях суфражистских кампаний снова стали посылаться обращения к членам кабинета и парламентариям, возобновились собрания и митинги под лозунгом «Право голоса для женщин!»

В итоге 25 июля суфражистская депутация была все же принята Г. Асквитом, а 3 августа 1916 г. симпатизирующие суфражистам лидеры консервативной партии Э. Бонар-Лоу и Р. Сэйл приняли в министерстве колоний (Colonial Office) депутацию НССО по вопросу о регистрационном законодательстве. Лидер НССО М. Фосетт, возглавлявшая депутацию, заявила, что женщины не будут выступать против возвращения избирательного права тем мужчинам, которые утратили его из-за войны, но если правительство предполагает расширение избирательного права, они настаивают, чтобы оно было распространено и на женщин. Она писала: «Если право дается за службу государству, о праве женщин также не следует забывать»⁵.

Поэтому, когда 14 августа Г. Асквит, представляя в парламент билль о продлении сроков парламента на восемь месяцев в связи с войной, заявил, что правительство в новом законе о регистрации избирателей будет предусматривать предоставление права голоса не всем солдатам и матросам, а только тем из них, кто имел право голоса ранее, но утратил его вследствие призыва в армию, в ответ НССО принял резолюцию не настаивать на включении в закон о регистрации суфражистской поправки⁶. Таким образом, мы видим, что НССО, представляющий умеренно патриотическое крыло в суфражизме, продолжал в условиях войны демонстрировать свою лояльность к правительству, хотя, возможно, это был умелый тактический ход опытного суфражистского лидера, ибо в то время уже стало очевидно, что реформа неизбежно приведет к расширению избирательного права на новые категории мужчин. Националистически настроенная лидер Женского социально-политического союза Эммелин Панкхерст проявила еще большую лояльность к правительству, заявив что оно «не должно откладывать предоставление избирательных прав солдатам и матросам, чтобы включить женщин в билль о реформе»⁷. Однако ее позиция была позицией меньшинства и не встретила поддержки других суфражистских организаций.

В этот же день, 14 августа, правительство представило в парламент законопроект о регистрации избирателей (Special Register Bill), однако его первое обсуждение привело к внесению такого большого количества поправок и предложений, не считая вопроса об избирательных правах женщин (внесение изменений в процедуру проведения выборов, введение пропорциональной избирательной системы и т. п.), что было решено создать Специальный комитет из представителей четырех партий обеих палат парламента, включавший 27 парламентариев и 5 пэров для разработки проекта реформы.

Сложность вопроса дала возможность для новой волны агитации антисуфражистов в парламенте. Лидер Антисуфражистской лиги лорд Кромер неоднократно выступал в это время в палате лордов с предостережениями о том, что включение женщин в число избирателей может привести к еще

⁵ Women's attitude to a difficult question // Edinburgh Evening Dispatch. 1916. Aug., 8. Mod Arncliffe Sennet Collection. Vol. 27, pt. 1.

⁶ NUWSS Annual Report for 1916.

⁷ Britannia. 1916. Aug., 18.

большему осложнению обсуждения законопроекта. Он утверждал, что только в отношении солдат и матросов парламентские конференции могут достичь быстрого согласия, и, поскольку наделение избирательными правами именно этих групп населения является приоритетной задачей момента, не следует утяжелять билль избыточными поправками⁸. В палате общин его поддерживал еще один известный потомственный антисуфражист Арнольд Уорд⁹, предупреждавший, что наделение женщин правом голоса приведет к преобладанию женского электората над мужским и непредсказуемым политическим последствиям. Однако за пределами парламента «анти» были плохо подготовлены к возвращению суфражистского вопроса в центр политических дискуссий. Несмотря на некоторое оживление пропагандистской деятельности Антисуфражистской лиги летом 1916 г. в Лондоне, на местах агитация против суфражизма почти не велась, так как ее местные отделения практически перестали существовать. В то же время суфражистские организации активизировались по всей стране. Традиционно наиболее активны были Эдинбург и Манчестер. Так, в июне — июле в Эдинбурге состоялась серия митингов и собраний Северной федерации мужчин за избирательные права женщин, среди членов которой было много рабочих. На митинге 7 июня была принята следующая резолюция: «Собрание призывает мистера Асквита и коалиционное правительство использовать представившуюся возможность для признания права женщин на полное гражданство в стране, для которой они так много сделали, и включить их в новый список избирателей, таким образом обеспечив защиту наших свобод и единство нации»¹⁰. Копия аналогичной резолюции, принятой на собрании 15 июля, была послана лидерам ведущих партий Асквиту, Бонар-Лоу и Артуру Гендерсону¹¹.

17 августа 1916 г. парламентарий У. Лонг выдвинул предложение о созыве межпартийной парламентской конференции для выработки позиции по вопросу избирательной реформы. Эта конференция состоялась 12 октября во главе со спикером палаты общин. Несмотря на то что первые заседания конференции были закрытыми, стало известно, что большинство ее членов выступают за наделение женщин избирательными правами, хотя и более ограниченными, чем права мужчин¹². Это обнадеживало, но суфражисток беспокоило то, что спикер, руководящий конференцией, стоял на антисуфражистских позициях. Суфражистские общества просили разрешить им участвовать в заседаниях, но им было отказано. В ответ они перешли к испытанной тактике лоббирования: направили меморандум каждому участнику конференции и стали забрасывать парламент резолюциями собраний в поддержку вопроса не только от своего имени, но и от лица тред-юнионов (224 резолюции в поддержку женского избирательного права и 45 резолюций в поддержку всеобщего избирательного права). Наличие сильной тред-юнионистской поддержки свидетельствовало об укрепившихся за годы войны связях суфражистско-

⁸ The Scotsman. Edinburgh, 1916. Aug., 25.

⁹ Его мать, миссис Хэмфри Уорд, была известной писательницей и в то же время последовательной противницей парламентского избирательного права для женщин, одним из идейных лидеров антисуфражистского движения.

¹⁰ The Vote. 1916. June, 16.

¹¹ The Scotsman. Edinburgh, 1916. July, 15.

¹² Marwick A. Women at War, 1914—1918. Glasgow, 1977. P. 154.

го и рабочего движений, равно как и о развитии суфражистско-лейбористского альянса, ибо депутаты от лейбористской партии были самыми активными сторонниками избирательных прав женщин в парламенте. К концу октября конференция разработала билль о регистрации избирателей (Special Register Bill), и 1 ноября он был внесен в парламент. В числе прочих билль содержал также поправку о предоставлении права голоса женщинам старше 35 лет, однако при рассмотрении в парламенте спикер заявил: билль включает так много поправок, что фактически уже является новым законом и требует соответствующей процедуры утверждения. В результате он был отвергнут палатой общин. Избирательные права женщин снова оказались под угрозой, но 7 декабря было сформировано новое коалиционное правительство во главе с Ллойд Джорджем. Это означало, что теперь и премьер-министр на стороне суфражизма. Первым шагом нового кабинета было продление заседаний конференции по избирательной реформе, и 28 января конференция представила ему новый законопроект, рекомендовавший 33 изменения в законодательстве, расширявшие избирательные права мужчин и упрощавшие избирательную процедуру на местных выборах. Большинством голосов конференция рекомендовала также предоставление избирательных прав женщинам: «Любая женщина, включенная в избирательные списки для местных выборов (the Local Government Register), достигшая определенного возраста, а также жена мужчины, квалифицированного как избиратель на местных выборах, достигшая данного возраста, могут регистрироваться как избиратели на парламентских выборах»¹³. Избирательные права предлагалось также предоставить женщинам — выпускницам университетов, имеющих статус университетских избирательных округов. Рекомендую наделить правом голоса мужчин старше 21 года, конференция предлагала установить избирательный ценз для женщин в 35 или 30 лет. Таким образом, законопроект фактически объединял два избирательных билля: о всеобщем избирательном праве для мужчин и ограниченном праве для женщин. Законодатели не скрывали, что более высокий ограничительный ценз для женщин-избирателей вводился для того, чтобы они численно не превышали мужской электорат в послевоенный период¹⁴.

На собрании Католического женского суфражистского общества отмечалось: «Предложения спикера конференции — это не то, чего мы желали, но устранение ограничений по признаку пола — великое достижение само по себе, и после этого женщины вряд ли будут обойдены надолго»¹⁵. Поскольку даже такая ограниченная мера обеспечивала право голоса 5 млн женщин, большинство суфражистских обществ поддержали решения конференции, что было закреплено в резолюции суфражистской конференции, прошедшей 17 февраля в Кэкстон-холле в Лондоне.

22 мая состоялись вторые чтения Билля о народном представительстве (Representation of the People Bill). В основу его были положены предложения парламентской конференции, для женщин возрастной ценз был установлен в 30 лет. Дебаты о включении женщин в состав избирателей были полностью лишены драматизма предвоенных лет: возражений практически не было. Либерал Д. Ллойд Джордж в своей речи отметил вклад женщин в оборону,

¹³ NUWSS Annual Report for 1916. P. 19.

¹⁴ Hansard's Parliamentary Debates. 1918. Vol. 110. Col. 822.

¹⁵ Annual Meeting // The Catholic Suffragist. 1917. Vol. 3, № 3.

консерватор Э. Бонар-Лоу указывал на несправедливость дальнейшего расширения избирательного права на мужчин без включения в него женщин. Депутат от либералов Г. Сэмюэл с удивлением констатировал, что предложения об избирательных правах женщин значительно более категоричные, чем ранее, «были встречены без тени волнения в палате общин и практически обойдены вниманием прессы»¹⁶. И действительно, обсуждение Representation of the People Bill в парламенте в 1917 г. не вызвало серьезной полемики в прессе. Большинство английских газет встретили с одобрением включение в законопроект избирательных прав женщин. *Manchester Guardian*, которая традиционно была лояльна к суфражистскому вопросу, выражала сожаление, что женщина получает право голоса позднее мужчины, поскольку «в 21 год она более зрелая, чем мужчина»¹⁷. Даже консервативная *Times*, отмечая отсутствие сомнений в принятии решения», заявляла, что женское избирательное право в нынешних условиях «основывается не на триумфе агитации, так как агитация давно утихла, не на представлении, которое разделяет каждая патриотично настроенная женщина, о том, что право голоса есть награда за хорошее поведение. Оно основано полностью на осознании явной несправедливости в отказе в праве голоса полу, который внес весомый вклад в национальные усилия (во время войны. — О. Ш.) и будет иметь ощутимые трудности в удержании тех позиций, которые он завоевал»¹⁸. Единственной крупной газетой оставшейся последовательно антисуфражистской в 1917—1918 гг. была *Morning Post*.

Такая позиция ведущих печатных изданий в определенной степени была связана с просуфражистскими настроениями крупнейшего газетного магната лорда Нортклиффа, который к этому моменту был владельцем не только таких популярных газет, как *Evening Post* и *Daily Mail*, но и наиболее влиятельной и престижной *Times*. Начиная с 1916 г. он, чувствуя изменение политической конъюнктуры, пытался заигрывать с суфражистским движением, предлагая НССО и другим суфражистским организациям финансировать их митинги и депутатии, чтобы дать информационный повод прессе выступить в поддержку избирательных прав женщин. Суфражистки, недолюбливавшие Нортклиффа за его более ранние нападки на женское движение, проигнорировали предложение, тем не менее, издания, находящиеся под его контролем, стали более благосклонны к требованиям суфражисток. С другой стороны, благосклонность подконтрольной Нортклиффу прессы и других газет объяснялась необходимостью отражать произошедшие за годы войны изменения в общественном мнении, которое стало значительно более терпимым к вопросу политического равноправия полов. Как отмечала лидер Католического женского суфражистского общества Леонора Де Альберти, «война сломала столько барьеров, и нервы твердолобого британца перенесли так много потрясений, что он переживет и это вторжение в его владения. Пресса и общество готовы к новшествам»¹⁹.

¹⁶ Hansard's Parliamentary Debates. 1917. Vol. 138. Col. 2341.

¹⁷ The Manchester Guardian. 1917. Feb., 12.

¹⁸ The Times. 1917. Mar., 29.

¹⁹ De Albery L. Women members of parliament // The Catholic Citizen. 1918. Vol. 4, № 10. P. 78—79.

Парламентарии также были готовы к новшествам и проявили свое единодушие по отношению к расширению избирательных прав на женщин не только при обсуждении, но и при голосовании. В целом парламентские дебаты 1917 г. по вопросу избирательных прав для женщин были лишены драматизма довоенных лет. Как заявил один из парламентариев, «все, что провозглашается на этих дебатах, — сплошная скука. Совершенно очевидно, что сражение выиграно»²⁰. 19 июля 1917 г. по второму чтению за предоставление избирательных прав женщинам проголосовало 329 депутатов и только 40 против. Антисуфражисты пытались вести арьергардные бои: Арнольд Уорд предложил поправку о вынесении вопроса на референдум, с тем чтобы женщины сами определили, хотят ли они голосовать, но безрезультатно. Последние надежды «анти» возлагали на палату лордов, где традиционно противников женского избирательного права было больше, чем в палате общин. Однако голосование по суфражистской поправке в палате лордов 8 января 1918 г. показало, что и здесь произошли перемены: 135 пэров проголосовали за поправку и 71 — против ее. Отсутствие разногласий по суфражистской поправке к избирательному закону было с удовлетворением отмечено лидером НССО Милисент Фосетт: «Прежде принятие каждого крупного реформистского билля сопровождалось серьезными партийными конфликтами, раскалывавшими страну на враждующие между собой фракции. Наш билль, как мы с гордостью называем его, был принят в результате соглашений и сотрудничества между партиями. В палате общин он был поддержан лидерами всех партий. Ничего подобного ранее не было, и мы можем рассматривать это как счастливое предзнаменование нового духа, который будет привнесен женщинами в политику»²¹.

Успешное завершение пятидесятилетней борьбы было торжественно отпраздновано суфражистками. В воскресенье 17 февраля, на следующий день после того, как билль был подписан королем, состоялась торжественная месса в Вестминстерском соборе «в благодарность за победу суфражизма и с просьбой о благословении новых избирателей». Месса была заказана Католическим суфражистским обществом, и на ней присутствовали представители практически всех суфражистских организаций. Наиболее массовым событием в честь обретения женщинами избирательных прав стало торжественное празднование в Квинз-холле 13 марта, организованное самой многочисленной и влиятельной организацией — Национальным союзом суфражистских обществ.

Новая избирательная реформа предоставила, наконец, англичанкам право голоса, за которое они так упорно боролись. Однако, как видим, избирательный закон 1918 г. все еще не предусматривал полного политического равенства мужчин и женщин: предоставляя первым всеобщее избирательное право, для вторых он сохранял цензовое. Поэтому значительная часть суфражистских организаций решила продолжить свою деятельность до достижения полного политического равноправия мужчин и женщин, что осуществилось после проведения еще одной избирательной реформы в 1928 г.

²⁰ Hansard's Parliamentary Debate. 1917. Vol. 94. Col. 1716.

²¹ The Catholic Citizen. 1918. Vol. 4, № 3. P. 22.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВОСТОЧНЫХ НЕМЦЕВ ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ (1991—2010)

Рассказывается об изменениях в повседневной жизни восточных немцев после объединения ГДР и ФРГ. Автор раскрывает причины сохранения тяжелой ситуации в восточной Германии в сфере занятости, определяет особенности нравов осси, характеризует проблему «остальгии» и делает прогноз относительно дальнейшего сближения западных и восточных немцев.

Ключевые слова: осси, весси, «остальгия», безработица, ментальность, социальная память.

The article is devoted to the changes in the everyday life of East Germans after unification of Germany. The author reveals the reasons of difficult situation in Eastern Germany in the field of employment, determines the features of the «Ossie», describes the problem of «Ostalgie» and makes a prediction for further rapprochement of eastern and western Germany.

Key words: Ossie, Vessey, «Ostalgie», unemployment, mentality, social memory.

С 1991 г. в Германии начался период трансформации, основная цель которого заключалась в обеспечении перехода от формального объединения к реальному единству государства и нации. В качестве главной задачи внутренней политики глава правительства объединенной Германии Г. Коль назвал выравнивание уровня жизни населения восточных земель с западными. Он призвал деловые круги, земельные и коммунальные власти увеличить объем инвестиций в экономику бывшей ГДР. Необходимо было провести модернизацию промышленности и транспортных путей, способствовать развитию телекоммуникационных связей. Созданному в 1990 г. Попечительскому ведомству было поручено проведение приватизации, и в результате к 1994 г. было приватизировано уже 15 тыс. предприятий [5, с. 433].

Начавшийся процесс трансформации привел к тяжелым последствиям на территории восточной Германии. В июле 1991 г. безработица в бывшей ГДР составила 1,1 млн человек, или 12,1 % всей рабочей силы. В эту цифру не включили около 500 тыс. человек, вынужденных досрочно уйти на пенсию, и 1,9 млн человек, занятых на временной работе. Реальная цифра безработных составляла 2,5 млн человек [4]. Это свидетельствовало о том, что обещанный бум реконструкции не начался. Большую долю среди безработных занимали метери-одиночки, женщины старше 50 лет и женщины с университетскими дипломами. Переход на западногерманские цены привел к повышению платы за детские сады или к их закрытию, что также стало причиной отказа женщин от работы. Они должны были оставаться дома с детьми, но многих из них не привлекала роль домохозяйки. По данным института прикладных социальных исследований, в пяти новых землях только 3 % женщин считали для себя вполне приемлемым ведение домашнего хозяйства.

65 % женщин утверждали, что они будут работать даже в том случае, если их доходы возрастут. Это связано с тем, что система образования и воспитания в ГДР ориентировала девочек и девушек на активную жизненную позицию. Западногерманские же социальные нравы и экономическая инфраструктура возвращали женщин в личную сферу жизни, что рождало недовольство и сопротивление. Многие восточные немцы были не готовы к сокращению социальных гарантий со стороны государства. В апреле 1991 г. в газете «Джерман Трибун» указывалось, что Западная Германия не выплачивает пособия по безработице женщинам с детьми, которые не могут доказать, что в силах обеспечить дневную заботу о детях, так как такие женщины не входят в категорию лиц, способных работать. В августе 1991 г. в Восточной Германии разразился скандал, связанный с необходимостью для работников бюджетной сферы заключать контракты без учета стажа. Медицинские сестры стали толпами выезжать на Запад, так как контракты гарантировали им заработную плату на уровне 60 % от западногерманской и лишали их выслуги лет. Контрактная система подчеркивала разницу между восточными и западными коллегами (западные немцы имели право пожизненного назначения на государственные должности). Граждане бывшей ГДР, особенно пожилые, столкнулись с уничтожением той системы ценностей, в которой они существовали всю жизнь. Теперь им приходилось думать о том, как бы не лишиться работы, сбережений, уверенности в гарантированном существовании. Для многих восточных немцев реальной стала проблема бедности. Немецкий социолог Г. Опасовский по этому поводу пишет: «особенно восточные немцы “чувствуют” себя бедными после объединения. В 1991 г., через год после объединения, многие жители новых земель осознали, как велик разрыв между их жизненным уровнем и потребительским стандартом сограждан западных земель. 20 % восточных немцев субъективно оценили себя как бедную часть общества» [4, S. 48—49]. Уровень зарплат на западе и востоке значительно отличался не только в 1991 г., но и позднее. Так, в 1998 г. средняя заработная плата рабочих и работниц в промышленности в западных землях у мужчин составляла 28,30 марок, у женщин 21,28 марок, в восточных землях у мужчин — 20,23, у женщин — 16,07 [3, S. 47].

Недовольство последствиями объединения проявляли и западные немцы, которые быстро заметили повышение стоимости единства. Это выразилось в увеличении налогов и банковских учетных ставок, в свертывании социальных услуг и усилении конкурентной борьбы за рабочие места. Такая ситуация порождала чувство обиды, озлобленности, нарушала социальную стабильность, заставляла искать тех, на кого можно было бы возложить вину. Восточные немцы во времена ГДР считались жертвами диктаторского режима, их принято было жалеть. После объединения в связи с ухудшением условий жизни западные немцы стали обвинять осси в поддержке злостной системы. В западногерманской прессе восточногерманское государство представлялось как преемник фашистского режима. В журнале «Шпигель» появилась серия статей, в которых восточных немцев призывали осудить свое тоталитарное прошлое [1, с. 35]. Все это свидетельствовало о том, что обе стороны были плохо подготовлены к совместному проживанию и развитию. Вслед за эйфорией по случаю объединения пришли напряженность, непонимание, конфликты и взаимная обида. Значительная часть западных немцев была не знакома с обществом и образом жизни на востоке. Восточные немцы

были не готовы к тому, что в ФРГ отсутствовали развитая система социального страхования, гарантированное право на труд, разветвленная система детских дошкольных учреждений и система коммунального жилья. Сначала это им казалось неправдоподобным, а потом просто испугало. Обе Германии быстро пришли к пониманию того, что объединение принесло как выгоды, так и убытки. Это связано с тем, что за 40 лет был накоплен разный политический и культурный опыт на западе и на востоке, сформировался различный менталитет. Об этом пишут многие немецкие публицисты. Г. Шмидт считает, что в Восточной Германии царят иждивенческие настроения, укоренилась привычка получать все от государства. Г. Кох указывает на ментальные и культурные различия, на несоответствие жизненных миров осси и весси. Восточные немцы не были готовы к восприятию западной демократии и социальной рыночной экономики. В отличие от них западные немцы точно знали, что такое рыночное хозяйство, как оно функционирует и чего требует от каждого и в этом их социокультурное превосходство. Осси, по мнению Г. Коха, слишком привержены своим старым ценностям, и это мешает им приспособиться к новым условиям. Западногерманские публицисты считают, что граждане бывшей ГДР переживают социально-психологический кризис, так как они привнесли в новое для них общество политическое равнодушие и конформизм поведения. Этим они объясняют их ностальгию по социалистической ГДР. Однако причины возникновения и развития ностальгических чувств по поводу утраченного государства более глубокие.

Восточные немцы ожидали от присоединения к «сытой, зажиточной и стабильной» ФРГ повышения жизненного уровня. Вместо этого они получили экономические проблемы и безработицу, презрительное отношение со стороны весси. Чем отдаленнее по времени становился факт объединения, тем больше восточные немцы тосковали по потерянным преимуществам социализма и тем критичнее относились к западным ценностям. Они были эмоционально связаны общим прошлым, общими ценностями и общим противостоянием «чужакам». Осси быстро поняли, что в ФРГ есть свобода, но пользоваться ею могут только хорошо обеспеченные люди. Это означало, что диктатуру идеологии сменила диктатура денег. В статье о феномене «ностальгии», опубликованной на сайте гимназии западногерманского города Ринтельна, читаем о популярности в новых федеральных землях «буйных праздников, на которых возрождается социалистический дух ГДР. Это так называемые “ностальги-вечеринки”, на которых демонстративно надевают форму Союза свободной немецкой молодежи» [7]. Бум ностальгии продолжился в 2003 г. В Германии вошли в моду и стали пользоваться спросом продукты, с детства знакомые восточным немцам. Даже западные фирмы стали выпускать товары для продажи на востоке со старыми названиями в старых упаковках — майки, сумки, фильмы, музыка, пионерские и комсомольские рубашки и т. д. На телевидении стали появляться «ГДР-шоу», в которых в перерывах между песнями эпохи социализма известные люди делились воспоминаниями. Так, олимпийская чемпионка по фигурному катанию Катарина Витт утверждала следующее: «Если подводить баланс моей жизни в ГДР, то он в целом позитивен. Я ни о чем не жалею и испытываю гордость» [2]. В Германии стали открываться магазины, торгующие продуктами с марками ГДР. Причем большинство известных марок исчезнувшей ГДР перекупили действующие транснациональные корпорации. Они учли ностальгическое желание

бывших граждан ГДР покупать то, к чему они привыкли с детства и что напоминало о счастливой жизни в ГДР. В городе Эйзенхаттштадте даже открылся специализированный музей, в котором содержится от 70 до 80 тысяч экспонатов из Восточной Германии — рдиоприемники «Микки», банки с болгарскими сливами, учебники и т. д. Следующая волна остальгии приходится на 2005—2006 гг. К этому времени восточные немцы так и не научились считать нормальным и моральным существование сверхбогатых и бедных, не смогли примириться с растущей безработицей и отсутствием социальных гарантий. Поэтому тоска по ушедшему усилилась. СМИ так и не удалось очернить недавнее прошлое восточных земель, так как социальная память передавалась старшим поколением своим потомкам.

С началом экономического кризиса 2008 г. ностальгические настроения восточных немцев усилились. Собственный корреспондент журнала «Эксперт» С. Сумленный пишет, что восточные немцы считают современное им общество менее справедливым, чем в ГДР. 12 % населения положительно отзывалось даже о берлинской стене [6, с. 52]. По данным «Ленты ру», в 2009 г. больше половины восточных немцев не чувствовали себя полноправными гражданами объединенной Германии. В это время мода на одежду и символику ГДР уже прошла, но зато многие восточные немцы стали участниками протестного движения, активистами левых политических организаций. Они называли объединение Германии «аннексией», которая привела к обнищанию восточных немцев. Развитие остальгии было чревато негативными тенденциями: обострением конфликта между осси и весси, ухудшением демографической ситуации. В Восточной Германии с 2010 г. увеличилось число неполных семей, здесь реже регистрируются браки. Вместе с тем говорить об этнической разобщенности было бы некорректно. Если спросить немцев, чем и кем они гордятся, то ответы жителей восточных и западных земель будут одинаковы: «они гордятся восстановлением после войны, Гете и Шиллером, Бетховеном и Бахом, средневековыми соборами». Особенно много родового сходства можно обнаружить, когда дело касается воспитания детей: «каким образом должны воспитываться дети, что должно оказывать на них влияние, каким манерам они должны быть обучены» [8, с. 5]. Это внушает надежду на обеспечение в будущем национальной идентичности и преодоление остальгии у осси.

Библиографический список

1. *Дороти Дж.* Розенберг Колонизация Восточной Германии // *Альтернативы*. 1992. № 2. С. 33—50.
2. Deutsche Welle. 2003. Okt., 8. URL: www.dw.de (дата обращения: 20.09.2013).
3. Informationen zur politischen Bildung. Bonn, 2000. № 269. S. 47.
4. *Opasowski H.-W.* Deutschland 2010. Hamburg, 2002. S. 48—49.
5. *Павлов Н. В.* История современной Германии. 1945—2005. Москва : Астрель : Аст, 2006. С. 433. 511 с.
6. *Сумленный С.* Феномен остальгии в современной Германии // *Эксперт*. 2009. 9 нояб.
7. URL: http://www.gum-rinteln.de/50jahre/chronik/heute/ostalgie_partys.html (дата обращения: 20.09.2013).
8. Frankfurter Allgemeine Zeitung. Nr. 214. 15.09.1999. S. 5.

ББК 63.3 (4)64-6

В. Л. Черноперов

**КАНЦЛЕРИН ГЕРМАНИИ АНГЕЛА МЕРКЕЛЬ
И КОНСТИТУЦИОННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В 2005—2009 гг.**

Предпринята попытка изучения роли канцлера Германии Ангелы Меркель в конституционном строительстве Европы. Особое место уделено участию германского политика в выходе из конституционного кризиса в ЕС 2005—2006 гг. и принятии Лиссабонского договора.

Ключевые слова: А. Меркель, Германия, Европейский союз, Конституция Европейского союза, Лиссабонский договор, европейская интеграция.

The article attempts to investigate the role of German Chancellor Angela Merkel in the constitutional construction of Europe. Particular attention is paid to the participation of the German politician in the decision of the constitutional crisis in the EU 2005—2006 and making the Lisbon Treaty.

Key words: Angela Merkel, Germany, the European Union, the Constitution of the European Union, the Treaty of Lisbon, the European integration.

В сентябре 2005 г. в Федеративной Республике Германия прошли досрочные парламентские выборы. Результаты явного фаворита не выявили. В итоге было сформировано коалиционное правительство из христианских демократов и социал-демократов, которое 21 ноября 2005 г. возглавила лидер ХДС Ангела Меркель. Прежде чем говорить об участии этого канцлера (точнее канцлерин) ФРГ в конституционном строительстве Евросоюза, несколько слов следует сказать о ней самой.

Ангела Доротея Меркель родилась 17 июля 1954 г. в Гамбурге. Она была третьим ребенком в семье лютеранского пастора Хорста Каснера. В год рождения Х. Каснер перевез семью в ГДР, в маленький провинциальный городок Темплин недалеко от Берлина, выехав туда, как было сказано, на «укрепление церкви». Позднее этот факт дал повод журналистам искать связи пастора с органами государственной безопасности Восточной Германии, однако никаких письменных свидетельств этому не найдено [12, с. 425].

В школьные годы Ангела Меркель прошла все ступеньки взросления в ГДР: состояла в пионерской организации имени Эрнста Тельмана и Союзе свободной немецкой молодежи (ССНМ). Правда, одновременно являлась членом молодежной организации Лютеранской церкви. Была одной из лучших учениц. В 1968 г. вышла победительницей в общенациональной олимпиаде по русскому языку, за что была награждена поездкой в столицу СССР Москву. Позднее будущая канцлер выучила английский [18, S. 21].

После школы А. Меркель поступила в Лейпцигский университет им. К. Маркса, где изучала физику. По окончании вуза в 1978 г. претендовала на должность в Высшей технической школе Ильменау. Получив отказ, подала документы в Центральный институт физической химии Академии наук ГДР и была принята [12, с. 427]. В 1986 г. защитила диссертацию по квантовой химии.

Работая в Институте физической химии, Меркель некоторое время занимала должность секретаря комитета ССНМ, ответственного за агитацию и пропаганду. При этом, как свидетельствуют воспоминания, особого интереса к коммунистической идеологии не проявляла [30]. Ее знания по окончании трехлетнего курса марксизма-ленинизма в 1983 г. были оценены лишь на «удовлетворительно», а Министерство государственной безопасности ГДР (Штази) зафиксировало высказывания будущей канцлерин с критикой социалистической системы и симпатиями к польскому профсоюзу «Солидарность» — главному оппоненту коммунистического режима в Польше [30].

В политику Меркель пришла в конце 1980-х гг. на волне растущего в ГДР оппозиционного движения. Начиная с 1989 г. она — активист «Демократического прорыва» (ДП) — партии, быстро прошедшей путь от «социализма с человеческим лицом» к христианской демократии.

Накануне первых в истории ГДР многопартийных выборов, намеченных на март 1990 г., ДП вступил в коалицию с другими демократическими силами. Хотя партия показала крайне слабый результат (0,9 % голосов), коалиция, куда она входила, победила. Это позволило лидеру ДП Райснеру Эппельману занять кресло министра обороны в правительстве Лотара де Мезьера. Меркель стала заместителем пресс-секретаря первого и единственного некоммунистического кабинета ГДР.

Как заместитель главы пресс-секретаря Меркель участвовала в переговорах, связанных с объединением ГДР и ФРГ и подписанием «Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии» (Договора «Два (ФРГ и ГДР) плюс четыре (СССР, США, Великобритания и Франция)»). В этот напряженный исторический момент молодой политик делает важный шаг — в августе 1990 г. она выступает на объединительном съезде ХДС и вместе с другими членами ДП становится частью Христианско-демократической партии. К этому времени А. Меркель заметил канцлер ФРГ Гельмут Коль. После выборов в первый объединенный немецкий бундестаг 2 декабря 1990 г. она стала депутатом парламента [27, S. 59]. Вскоре Г. Коль назначил ее министром по делам женщин и молодежи (1991—1994). В следующем правительстве, образованном после парламентских выборов в октябре 1998 г., Меркель заняла кресло министра по охране окружающей среды, природы и ядерной безопасности (1994—1998). Параллельно шла вверх ее партийная карьера. Позже журналисты назовут Меркель «девочкой Коля» [18, S. 139]. Однако это сравнение не вполне правомочно. Докажем примером.

После поражения христианских демократов на сентябрьских выборах 1998 г. на съезде ХДС новым лидером христианских демократов был избран Вольфганг Шойбле, по предложению которого Меркель заняла пост генерального секретаря партии [12, с. 428]. Коль стал почетным председателем ХДС. В ноябре следующего, 1999 г., вокруг Г. Коля начал раскручиваться скандал, связанный с незаконными внешними пожертвованиями на счета христианских демократов от крупных промышленников и финансистов. В этих условиях Меркель не только не поддержала почетного председателя ХДС, но и нанесла удар по всему прежнему руководству партии.

22 декабря 1999 г. в авторитетной «Frankfurter Allgemeine Zeitung» появилась развернутая статья А. Меркель, в которой осуждалось поведение Коля как «нанесшего партии ущерб» и содержался призыв к обновлению ХДС [26]. Развернувшаяся борьба и изменения в жизни Христианско-демократического

союза ударили и по В. Шойбле. В итоге он ушел с поста председателя партии. В апреле 2000 г. это кресло заняла Меркель.

В ноябре 2005 г. после очередных парламентских выборов Ангела Меркель, как мы отмечали выше, стала канцлером ФРГ. И здесь уникально многое. Меркель стала первой женщиной — федеральным канцлером. В свой 51 год она оказалась самым молодым главой правительства за всю историю ФРГ и первой представительницей новых федеральных земель (или земель бывшей ГДР) на посту руководителя кабинета, а также первым федеральным канцлером с естественно-научным образованием. И последнее. Меркель — первая протестантка, которая добилась успеха в сугубо мужском и весьма консервативном Христианско-демократическом союзе.

Меркель, несмотря на отмеченную выше самостоятельность, всегда следовала партийной дисциплине, поэтому анализ интересующих нас ее внешнеполитических взглядов и действий логично начинать с рассмотрения предвыборной программы ХДС/ХСС, опубликованной 11 июля 2005 г. В последней главе данного документа — «Германия: партнер в Европе и мире» — блок ХДС/ХСС позиционировал себя сторонником сохранения ведущих позиций ФРГ в Европейском союзе. Партия нацелилась на четкое разделение компетенций между ЕС и государствами-членами на всех уровнях власти, подчеркивала необходимость принятия Конституции Союза, проект которой разрабатывался с 2001 г., и «Хартии основных прав» [21, S. 35—38]. В вопросе расширения Евросоюза программа ХДС/ХСС 2005 года высказалась против вступления Турции в ЕС и сдержанно говорила о присоединении к сообществу Болгарии и Румынии. Кроме того, в предвыборной программе христианских демократов подчеркивалось стремление ХДС укреплять связи Германии с Францией и с новыми членами ЕС из Центральной и Восточной Европы.

Курс на укрепление Евросоюза предопределил активное участие А. Меркель и возглавляемого ею правительства в конституционном строительстве ЕС. А оно в момент занятия Меркель кресла канцлера переживало серьезный кризис: в 2005 г. на общенациональных референдумах французы и голландцы проголосовали против Конституции Евросоюза, после чего процедура ратификации этого документа была приостановлена в Великобритании, Польше, Португалии, Дании, Ирландии, Швеции и Чехии. В самой ФРГ еще до формирования кабинета во главе с Меркель депутат ХДС Петер Гаувайлер подал иск в Федеральный Конституционный суд (КС) в Карлсруэ с требованием признания Конституции ЕС противоречащей Основному закону ФРГ [6, с. 25—26]. Неожиданно его поддержал президент Германии Хорст Кёлер, который отказался подписывать документ о ратификации Конституции Евросоюза, к тому времени принятый обеими палатами немецкого парламента, до решения КС. Судьи Конституционного суда с решением не спешили. Лишь в октябре 2006 г. они постановили, что приступят к рассмотрению иска Гаувайлера не ранее, чем станет известна окончательная форма договора, т. е. после принятия Европейским советом политического решения, заканчивающего «период размышлений» [6, с. 26].

Здесь следует несколько слов сказать о Конституции ЕС (официальное название «Договор о введении Конституции для Европы»). Этот Основной закон Евросоюза был принят 29 октября 2004 г. на римском саммите глав государств и правительств, в котором приняли участие 25 стран — членов ЕС и три кандидата на вступление (Румыния, Болгария и Турция) [34]. Консти-

туция должна была заменить все соглашения, подписанные в ЕС за последние 50 лет, за исключением договора 1957 г. об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома). Кроме того, составной частью Конституции предполагалось сделать «Хартию Евросоюза об основных правах».

Среди причин, приведших к провалу принятия проекта Конституции на референдумах 2005 г., выделяют следующие.

Во-первых, к моменту обсуждения Основного закона опыт конституционного строительства ЕС показал: наднациональные органы Союза окрепли настолько, что готовы оспаривать у национальных государств их полномочия. В Конституции 2004 г. совершенно отчетливо прослеживались попытки придать Евросоюзу государственноподобный федеративный характер. Однако, как выяснилось, далеко не все в ЕС оказались подготовлены к добровольному расставанию с национальным суверенитетом.

Вторым барьером на пути Конституции стали страхи перед тем, что усиление общеевропейских институтов повлечет ущемление прав отдельной личности, будет способствовать росту бюрократизма и еврочиновничества.

Третьей причиной стал скептицизм многих жителей так называемой «старой Европы» к перспективе совместного проживания с новыми членами ЕС.

Меркель для продвижения по пути интеграции необходимо было сломать сложившиеся стереотипы и ликвидировать отмеченные страхи. Возглавив правительство 21 ноября 2005 г., она уже через день совершила первый зарубежный визит во Францию — одну из стран — основательниц движения за европейскую интеграцию и наиболее близкого партнера ФРГ в Европе. Во вторую поездку Меркель отправилась в полуофициальную столицу Евросоюза — Брюссель. Третьей остановкой стала Великобритания, в тот момент председательствовавшая в Европейском Совете.

Маршруты первых визитов канцлерин ясно говорили о европейском приоритете внешней политики Меркель. Еще более очевидным это становится из ее выступлений. Во время встреч с политиками Франции, Англии и других стран глава правительства ФРГ указывала: конституционный договор необходим; он обеспечит институциональное обновление Евросоюза и более действенную защиту основных прав граждан, позволит отчетливее разделить полномочия между структурами Евросоюза и усилит роль национальных парламентов [13, с. 74]. Выступая перед депутатами бундестага в мае 2006 г., она заявила, что Конституцию ЕС «надо принять обязательно» [1]. В сентябре того же года в речи на берлинском форуме «Будущее Европейского союза» Меркель ввела понятие «переосмысление Европы», которое поддержали глава МИД Германии Франк-Вальтер Штайнмайер и его заместитель Райнгард Зильберберг [28].

В период первых зарубежных поездок Меркель выкристаллизовались три варианта преодоления конституционного кризиса в ЕС.

Первый предполагал сохранение версии Конституции образца 2004 г. и продолжение процесса ратификации. Предполагалось, что если до 1 ноября 2006 г. двадцать государств ЕС ратифицируют документ, то в тех странах, где первый раз проголосовали «против», следует провести новый референдум.

Второй вариант предусматривал частичное изменение текста конституционного соглашения. Например, пересмотреть Конституцию и сохранить только первые две ее части, в которых содержались институциональные принципы и фундаментальные права.

Третий вариант заключался в разработке совершенно нового соглашения с учетом реалий после референдумов 2005 г.

Первоначально позиция Меркель была близка первому варианту. 9 мая 2006 года канцлерин, выступая в Берлине по случаю Дня Европы, заявила о намерении Германии продвигать проект Конституции ЕС в изначальном варианте, не внося в текст никаких поправок [32, S. 3].

Первого января 2007 г. Германия, согласно существующей в ЕС процедуре ротации, стала председателем Совета Европы. Накануне правительство, возглавляемое Меркель, приняло специальное заявление, в котором подчеркивалось, что среди изменений, необходимых Евросоюзу, главным является принятие Конституции ЕС [5]. Прежде всего, потому, что Европейский союз как союз политический «нуждается в основополагающем документе, который ясно и понятно» регулировал бы деятельность этой организации. «Подписанный всеми правительствами и одобренный большинством государств-членов договор ЕС о Конституции, — декларировало правительство Германии, — по-прежнему представляет для этого наилучшую основу» (цит. по: [5]). В соответствии с заявлением девизом ФРГ в Евросоюзе с января 2007 г. стали слова: «Совместно строить Европу».

К моменту немецкого председательствования в ЕС подходы Меркель в борьбе за Евроконституцию стали более определенными (см., напр.: [10, с. 67—72; 15]). Основой взаимопонимания членов Союза канцлерин избрала согласованную социально-экономическую, внешнюю и оборонную политику, а также политику в сфере безопасности. При этом она решительно встала на защиту принципа «двойного большинства» [19, S. 57—58], в соответствии с которым решение считалось принятым, если за него проголосовали представители 55 % государств — членов ЕС, в которых проживало не менее 65 % населения Евросоюза. Данный принцип, по мнению Меркель, должен был отправить на свалку истории длительные и часто малопродуктивные дискуссии в ЕС при поиске консенсуса. Кроме того, канцлерин высказалась за персонализацию политического процесса, т. е. за наполнение обезличенных решений Евросоюза конкретными людьми.

Отмечая приверженность Меркель идеям единой Европы, следует отметить, что этот курс логически усиливал позиции ее собственной страны сначала в Европейском союзе, а поскольку данное объединение становилось все более заметным мировым актором, то и на глобальном уровне. Действительно, обладая самой сильной экономикой в зоне ЕС, ФРГ при более глубокой интеграции получала дополнительные возможности для проникновения на рынки других стран и укрепления своего лидирующего положения. Принцип же «двойного большинства» давал Берлину максимально высокую пропорциональную долю при голосовании по судьбоносным вопросам жизни Евросоюза.

Председательствование Германии в Совете Европы продолжалось до 30 июня 2007 г. За это время было проведено 3 саммита Европейского союза (8—9 марта и 21—23 июня в Брюсселе, а также внеочередной 24—25 марта в Берлине) [4, с. 221].

Меркель, встав во главе ЕС, использовала любой шанс для изменения настроений в Западной Европе в пользу Конституции Евросоюза. В частности, говорила об этом 17 января 2007 г. перед депутатами Европарламента в Страсбурге [31]. Через месяц совершила визит в соседнюю Польшу — страну, активно отстаивавшую независимый курс в рамках Евросоюза и завое-

вавшую характеристику евроскептика (о евроскептицизме Польши подробнее см.: [3, с. 152—153]). Накануне поездки все аналитики отмечали резкое охлаждение германо-польских отношений, которое было связано с акцентированием внимания политиков двух стран на трагических страницах недавнего военного и послевоенного прошлого. Причем тон полемике задавали первые лица Варшавы братья-близнецы Качиньские — президент страны Лех и премьер-министр Ярослав. Меркель понимала, что без диалога с этими неуступчивыми политиками движение к единой Европе станет более чем затруднительным, поэтому приложила немало усилий по разрядке ситуации и сглаживанию взаимных обид во время мартовского визита в Польшу [8].

Меркель для пропаганды идеи европейской интеграции и Конституции ЕС умело использовала торжества по случаю 50-летия подписания Римских договоров, которые прошли в Берлине 24—25 марта 2007 г. На празднества прибыли главы всех стран Союза и многочисленные гости. Выступая с речью перед собравшимися, Меркель неоднократно отмечала: лишь дальнейшее укрепление единства ЕС при более четком распределении полномочий между разными структурами Евросоюза позволит Союзу стать одним из ведущих мировых акторов и поможет преодолеть разочарования 2005 г. [33]. Кроме того, А. Меркель подняла вопрос о «дорожной карте» ЕС, которая предусматривала принятие новой Конституции за два года. Проект основывался на включении в себя тех положений «Договора о введении Конституции для Европы» образца 2004 г., которые получили поддержку всех стран — членов ЕС. Меркель надеялась решить вопрос к выборам в Европарламент, назначенным на лето 2009 г.

Усилия германского канцлера и других сторонников евроинтеграции увенчались успехом. На берлинских торжествах в марте 2007 г. канцлер ФРГ Ангела Меркель, глава Еврокомиссии Жозе Мануэль Дуран Баррозу и председатель Европарламента Ханс Герт Пёттеринг от имени 27 стран ЕС подписали политическое заявление — «Берлинскую декларацию» [25]. Документ мыслился как преамбула к новой Конституции Евросоюза, текст которой предполагалось согласовать до 2009 г.

«Берлинская декларация» запустила новый переговорный процесс. В это время Меркель получила сильного союзника. На президентских выборах во Франции в мае 2007 г. верх одержали правые, лидер которых Николя Саркози считался сторонником глубокой интеграции Европейского союза. Возросшая активность еврооптимистов способствовала утверждению на саммите Евросоюза в Брюсселе 22—23 июня 2007 г. плана дальнейшего реформирования ЕС. Но далось это совсем не просто. Прежде всего, из-за сопротивления англичан и особенно поляков. Премьер-министр Люксембурга Жан-Клод Юнкер вспоминал, что переговоры с братьями Качиньскими иногда становились «практически невыносимыми», и в этот критический момент главную роль сыграла Меркель. Хотя канцлерин испытывала физическое недомогание, она проявила на переговорах завидное терпение и в зависимости от ситуации «боролась то как дрессированная, то как дикая львица» [36]. В итоге ей и ее сторонникам удалось достичь желаемого компромисса в изменении формата общеевропейского Основного закона и придать ему статус «Договора о реформе». При этом в неизменном виде осталось около 90 % содержательной части Конституции 2004 г. [4, с. 222]. Все 27 стран ЕС одобрили мандат межправительственной конференции, которая в октябре 2007 г. при

председательстве Португалии должна была разработать детали нового договора Евросоюза [16, с. 4].

Кстати, в Польше итоги Брюссельского саммита у многих вызвали крайнее недовольство. Отражением стал фривольный фотомонтаж в консервативном журнале «Wprost» (братья Качиньские сосут груди улыбающейся Меркель; под изображением подпись «Мачеха Европы») [14]. Немцы, естественно, восприняли публикацию крайне негативно, но решили не ставить под удар евроинтеграцию из-за этой провокации.

Прогресс в отношениях Берлина и Варшавы наметился лишь после внеочередных польских выборов в октябре 2007 г. и прихода к власти противников Качиньских во главе с Дональдом Туском. 11 декабря того же года Д. Туск в ранге премьер-министра вместе с министром иностранных дел Радославом Сикорским совершили визит в ФРГ, что было воспринято как желание установить доверительные связи с Германией [22]. Значение этого события становится особенно понятным, если принять во внимание тот факт, что 13 декабря 2007 г. (через день после официальных встреч немецких и польских лидеров) странам — членам ЕС предстояло подписать в столице Португалии «Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества» (далее Лиссабонский договор).

А. Меркель, выступая за европейскую Конституцию, ратовала и за конкретные ее положения. В итоге и на этом поле ей удалось достичь серьезных результатов. Так, ФРГ отстаивала принцип «двойного большинства» при голосовании в Совете ЕС. Против этой нормы активно выступала Польша. Ее лидеры настаивали на системе «квадратного корня», когда при голосовании «вес» каждого государства определяется величиной квадратного корня от численности его населения. После сложных дискуссий канцлер Ангела Меркель и ее союзники — президент Франции Николя Саркози, премьер-министры Великобритании Тони Блэр и Люксембурга Жан-Клод Юнкер — убедили польское руководство в том, что принцип «двойного большинства» не германская хитрость, а составная часть общеевропейского проекта. Для Польши была выработана особая «переходная процедура» в подсчете голосов [13, с. 75]. Сама норма «двойного большинства» должна войти в силу с 1 ноября 2014 г.

Меркель и ее сторонникам удалось также отстоять статью о введении поста постоянного президента Европейского Совета, избираемого на 2,5 года. Таким образом, Совет ЕС становился полноценным институтом Евросоюза [34].

В Лиссабонский договор вошло также предложение Германии о расширении функций Европарламента. Он стал обладать законодательной инициативой и участвовать в совместном принятии решений с Советом ЕС, включая утверждение бюджета. Состав Еврокомиссии было решено сократить к 2014 г. [34].

Отстаивая идею большей структурной определенности и централизации, в Берлине с удовлетворением восприняли укрепление и расширение юрисдикции Европейского Суда, который в будущем должен будет рассматривать все вопросы кроме проблем общей внешней политики и политики безопасности. Также было закреплено верховенство европейского права над национальным [24, р. 8].

Вычлняя успехи Меркель на фронтах борьбы за Евроконституцию, отметим и ее поражения.

Лиссабонский договор уже не назывался Конституцией и не заменял собой все предыдущие европейские интеграционные соглашения, за что выступала канцлерин. Он лишь вносил в них поправки. Кроме того, представители стран — членов ЕС учли возражения англичан и поляков об юридически обязательном характере «Хартии ЕС об основных правах». В итоге Хартия сохранила юридическую силу для всех членов ЕС, исключая Великобританию и Польшу. Не удалось Германии отстоять также статью о введении поста министра иностранных дел ЕС. Вместо него представительство Европы на международной арене поручалось Высокому представителю по иностранным делам и политике безопасности [24, р. 8].

Дискуссии вокруг Лиссабонского договора показали также, что Меркель и лидеры Польши не только спорили друг с другом. Иногда они оказывались союзниками в противостоянии другим странам Евросоюза. Наиболее наглядно это проявилось в позиции ФРГ и Польши, а также Италии и Ирландии по статьям Лиссабонского договора о Боге и христианских основах европейской цивилизации. Перечисленные государства настаивали на обязательном включении этих положений в итоговый документ, однако большинство их не поддержало. В итоге данные статьи были изъяты из проекта Лиссабонского договора еще на стадии подготовки [11]. В текст вошло лишь положение о культурном, религиозном и гуманистическом наследии Европы, что явилось «уступкой странам с сильными традициями антиклерикализма, а также сторонникам идеи европейского мультикультурализма» [17, с. 53].

Лиссабонский договор, чтобы вступить в силу, должен был пройти ратификацию во всех 27 странах — членах ЕС. Однако уже в июне 2008 г. ирландцы на референдуме его отклонили. Вслед за ними подписывать соглашение отказались президенты Польши Лех Качиньский и Чехии Вацлав Клаус. Меркель пыталась изменить мнение лидеров восточных соседей. В этот момент неожиданно проблема возникла у нее дома. Вновь, как и в 2005 г., о себе напомнил депутат бундестага П. Гаувайлер. Он опять подал иск в КС в Карлсруэ. Его поддержали оппозиционные партии и авторитетные в Германии лица — Франц Людвиг Шенк фон Штауффенберг (сын совершившего покушение на А. Гитлера графа Штауффенберга), бывший глава концерна «Тиссен» Дитер Шпетман, а также некоторые эксперты по правовым и экономическим вопросам [7].

Осложнения вокруг Конституции ЕС, возникшие в ФРГ, для европейской общественности стали неожиданными. У многих появились сомнения в возможностях немецкого руководства эффективно решить проблему. Усилились голоса о провале уже и облегченного варианта Евроконституции. Перед Меркель встала задача быстрой ликвидации набравшего силу скепсиса относительно будущего строительства единой Европы как в самой ФРГ, так и за ее пределами.

Проблему удалось решить летом 2009 г. В июне Конституционный суд ФРГ хотя и признал обоснованной часть претензий оппонентов Меркель, критиковавших правительство за Лиссабонский договор, все-таки вынес итоговое решение о соответствии соглашения Основному закону Федеративной Республики Германия. 23 сентября мировые масс-медиа сообщили о подписании Лиссабонского договора германским президентом Х. Келером. Канцлер А. Меркель не скрывала своего удовлетворения. Ведь ее слова о том, что ФРГ продолжит курс на интеграцию и станет новым мотором этого процесса [29], получали реальное наполнение.

27 сентября 2009 г. в ФРГ прошли парламентские выборы, по результатам которых блок христианских партий ХДС/ХСС во главе с канцлером Ангелой Меркель набрал наибольшее количество голосов, и она вновь возглавила кабинет. Новое правительство, состоящее из христианских демократов и свободных демократов, 26 октября 2009 г. утвердило программу действий на четыре года. Внешней политике была посвящена пятая глава документа «Безопасность через партнерство и общую ответственность в Европе и мире». В ней в который раз подчеркивалась приверженность ФРГ идее европейской единства. «Только в рамках объединенной Европы, — говорилось в программе, — Германия может успешно представлять свои ценности и интересы в мире. Лиссабонский договор сделает ЕС более демократичным и действенным» [35, S. 114].

Вскоре до Меркель дошли новые хорошие вести. В октябре 2009 г. состоялся повторный референдум в Ирландии. Теперь большинство населения высказалось за договоренности в Лиссабоне. Вскоре Чехия и Польша, получив ряд уступок, также поддержали соглашение.

19 ноября 2009 г. в Брюсселе открылся внеочередной саммит Евросоюза, на котором лидерам 27 стран предстояло выбрать первого в истории президента и Верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности объединенной Европы. Данный факт говорил о завершении очередного этапа в институциональном развитии Евросоюза.

Первым президентом ЕС был избран в тот момент действующий премьер-министр Бельгии Херман Ван Ромпёй. Наиболее активно за его кандидатуру выступали А. Меркель и Н. Саркози [21]. Пост Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности заняла британка Кэтрин Эштон. 1 декабря 2009 г. Лиссабонский договор официально вступил в силу. С того же дня к исполнению своих новых обязанностей приступила К. Эштон. Х. Ван Ромпёй вступил в должность 1 января 2010 г.

В завершение отметим следующее. Роль Меркель в деле европейской интеграции в 2005—2009 гг. была высоко оценена общественностью. Ее наградили медалью Роберта Шумана [9] и премией Карла Великого, которые вручаются за вклад в строительство единой Европы. Авторитетный американский журнал «Forbes» четыре года подряд (с 2006 по 2009 г.) признавал Меркель самой влиятельной женщиной мира [23]. Однако для нее самой, как нам представляется, не меньшее значение имели запущенные европолитиками и журналистами прозвища — «мать-основательница Европы» и «мать Лиссабона», которые более чем определенно говорили о вкладе канцлерин в интеграцию ЕС.

Библиографический список

1. Ангела Меркель призвала европейцев спасти Евроконституцию // Новый Регион, 2006. 12 мая. URL: <http://www.nr2.ru/inworld/66642.html> (дата обращения: 28.10.2012).
2. Бавырин Д. Евросоюз возглавит бельгиец // Взгляд, 2009. 19 окт. URL: <http://www.vz.ru/politics/2009/11/19/350677.html> (дата обращения: 15.10.2012).
3. Браницкий Д. Г., Савов Д. Д. Евроскептицизм в Польше: причины, проявления и последствия // Власть. 2011. № 12. С. 152—153.
4. Германия. Вызовы XXI века / под ред. В. Б. Белова. М.: Весь мир, 2009. 792 с.
5. Германия призывает Евросоюз к перестройке. URL: http://emigration.russie.ru/news/5/11195_1.html (дата обращения: 12.11.2012).

6. *Есень Л., Война Б.* Состояние дискуссии по институциональной реформе в избранных государствах Европейского союза // Европа : журн. польского ин-та междунар. дел. 2007. Т. 7, № 4 (25). URL: <http://www.pism.pl/zalaczniki/Europa25TUK.pdf> (дата обращения: 26.10.2012).
7. *Жолквер Н.* Судьбу Лиссабонского договора решает суд в Карлсруэ. URL: www.dw.de/dw/article/0,4016420,00.html (дата обращения: 21.02.2013).
8. Канцлер Германии Ангела Меркель находится с визитом в Польше. 2007. 17 марта. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/383267.html> (дата обращения: 13.01.2013).
9. *Муслиядинова Е.* Меркель вручена престижная награда Евросоюза — медаль Шумана // РИА Новости. 2007. 27 июня. URL: <http://www.rian.ru/world/20070627/67943115.html> (дата обращения: 02.10.2012).
10. *Никитин А.* Председательство ФРГ в Европейском союзе // Обозреватель — Observer : науч.-аналит. журн. 2007. № 3. С. 66—73.
11. *Никонов В.* Куда идет Европа? // Стратегия России. 2012. № 10. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1350110427&archive=1352789301&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 15.02.2013).
12. *Патрушев А. И.* Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М. : Изд-во МГУ, 2009. 432 с.
13. *Погорельская С. В.* Ангела Меркель. Политический портрет : аналитический обзор. М. : ИНИОН РАН, 2008. С. 104 с.
14. Польский журнал «раздел» Ангелу Меркель. 2007. 26 июня. URL: <http://lenta.ru/news/2007/06/26/merkel/> (дата обращения: 16.02.2013).
15. *Тарасов И.* Перспективы внешнеполитического единства ЕС // Международные процессы. 2007. Т. 5, № 3 (15). URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/007.htm> (дата обращения: 25.11.2012).
16. *Техау Я.* Начать сначала, а не заниматься самокопанием // Internationale Politik. 2007. Июль/август. С. 4.
17. *Федорцев В. А., Мамедова Л. К.* Европейский союз: поиск «европейской идентичности» // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9). С. 44—56.
18. *Boysen J.* Angela Merkel: Eine Karriere. Berlin : Ullstein, 2005. 280 s.
19. *Cichocki M. A.* The German EU-Presidency — The Polish Point of View // The German EU-Presidency 2007. Priorities and External Expectations // Foreign Policy in Dialogue. 2007. Vol. 8, № 21. S. 56—60. URL: <http://www.deutsche-aussenpolitik.de/newsletter/issue21.pdf> (дата обращения: 29.11.2012).
20. Constitutional Treaty: the «reflection period». 2007. 25. März. URL: <http://www.euractiv.com/en/future-eu/constitutional-treaty-reflection-period-archived/article-155739> (дата обращения: 25.11.2012).
21. Deutschlands Chancen nutzen Deutschlands Chancen nutzen. Wachstum. Arbeit. Sicherheit. Regierungsprogramm 2005—2009. 47 s. URL: http://www.cdu.de/doc/pdfc/05_07_11_Regierungsprogramm.pdf (дата обращения: 20.10.2012).
22. Deutsch-Polnische Zusammenarbeit. Politische Beziehungen. URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Europa/DeutschlandInEuropa/BilateraleBeziehungen/Polen/Politik/PolitischeBeziehungen.html> (дата обращения: 23.02.2012).
23. *Donner F.* The World's Most Powerful Women // Forbes. 2009. 18. Aug. URL: <http://www.forbes.com/2009/08/18/worlds-most-powerful-women-forbes-woman-power-women-09-angela-merkel-intro.html> (дата обращения: 04.10.2012).
24. *Duff A.* True Guide to the Treaty of Lisbon. URL: <http://www.alde.eu/fileadmin/files/Download/True-Guide-NEW.pdf> (дата обращения: 20.02.2013).
25. Erklärung anlässlich des 50. Jahrestages der Unterzeichnung der Römischen Verträge. URL: http://europa.eu/50/docs/berlin_declaration_de.pdf (дата обращения: 12.02.2013).
26. *Merkel A.* Die von Helmut Kohl eingeräumten Vorgänge haben der Partei Schaden zugefügt // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1999. 22. Dek. URL: http://fazarchiv.faz.net/?q=22.12.1999&search_in=q&timePeriod=timeFilter&timeFilter=&DT_from=&DT_to=&KO=&crxdefs=&NN=&CO=&CN=&BC=&sext=0&maxHits=&sorting=

- &toggleFilter=%22%5EKohl%2C+Helmut%22.1D.&dosearch=y#hitlist (дата обращения: 15.09.2012).
27. *Merkel A.* Mein Weg. Ein Gespräch mit Hugo Müller-Vogg. Hamburg : Hoffmann und Campe, 2004. 271 s.
 28. *Merkel A.* Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich der Eröffnung des Internationalen Bertelsmann Forums «Die Zukunft der Europäischen Union». Berlin, September 22, 2006. URL: http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2006/09/2006-09-23-bertelsmann.html (дата обращения: 10.11.2012).
 29. One Step Closer to Ratification: German Parliament Paves Way for Lisbon Treaty // *Der Spiegel*. 2009. 8. Sept. URL: <http://www.spiegel.de/international/germany/0,1518,647744,00.html> (дата обращения: 13.02.2013).
 30. Poor Marx: East German Ideology Was Not Merkel's Strong Suit // *Der Spiegel*. 2010. 1 February. URL: <http://www.spiegel.de/international/zeitgeist/0,1518,675264,00.html#ref=nlint> (дата обращения: 10.10.2012).
 31. Rede der Bundeskanzlerin der Bundesrepublik Deutschland Angela Merkel am Mittwoch, 17. Januar 2007, im Europäischen Parlament in Straßburg. URL: http://www.eu2007.de/de/News/Speeches_Interviews/January/Rede_Bundeskanzlerin2.html (дата обращения: 12.01.2013).
 32. *Seeger S.* Spiel auf Zeit — Die Debatte um die Zukunft der europäischen Verfassung // С.А.Р. Aktuell, Mai 2006. № 3. URL: <http://www.cap.lmu.de/download/2006/CAP-Aktuell-2006-03.pdf> (дата обращения: 11.11.2012).
 33. Speech by Dr Angela Merkel, Chancellor of the Federal Republic of Germany and President of the European Council, at the official ceremony to celebrate the 50th anniversary of the signing of the Treaties of Rome. 2007. 25. März. URL: http://www.eu2007.de/en/News/Speeches_Interviews/March/0325BKBerliner.html (дата обращения: 02.02.2013).
 34. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // *Official Journal of the European Union*. 2007. Vol. 50. URL: <http://eur-lex.europa.eu/JOHtml.do?uri=OJ:C:2007:306:SOM:en:HTM> (дата обращения: 28.10.2012).
 35. Wachstum. Bildung. Zusammenhalt. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und FDP. 132 s. URL: <http://www.cdu.de/doc/pdfc/091026-koalitionsvertrag-cducusu-fdp.pdf> (дата обращения: 11.11.2012).
 36. *Weiland S.* «Merkel Fought Like a Lioness». Spiegel Online Interview with Luxembourg PM Jean-Claude Juncker // *Der Spiegel*. 2007. 26. Juni. URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/0,1518,490857,00.html> (дата обращения: 12.02.2013).

РЕЦЕНЗИИ

В. А. Евсеев

Рец. на кн.: Кондратьев С. В. Английская революция XVII века : учеб. пособие. М. : Академия, 2010. 192 с.

Издательский центр «Академия» опубликовал в 2010 г. учебное пособие «Английская революция XVII века», которое рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебника для вузов по специальности и направлению «История». Эта книга написана известным специалистом по политической мысли Англии эпохи ранних Стюартов профессором Сергеем Витальевичем Кондратьевым.

Среди многих проблемных тем политической истории Англии раннего Нового времени одной из главных остается тема Английской революции середины XVII в. В отечественной литературе последняя обобщающая работа на эту тему была опубликована в 1991 г. видным медиевистом М. А. Баргом. С тех пор прошло почти двадцать лет, и к началу XXI в. появились новые тенденции в отечественной исторической науке. В этой связи публикация учебного пособия С. В. Кондратьева представляется актуальной и необходимой.

Интерпретация событий Английской революции до сих пор вызывает оживленные дискуссии в отечественной и особенно в англоязычной литературе. Важность этой проблемы отмечена в вводной главе учебного пособия, где автор знакомит читателя с различными точками зрения на такое сложное и многоплановое политическое событие, как Английская буржуазная революция середины XVII в. Данная глава построена по хронологическому принципу. Основное внимание уделено англоязычной историографии, которая начинается с сочинений непосредственных участников революционных событий — Кларедона и Гаррингтона, а заканчивается обзором работ современных англо-американских исследователей (А. Вулрич, Н. Тайк, Б. Уорден, Р. Хаттон и др.), опубликованных в начале XXI в. Отечественная историография занимает, конечно, меньший объем вводной главы по сравнению с англоязычной. Но даже пять страниц текста дают определенную информацию о проблемах, которыми занимались российские ученые, исследуя политические события в Англии середины XVII в. На наш взгляд, следовало бы чуть более подробно остановиться на работах тех отечественных авторов, которые рассматривали проблемы непосредственно Английской революции. Например, это относится к трудам М. А. Барга. Они упомянуты только в сносках. Очень хорошо, что вводная глава имеет справочный аппарат. Библиография позволяет судить о тематике исследований зарубежных и отечественных историков.

Пособие включает два раздела. В первом разделе, состоящем из трех глав, описывается состояние Британии накануне революции. Глава первая рассказывает об экономике и социальной структуре королевства. В ней рассматриваются географические, культурные и экономические особенности

© Евсеев В. А., 2013

всех составных частей государства, т. е. Англии, Ирландии и Шотландии. В этой главе автор говорит о демографическом росте в XVI — начале XVII в., но почему-то не объясняет, как это явление порождало инфляцию. Более подробно раскрыты аспекты, касающиеся поземельных отношений и социальной мобильности. Однако причины миграции населения показаны очень скупо. Сюжеты, связанные с развитием промышленности, торговли и городов, раскрыты вполне четко и ясно.

Следующая глава первого раздела посвящена политическому порядку предреволюционной Британии. С. В. Кондратьев справедливо отмечает, что политический порядок и управление на всей территории королевства были далеки от единообразия, и останавливается на специфике политической ситуации в Шотландии и Ирландии. Очень ярко автор показывает представления о королевской власти и роли двора в управлении государством. Четко описаны функции центральных и местных органов власти. Должное внимание уделено и конфессиональным проблемам, которые обычно более трудны для восприятия студентами. Однако следует отметить, что их изложение в данном учебном пособии вполне доступно.

Отдельная глава посвящена правлению Карла I. Информацию она дает гораздо более обширную, нежели эти же сюжеты, представленные в работе М. А. Барга. Примечательно, что характеристика Карла I приводится в контексте эволюции конфликта короля с парламентом, обострения конфессиональных проблем и, наконец, начала войны с Шотландией. Подводя итоги этой главы, С. В. Кондратьев справедливо отмечает, что не только поведение самого Карла I и его окружения привело к началу конфликта, но и те социальные и экономические сдвиги, которые возникли еще в XVI в., а в 1620-х гг. недовольство стало регулярно выплескиваться в самых разнообразных формах (с. 94).

Второй раздел учебного пособия состоит из семи глав (4—10), где непосредственно описываются события с 1640 по 1660 г., т. е. с начала революции и до реставрации Стюартов. В начале четвертой главы автор останавливается на периодизации революционных событий. Фактически первые четыре этапа совпадают с периодизацией, которую дает и М. А. Барг. Есть только небольшое расхождение по поводу окончания второго и начала третьего периодов. По сравнению с традиционной периодизацией автор учебного пособия добавляет и пятый этап — 1653—1660 гг., который характеризуется попытками Оливера Кромвеля стабилизировать власть в стране. Конечно, революция не закончилась установлением режима протектората. В этом плане выделение пятого этапа вполне удачное и обоснованное дополнение к ранее существовавшей периодизации.

В самом начале пятой главы говорится о расстановке сил накануне гражданской войны. Описание этого сюжета вполне логично и закономерно. С. В. Кондратьев справедливо замечает, что в большинстве графств дворяне сторонились участия в военных действиях. Одни графства официально заявляли о своем нейтралитете, другие отказывали и королю, и парламенту. Конечно, очень трудно определить территориальные границы поддержки короля или парламента. Потому они и даны несколько расплывчато. Следует отметить, что специальных исследований по этой проблеме очень мало и показать целостную картину крайне сложно. Интересный и нужный сюжет в пятой главе посвящен противоречиям внутри противоборствующих сил во время первой гражданской войны (с. 111).

В шестой главе анализируется кризис 1647 г. и рассказывается о взаимоотношениях армии и пресвитериан в Долгом парламенте. Парламентарии проиграли военным, ибо хотели распустить армию нового образца. Король, который стремился сыграть на этих противоречиях, опять неадекватно оценил ситуацию и не сумел договориться ни с парламентом, ни с армией.

Следующие три главы повествуют о второй гражданской войне, казни короля, провозглашении республики и установлении протектората Кромвеля. Достаточно доходчиво говорится о религиозных исканиях, т. е. об идеологии времен первой республики. Однако следовало заострить внимание на том факте, что это была последняя революция под религиозными лозунгами.

Рассматриваемое учебное пособие написано на основании широкого круга специальной литературы. Стиль изложения материала вполне доступен, но вместе с тем не страдает излишней упрощенностью, что очень важно для учебных изданий.

Сведения об авторах

БАЛДИН Кирилл Евгеньевич доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Ивановский государственный университет.
kebaldin@mail.ru

ЕВСЕЕВ Владимир Александрович доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет.
yevseyev@mail.ru

ЗАРЕЦКАЯ Наталия Евгеньевна кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник лаборатории геохимии изотопов и геохронологии, Геологический институт РАН.
n_zaretskaya@inbox.ru

ИЛЬИН Юрий Александрович доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет.
Ilyin37@mail.ru

КАБАНОВ Андрей Юрьевич кандидат исторических наук, уполномоченный по правам человека в Ивановской области.
kabanov37@bk.ru

КОСТЫЛЁВА Елена Леонидовна кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет.
elkos-ty-le-va@mail.ru

ЛИСТОПАДОВ Дмитрий Юрьевич аспирант кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет.
dmitriy.listopadov@mail.ru

ПОНОМАРЕВ Николай Андреевич аспирант кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет.
sharukin87@yandex.ru

РЕВЯКИНА Нина Викторовна доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет.
nvrevyakina@yandex.ru

САДОВСКАЯ кандидат исторических наук,
Валерия Юрьевна доцент кафедры всеобщей истории
и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
sadovskaya@hotmail.ru

СОКОЛОВА аспирантка кафедры всеобщей истории
Татьяна Викторовна и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88

СТЕПАНОВ кандидат исторических наук,
Аркадий Владимирович доцент кафедры истории России,
Ивановский государственный университет.
pastenovas@mail.ru

УТКИН сотрудник археологического музея,
Александр Витальевич Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88

ФЁДОРОВА кандидат исторических наук,
Елена Львовна доцент кафедры всеобщей истории
и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
Felena2006@yandex.ru

ЧЕРНОПЕРОВ доктор исторических наук,
Василий Львович профессор кафедры всеобщей истории
и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
vlchernoperov@rambler.ru

ШНЫРОВА кандидат исторических наук, доцент
Ольга Вадимовна кафедры всеобщей истории и международных
отношений, Ивановский государственный
университет, директор Ивановского центра
гендерных исследований.
shnyrova@rambler.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.